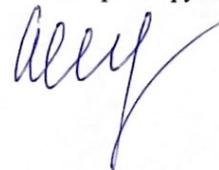

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

На правах рукописи

СОЛДАТОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА В МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
ИМЕН И ГЛАГОЛОВ

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Онипенко Надежда Константиновна

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ПЕРВАЯ ГЛАВА. КОЛИЧЕСТВЕННОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И ГРАММАТИКИ	10
§ 1 Количественность как понятийная категория: типы количественности	10
§ 2 Количественность в системе имен	21
§ 3 Типы количественности в глаголе	23
§ 4 Взаимодействие категорий и закон изотопии А. Греймаса	27
§ 5 Семантический класс предиката и категория количества	31
§ 6 Референциальный статус именной группы и категория количества	33
§ 7 Категория количества и вид глагола	35
§ 8 Количественность в системе семантических валентностей	39
§ 9 Категория числа в синтаксических конструкциях	41
§ 10 Количественность в концепции коммуникативной грамматики	48
Выводы по первой главе	53
ВТОРАЯ ГЛАВА. КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМЕН И ГЛАГОЛОВ В РАМКАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	55
§ 1 Категория количества: взгляд от имени к глаголу	58
1.1 Репертуар количественных синтаксем в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой	58
1.2 Свободные количественные синтаксемы (тип <i>a</i>)	63
1.3 Обусловленные количественные синтаксемы (тип <i>b</i>)	75
1.4 Связанные количественные синтаксемы (тип <i>c</i>)	83
1.5 Количественные синтаксемы и глагольные предикаты со значением количественного изменения	85
§ 2 Отыменные глаголы с валентностью на множественный субъект	88
§ 3 Категория количества: взгляд от глагола к имени	92
3.1 Количественные приставки и валентность на множественный субъект или объект	92
3.2 Глаголы с приставкой <i>c-</i> со значением каузации соединения и количественные синтаксемы	107
3.3 Глаголы с приставками <i>раз-</i> и <i>из-</i> со значением каузации разделения и количественные синтаксемы	110

3.4 Роль числа существительного в различении значений приставки <i>пере-</i> и вид глагола	112
§ 4 Взаимодействие вида глагола и числа существительного	114
4.1 Частные значения вида и семантика категории числа	114
4.2 Роль категории числа существительного в разграничении типов предиката глаголов НСВ	119
§ 5 Конструктивно обусловленная количественность	126
5.1 Квантитативные предложения	126
5.2 Дистрибутивная конструкция	129
5.3 Выбор согласования сказуемого в конструкции с количественно-именным подлежащим	136
5.4 Мена падежей в отрицательной конструкции. Фактор количественности	139
Выводы по второй главе	146
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ТЕКСТЕ	155
§ 1 Средства предъявления типичного в тексте: характеристика субъекта личного	156
§ 2 Категория количества в описании места	163
2.1 Множественность в описании пространства	163
2.2 Средства создания типичного в описании места (на материале «Невского проспекта» Н. В. Гоголя и «Петербурга» А. Белого)	167
§ 3 Согласование/несогласование по числу между подлежащим и сказуемым в интродуктивных предложениях	171
§ 4 Взаимодействие вида глагола с категорией числа на фоне субъектной перспективы текста	174
§ 5 Глаголы с количественными приставками и категория числа существительного	179
§ 6 Категория количества и референциальный статус имен в научном и официально-деловом стилях	186
§ 7 Количественность как семантическое условие жанровой цельности	190
Выводы по третьей главе	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	196
БИБЛИОГРАФИЯ	200

ВВЕДЕНИЕ

Отношения имен и глагола являются одним из системообразующих факторов в языковой системе русского языка¹. Имена и глагол различаются лексической семантикой, средствами словообразования, набором основных морфологических категорий и синтаксическими функциями. На уровне синтаксиса имена и глаголы вступают в сложное категориально-семантическое взаимодействие, в том числе и по категории количества. Соответственно, и имена, и глаголы располагают своими средствами выражения количественных значений.

Категория числа как именное воплощение семантической категории количества подробно рассматривалась в лингвистике в разных аспектах: 1) в связи с ее семантической сущностью и классификацией типов множества (А. А. Холодович, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, Т. П. Ломтев, И. Пете, А. Н. Полянский, Б. Тошович и др.); 2) в связи со способами ее выражения (Л. Д. Чеснокова, М. М. Копыленко, С. А. Крылов и др.); 3) во взаимодействии с другими языковыми категориями (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. Н. Полянский, А. Е. Супрун и др.). Идее количества как плану содержания категории числа были посвящены работы О. Есперсена, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. А. Холодовича, А. А. Реформатского, А. А. Зализняка, И. И. Ревзина, Г. А. Меновщикова, Е. В. Падучевой, В. З. Панфилова, В. И. Дегтярева, А. Н. Полянского, Е. В. Красильниковой, М. А. Кронгауза, О. Н. Ляшевской, С. А. Крылова и мн. др.

Временной аспект категории количества исследовался в связи с семантикой глагола, категорией вида и временной локализованностью. Рассматривались средства выражения повторяемости 1) с точки зрения повторения во времени и 2) с точки зрения количества участников, выполняющих одно и то же действие (см., в частности, работы А. Мазона, О. Есперсена, В. В. Виноградова, Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко, В. Дресслера, А. В. Бондарко, Дж. Гринберга, Д. Кьюзика, М. А. Шелякина, В. С. Храковского, И. Б. Долининой, А. Б. Шлуинского и др.). Интерпретация семантики глагольного вида на уровне предложения потребовала обращения к средствам выражения количества за пределами глагольной формы. Особенность глагола как части речи заключается в том, что в русском языке носителем многих неморфологических категорий, в том числе и квантификационного значения, выступает не сам глагол, а его окружение, контекст. Поэтому важным становится не сама морфологическая форма конкретного глагола, а то, какое значение эта форма несет в контексте, во взаимодействии с другими компонентами синтаксической конструкции.

1 В частности, в 2014 г. Виноградовские чтения в МГУ им. М. В. Ломоносова были посвящены «Имени и глаголу в языковой системе и в науке о языке XX–XXI вв. (Уроки В.В. Виноградова)», см.: <https://www.philol.msu.ru/~ruslang/sciencework/conferences/?page=vinogr2014>

Санкт-Петербургская грамматическая школа после шести томов ТФГ, в которых каждая категория представлена в виде отдельного функционально-семантического поля, выпустила том, посвященный межкатегориальному взаимодействию. В предисловии к этой книге А. В. Бондарко пишет: «Перед нами всегда не отдельные грамматические и семантические единицы и категории, а их комплексы и сложные сочетания, многообразные поликатегориальные единства. Выражаемые в речи семантические комплексы всегда представляют собой результат взаимодействия нескольких грамматических категорий в их связях с лексикой и различными типами контекстуальной и ситуативной среды» [МСГ 1996: 3].

Относительно изучения взаимодействия категорий на сегодняшний день можно говорить о двух подходах: 1) изучение связи между близкими друг к другу категориями, например, вид и время, наклонение и время, падеж и число (А. В. Бондарко, И. И. Ревзин, В. С. Храковский, В. А. Плунгян и др.); 2) взаимодействие категорий разных частей речи, при этом учитывается связь с различными типами синтаксических конструкций (А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина, Ю. Д. Апресян, Р. Лангакер, В. С. Храковский, Ю. А. Пупынин, Н. А. Козинцева, Х. Р. Мелиг и др.).

Актуальным на данном этапе развития лингвистики является именно второй подход, поскольку при этом учитывается и влияние лексической семантики, создающее определенные варианты взаимодействия категорий.

Взаимодействие семантической категории количества с глагольными категориями исследуется прежде всего как взаимодействие именной категории числа, с одной стороны, и глагольных категорий, с другой. Так, категория времени и числа в работах Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева (1989, 1997) исследуются в рамках «пространственно-временной локализованности» как суперкатегории предложения, взаимодействие категории вида и числа — в работах А. Вежбицкой (1967), Е. В. Падучевой (1996), Х. Р. Мелига (2008). В статье Е. Н. Никитиной (2014) предлагается различать типы взаимодействия различных категорий в рамках синтаксической конструкции.

Теоретическая база исследования – концепция коммуникативной грамматики, которая представляет языковые единицы как трехмерные – в единстве формы, значения и функции – и соединяет системно-грамматическое описание с текстовым анализом языковых единиц. В концепции коммуникативной грамматики к основным понятиям относятся синтаксема, модель предложения и коммуникативный регистр речи. Решение проблемы взаимодействия категорий предполагает соотнесение этих трех уровней, чему и посвящено настоящее диссертационное исследование. Исходной точкой является понятие синтаксемы, поскольку в рамках этой единицы соединяются лексическая семантика, морфология и синтаксис.

Категория количества как компонент, входящий в семантику синтаксической конструкции, оказывается результатом совместных усилий именных и глагольных синтаксем. В связи с этим становится **актуальным** исследование степени участия субстантивных синтаксем в выражении количества при глаголах разной морфемной структуры и разных лексико-семантических групп.

Новизна исследования состоит в том, что семантическая категория количества представлена как результат семантико-синтаксического взаимодействия субстантивных синтаксем (не только падежных, но и предложно-падежных) и семантики глагольных предикатов (как бесприставочных, так и приставочных).

Объектом исследования выступают морфемы, синтаксемы и синтаксические конструкции, имеющие в своей семантике сему 'количество'.

Цель исследования – выявление лексико-семантических, синтаксических и текстовых условий взаимодействия именных и глагольных компонентов конструкций, выражающих значение количества в его разных семантических вариантах.

Основная **гипотеза** формулируется следующим образом: в силу общей континуальности языковой системы семантическая категория количества континуальна, т. е. одновременно является условием и результатом взаимодействия категориальных значений имен и глаголов на уровне синтаксической конструкции и на уровне текста.

Сформулированная таким образом гипотеза определяет следующие **исследовательские задачи**:

- рассмотрев семантику количественной конструкции в двух направлениях (от имени и от глагола), определить степень вклада именных и глагольных средств выражения количественности в общую семантику синтаксической конструкции;
- проведя корпусное исследование (по «Национальному корпусу русского языка» за последние 40 лет), выявить семантические группы глаголов, регулярно соединяющиеся с количественными синтаксемами, и тем самым дополнить глагольную часть «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой;
- с учетом разграничения шести семантических вариантов количественности (собственно квантитативной, аппроксимативной, дистрибутивной, дименсивной, партитивной и генеративной) выявить семантические группы имен и глаголов, выражающих эти количественные значения;
- рассмотреть текстовые условия взаимодействия именных и глагольных средств количественности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно уточняет некоторые типы именных синтаксем, типы синтаксических отношений в рамках коммуникативной грамматики, а также развивает представление о квантитативной предикативной конструкции.

Практическая ценность заключается в том, что диссертация дополняет глагольную часть «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой (1988), кроме того, результаты работы можно использовать в практике преподавания теоретических курсов русской грамматики, в преподавании РКИ, для автоматического анализа текстов и машинного перевода.

На защиту выносятся следующие положения:

(1) Количественность – это семантико-синтаксическая категория, которая располагает совокупностью языковых средств (лексических, морфологических и синтаксических), вступающих во взаимодействие в рамках конструкции; взаимодействие осуществляется посредством минимальных синтаксических единиц – синтаксем.

(2) В рамках именной системы средств выражения количественного значения особую роль играют предлоги, которые в соединении с падежом образуют количественные синтаксемы (квантитативные, аппроксимативные, дистрибутивные, дименсивные, партитивные и генеративные).

(3) В соответствии с типологией субстантивных синтаксем степень их зависимости от глагольных лексем разная; в свою очередь, степень свободы глагольных лексем от синтаксической конструкции также различна; механизм семантического согласования предполагает соотнесенность функционального типа синтаксемы с семантическим типом глагольной лексемы.

(4) В именной системе самыми свободными от семантики синтаксической конструкции являются аппроксимативные синтаксемы, большую степень зависимости обнаруживают конструктивно-обусловленные дистрибутивные синтаксемы, дименсивные и партитивные синтаксемы находятся в отношениях семантического тяготения с глагольными лексемами: релятивные глаголы партитивной семантики требуют наличия партитивной синтаксемы, другие обнаруживают эту зависимость в определенных моделях количественных конструкций.

(5) В связи с категорией количества актуализируются другие категории (бытийность, агентивность, определенность): бытийность уменьшает семантическую самостоятельность глагола и повышает вклад именных количественных синтаксем в типовое значение предложения, с другой стороны, агентивность предиката и определенность субъекта увеличивает семантическую самостоятельность глагола.

(6) Выбор синтаксической конструкции с количественным значением обусловлен как уровнем предложения, так и уровнем текста: аппроксимативное значение связано с субъектной перспективой высказывания; значения синтаксем, образованных формами множественного числа, с уровнем коммуникативного регистра и авторской стратегией.

Материалом исследования являются тексты, написанные на русском литературном языке (XIX – XXI вв.), а также записи разговорной речи (XX-XXI вв.).

Диссертация **структурно** состоит из введения, трех глав (обзорно-теоретической, системно-грамматической и текстовой), заключения и списка литературы. В первой главе представлены теоретическая база и научный контекст диссертации: рассмотрены исследования, посвященные разным аспектам категории количества, а также взаимодействию категорий, показаны те теоретические положения концепции коммуникативной грамматики, которые положены в основу настоящей работы. Во второй главе рассматриваются типы взаимодействия глагола и имени в сфере количественности на уровне синтаксических конструкций. В третьей главе представлены текстовые условия межкатегориального взаимодействия синтаксических компонентов предложения, связь семантики конструкции с жанровыми особенностями текста, со структурой образа автора. Каждая глава заканчивается краткими выводами, в заключении подводятся итоги исследования. Текст завершается библиографией, в которую включено более 400 работ.

Апробация материалов исследования. Результаты исследования послужили основой для докладов на конференциях: Виноградовские чтения в г. Зарайске (апрель 2011 г.) — тема: «Категория количества и субъектно-предикатные отношения»; V Международная конференция по актуальным проблемам теории языка и коммуникации в Военном университете (Москва, июль 2011 г.) — тема: «Взаимодействие категории числа существительного с категорией вида глагола в «Невском проспекте» Н. В. Гоголя и «Петербурге» А. Белого»; конференция «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» в г. Екатеринбурге (февраль 2014 г.) – тема: «Межкатегориальное взаимодействие имен и глаголов в структуре художественного текста (на примере рассказов А. П. Чехова «Студент» и «Архиерей»)»; V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» в г. Москве (март 2014 г.) – тема: «Взаимодействие семантических классов глагола с именем существительным в сфере количественности»; VIII Международная научная конференция по актуальным проблемам теории языка и коммуникации в Военном университете (Москва, июнь 2014 г.) – тема: «Взаимодействие категорий количества, определенности/неопределенности и одушевленности/неодушевленности (на примере количественных сочетаний)»; XIII конгресс МАПРЯЛ в г. Гранаде, Испания (сентябрь 2015 г.) –

тема: «Валентность на множественный объект как отражение взаимодействия глагола и числа существительного»; Международный научный симпозиум «Русская грамматика 4.0» в г. Москве (апрель 2016 г.) – тема: «Категория количественности и валентность на субъект»; XI Международная научная конференция по актуальным проблемам языка и коммуникации в Военном университете (июнь 2017 г.) – тема: «Цветаева и Пастернак: анализ нескольких стихотворений».

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

КОЛИЧЕСТВЕННОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И ГРАММАТИКИ

§ 1 Количественность как понятийная категория: типы количественности

1.1 Категория количества относится к основным философским категориям, связана с познанием мира и присутствует в списках категорий у разных философов². Применение философских категорий в лингвистическом мышлении связано с таким термином, как понятийная категория. Понятийной категорией³ называют опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта, который лежит в основе семантических структур языка и определяет языковые категории (см. [ЛЭС 1990: 385] и [Азимов, Щукин 2009: 204]). Это понимание восходит к «Философии грамматики» О. Есперсена (1924, на русском языке в 1958), который ввел сам термин «понятийная категория» и обозначал им внеязыковые категории, являющиеся универсальными. Некоторые понятийные категории связаны с умственной деятельностью или логикой. К таковым относятся качество, количество и мера [Есперсен 1958: 58]. Есперсен отмечал, что числовая количественность реализуется в языке различными грамматическими категориями [там же: 216-246]: во-первых, грамматической категорией числа (единственное число, обычное и приблизительное множественное число, двойственное, обобщенное единственное и множественное число); во-вторых, собирательными существительными; в-третьих, глаголами множественных действий (фреквентативом или итеративом); в-четвертых, специальными глагольными конструкциями и, наконец, количественными наречиями.

2 См. список категорий Аристотеля, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля. Так, в списке 10 категорий Аристотеля количество стоит на втором месте после сущности: сущность, количество, качество, отношение, место, время, действие, страдание, обладание, самонахождение (положение) [Аристотель 2015]. И. Кант к категориям количества относил единство (мера), множество (величина) и цельность (всеобщность, т.е. множество, рассматриваемое как единство). Кроме того, И. Кант считал, что категории количества и качества неразрывны и отмечал, что им свойственны взаимопроникновение, взаимообусловленность, возможность взаимовыражения. Взаимопроникновение – это наличие количества в качественных характеристиках и качества – в количественных, а взаимообусловленность – присутствие во всех явлениях интенсивной величины (т.е. количества) [Кант 1964: 120]. Г. В. Ф. Гегель связывал категории качества и количества с бытием. Он подразделял количество на а) чистое количество; б) величину (Quantum); в) степень и г) меру. В отличие от категории качества, которая характеризует бытие как определенность, величина и количество связаны с бытием как снятой определенностью, а мера – как качественно определенное количество [Гегель 1998: 8, 40]. При сравнении списков категорий важно отметить общность, которая состоит в том, что категория количества занимает в них высокую строчку. При этом философы не только выделяли количество как важнейшую категорию, но и давали ей характеристику, указывали на связи количества с другими категориями. Так, Р. Декарт рассматривал количество как реальную пространственную и временную определенность тел, которая выражается через число, меру, величину (см. [Декарт 1994: 3-72]).

3 Понятийные категории в рациональных грамматиках XVII – XIX вв. называются философскими или логическими, в работах XIX – начала XX вв. – психологическими. Кроме того, их могут называть онтологическими, внеязыковыми, когнитивными, мыслительными и т. п.

И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ (1927) 1963] рассматривал количественность как одну из важнейших категорий языкового мышления, поскольку количественная сторона языкового мышления неотделима от количественного математического мышления, служащего для описания физического мира. Он выделил следующие виды чисто математической количественности: 1) количественность размерная, количественность пространственная; 2) количественность времени, длительность протекания некоторого процесса; 3) количественность числовая, как пространственная, так и временная; 4) количественность интенсивности, степени. Он считал, что эти виды чисто математической количественности следует искать во всех областях языкового мышления: 1) произносительно-слуховые представления (психофонетика); 2) морфологические представления в самом широком смысле (синтаксис, морфология слов, флексия, морфология морфем и их составных частей, морфология слогов и морфология фонем); 3) семантические представления; 4) письменно-зрительные представления. Так, например, в области имен математическому понятию суммы, алгебраической или арифметической, соответствует множественность (*pluralis*), а интегралу – собирательность. В области глаголов пространственная количественность находит свое отражение в показателях многократности (*verba frequentativa*), а временная количественность – в показателях длительности (*verba durativa*).

Представление о количественности как о понятийной категории лежит в основе теории функциональной грамматики и понятия функционально-семантического поля. Этот подход представлен рядом работ, в которых категория количества описывается как функционально-семантическое поле: «Функционально-семантическое поле количества (на материале современного немецкого языка)» Д. А. Кашиной (1973); «Количественность как функционально-семантическая категория и понятие квантитатива» В. В. Химики (1977); коллективный труд «Категория количества в современных европейских языках» (1990); коллективный труд петербургской лингвистической школы под руководством А. В. Бондарко «ТФГ. Качественность. Количественность» (1996) и др.

Категория количества и ее морфолого-синтаксическая репрезентация в различных областях языка стали предметом исследования также в таких работах, как диссертация В. В. Химики «Количественность в структуре простого предложения современного русского языка» (1978); «Языковые средства выражения количества в современном английском, русском, украинском языках» С. А. Швачко (1981); «Структурно-семантическая категория количества» В. В. Новицкой (1983); «План содержания категории количества в русском языке» А. Н. Полянского (1984); «Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке» Л. Д. Чесноковой (1992); «Средства выражения количества в русском языке»

М. М. Копыленко (1993); сборник группы «Логический анализ языка» «ЛАЯ. Квантификативный аспект» (2005) и мн. др.

1.2. В этих и других работах количественность рассматривается в трех аспектах: 1) категориальная сущность количества и типы множества; 2) языковые средства выражения количественности; 3) связь с другими языковыми категориями.

1.2.1 Категориальная сущность количества рассматривается лингвистами с применением философских понятий: (а) внешнее, формальное взаимоотношение предметов и их частей, а также свойств, связей (величина, число, степень проявления), (б) совокупность свойств, указывающих на величину и размер вещи, объективная определенность предмета, (с) совокупность элементов, объединенных по какому-нибудь признаку, (d) сторона действительности, которая определяет предмет со стороны его измеримости, (е) аддитивность предикатов (свойств), которые определяют (иллюстрируют) величину (объем, размер, модальность), выражение количества, множества, размера предмета или явления.

Типы множества в лингвистике связаны с типологией количества, выраженного языковыми средствами. Можно выделить следующие наиболее важные модели: представление А. А. Шахматова о категории числа и связанных с ней категорий считаемости, единственности, единичности, парности, совокупности; теория множества А. А. Холодовича; модель Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс; модель Т. П. Ломтева; концепция Иштвана Пете; схема множества А. Н. Полянского; функционально-семантическое макрополе количественности в европейских языках, описанное В. В. Акуленко; функционально-семантическое поле количественности в теории функциональной грамматики, разрабатываемой группой исследователей под руководством А. В. Бондарко; модель Б. Тошовича.

1.2.1.1 А. А. Шахматов, разбирая категорию числа, писал, что «отношение существительных к категории числа обнаруживает в существительных несколько других грамматических категорий» [Шахматов (1925-1927) 2001: 436]. Сюда относятся категории считаемости, единственности, единичности, парности и совокупности. Только существительные, подлежащие счету, образуют соотносительную пару ед.ч. – мн.ч. и могут употребляться в количественно-именных сочетаниях. У всех остальных существительных множественное число будет иметь особое значение.

Категория считаемости проявляется на морфологическом уровне в следующих случаях [там же: 437]: 1) существительные мужского рода в значении единиц счета в Род.п. мн.ч. имеют усеченную форму без -ов: *солдат, чулок, аршин, сапог* и др.; 2) некоторые существительные мужского рода в количественно-именных сочетаниях с числительными *два, три, четыре* получают архаическое ударение на окончании: *два шага́, три часа́, четыре ряда́*; 3) счетные существительные мужского рода, имеющие колебание между -а/-у в форме Род.п. ед.ч.,

предпочитают окончание -а в количественно-именных сочетаниях; 4) предпочтение форме *человек*, а не *люди* в количественно-именных сочетаниях: *семь, сто человек* (*людей); 5) образование при помощи суффикса -ина существительных со значением единичного понятия от формы ед.ч. со значением совокупного множества: *картофель – картофелина, скот – скотина, репа – репина*.

К категории единственности А. А. Шахматов относит существительные, которые употребляются только в единственном числе, при этом «являются названиями мыслящихся в единичном виде, единичном числе представлений» [Шахматов 2001: 437-438]. Сюда относятся имена собственные: имена лиц и географические единицы.

Категорию единичности А. А. Шахматов связывает с тем, что некоторые существительные мыслятся только как отдельные единицы, а им противопоставляются сходные по значению существительные со значением совокупности таких единиц [Шахматов 2001: 438-439]: 1) слова мужского рода с суффиксом -ин, например: *боярин, англичанин* (во мн.ч.: *бояре, англичане*); 2) существительные с суффиксом -енок, например: *теленочек, ребенок* (во мн.ч.: *телята, ребята*); 3) некоторые существительные на -ина, например: *детина, молодчина, дурачина*; 4) *дитя*. Общим для этих слов является то, что они в количественно-именных сочетаниях большого количества заменяются на формы множественного числа: *много бояр, десять телят, пятнадцать детей* и др.

Категория парности на синхронном уровне морфологически проявляется в форме именительного падежа множественного числа, которая совпадает со старой формой двойственного числа: *уши, очи, плечи*.

Категория совокупности может проявляться как в форме единственного, так и множественного числа существительных [Шахматов 2001: 439-441]:

(1) Единственное со значением совокупности (собираательные существительные; произрастания, злаки, ягоды; вещества и металлы; совокупность однородных индивидуумов, могут означать и единичный, входящий в состав совокупности индивидуум: *Студент пошел не тот*. Сюда относятся также названия различных насекомых, животных, растений).

(2) Множественное со значением совокупности⁴ (названия веществ, сортов веществ, посевных площадей, сборов, например, *дрожжи, сливки*; названия явлений природы типа

4 А. А. Шахматов отмечает, что во многих случаях множественное со значением совокупности переходило в простое множественное. Этим объясняется разнообразие значений у форм множественного числа [Шахматов 2001: 441-443]: 1) множественное число орудий, приборов (совокупность составных частей этих орудий и приборов): *клещи, гусли, сани, дровни* и др.; 2) множественное число существительных, означающих местности (общее название для обитателей): *Губята, Егоры, Козары* и др.; 3) множественное число слов, обозначающих время (названия охватывают период в несколько дней или несколько часов): *похороны, крестины, поминки, смотрины* и др.; 4) множественное число для обозначения места посредством находящегося в соседстве с ним предмета: *головы (постели), межи*; 5) множественное число состояния, выраженное предложно-падежной формой в+Вин. п. мн. ч. и в+Мест. п. мн. ч.; сюда относятся существительные, означающие лицо по его занятию, промыслу, ремеслу,

холода, сумерки; множественное число на *-ята* и *-е*; некоторые формы множественного числа, являющиеся исторически формами единственного числа с собирательным значением (*братья, мужья, деревья*); слова, означающие сложное по своему составу представление (*шансы на взаимность*); названия некоторых частей тела).

(3) Категория совокупности выражается именами числительными (*двое, трое, семеро* и др., а также *десяток, сотня* и т. п.) и собирательными существительными, такими как *толпа, народ, племя, род* и др.

1.2.1.2 А. А. Холодович [Холодович 1946: 15-36] на базе бинарных оппозиций выделяет шесть схем структурных типов множества:

- множество определенное, завершенное (типа *сани, вилы, подтяжки*, с одной стороны, и *горох, картофель*, с другой) vs множество неопределенное, незавершенное (*руки, столы, лампы*);
- множество предметов (*рука-руки, поле-поля, море-моря*) vs предметное множество (*грабли, гусли, дрова, бусы, счеты*);
- множество конкретное, сращенное, сплошное, непрерывное (*зверье, старье, бабье, белье*) vs дискретное, прерывное, точечное множество (японское *хитобито* ‘каждый человек > люди’);
- однородное множество (*рука-руки, пол-полы*) vs неоднородное множество (представлено в словосочетаниях типа *лес и вода обнялись, гомонили пастухи и журавли*);
- арифметическое множество (конечный ряд *земляника, клубника, ежевика*) vs алгебраическое множество: неопределенный, бесконечный ряд типа *руки* и определенный, конечный ряд, состоящий из двух единиц типа *вилы, клещи, щипцы, ножницы* или из трех единиц – в китайском *во-мынь-са* ‘мы втроем’;
- тотальное множество vs партитивное множество (*шесть столов, три карандаша*).

1.2.1.3 Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс в книге «Грамматико-лексические поля в современном немецком языке» [Гулыга, Шендельс 1969] делят грамматико-лексическое поле количества на два микрополя единичности и множественности. В поле количества они рассматривают средства, выражающие неопределенное количество (местоимения), точное число (числительные), приблизительность количества (некоторые наречия), а также средства, передающие качество множественности (совокупности) или имплицитности множественности (в том числе и идиоматические модели словосочетаний).

социальному положению, например: в люди, в студенты, в солдатах и др.; б) множественное дистрибутивное: дополнения, относящиеся к нескольким лицам или предметам могут быть выражены как в единственном, так и во множественном числе.

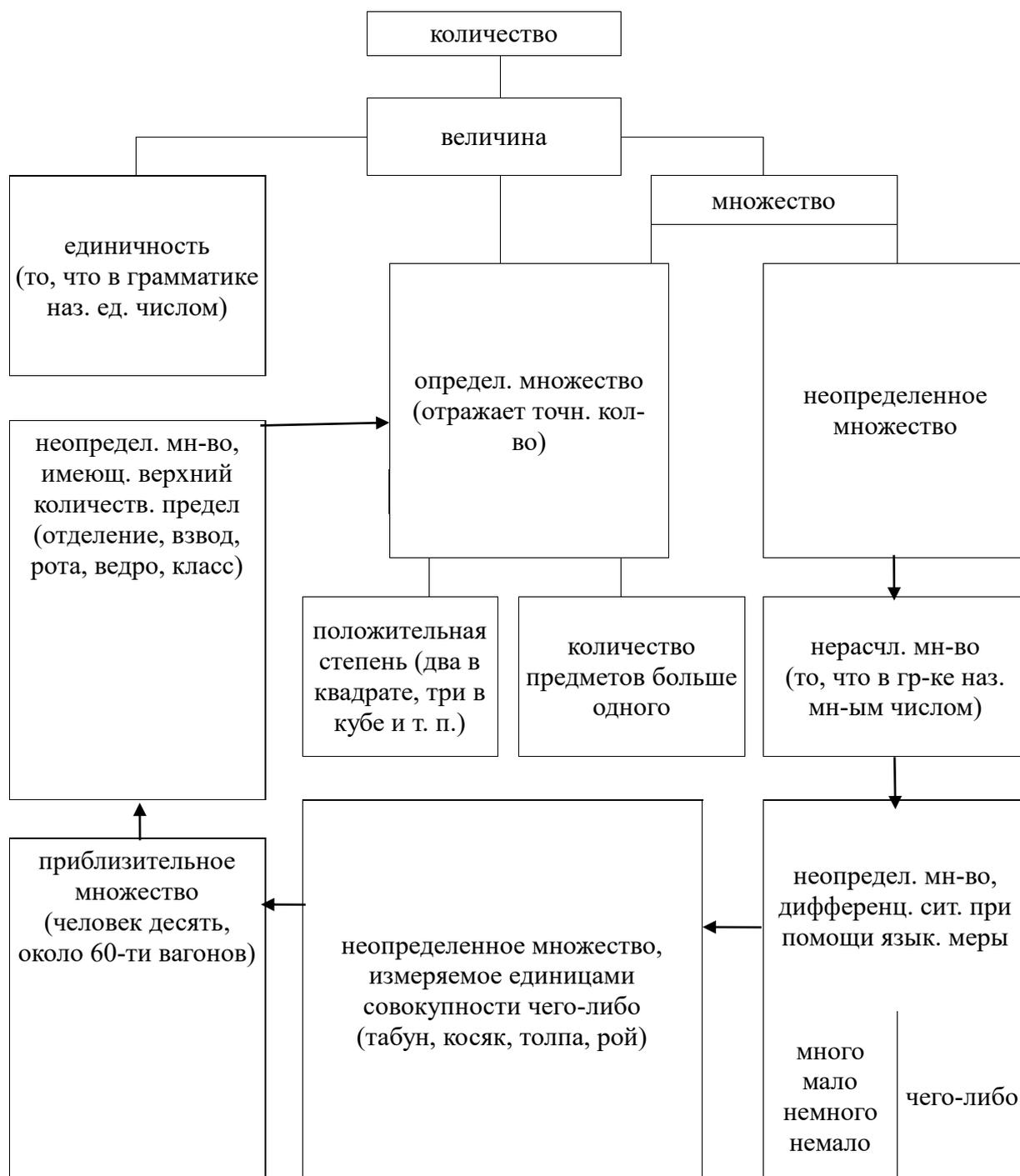
1.2.1.4 Т. П. Ломтев [Ломтев 1971: 106-116], рассматривая квантитативы, предложил свою модель множества. Проанализировав количественные и порядковые числительные, количественные местоимения, наречия и средства аппроксимации, Т. П. Ломтев разделил их на группы со значениями всеобщности, невсеобщности, полной мощности множества, точной мощности множества, неточной мощности множества, порядка.

1.2.1.4 Иштван Пете [Pete 1981: 340-345] выделяет типы численного количества на основе следующих признаков: 1) по составу: нулевое, единичное и множественное (определенное, приблизительное и неопределенное); 2) по характеру содержания: раздельное, совокупное, дистрибутивное, порядковое, видовое, нормативное; 3) с точки зрения измеримости: дискретное и недискретное; 4) с точки зрения интенсификации количественных свойств: недискретные количественные свойства (увеличение, уменьшение); 5) по объему: целое, частичное; 6) по состоянию: статичное, динамичное.

1.2.1.5 А. Н. Полянский [Полянский 1984], анализируя план содержания категории количества в русском языке, предлагает «Схему множества». Он соотносит количество с величиной, под которой понимает все то, что можно измерить и исчислить. Кроме того, он отмечает, что подразделение величины на единичность и множественность – основополагающее разделение категории количества, восходящее не только к философским трудам, но и проявляющееся в виде способности различать один-множество, присущей даже некоторым животным.

Далее А. Н. Полянский подробно рассматривает разные типы множества: определенное и неопределенное, а также их частные характеристики. Составив следующую схему (см. ниже), А. Н. Полянский подчеркивает, что схема множества в языке базируется на двух семантических центрах – определенное множество и неопределенное множество. При этом цепь неопределенность/определенность замыкается.

В схеме, представленной на следующей странице, категория числа является одним из средств выражения количественных значений. Схема соединяет лексические средства (числительные, количественные существительные, количественные наречия и местоимения), словообразовательные, морфологические и синтаксические средства. Схема демонстрирует тесные связи между разными типами множеств:

1.2.1.6 В книге «Категория количества в современных европейских языках» (1990) В. В. Акуленко представляет следующую структуру функционально-семантического макрополя количественности в европейских языках [Категория количества 1990: 17-18]: 1) определенное количество (нумеративность; единичность); 2) неопределенное количество (множественность (плюральность); 3) оценка неопределенного количества: неопределенно большое количество (мультиплицитность); неопределенно малое количество (паукальность)). В. В. Акуленко отмечает также, что представленная структура не является жесткой, различные участки микрополей могут взаимодействовать внутри макрополя, отсюда возникают промежуточные

явления. Например, микрополе собирательности образуется в зоне соприкосновения микрополей единичности и множественности.

1.2.1.7 А. В. Бондарко во введении к тому «ТФГ. Качественность. Количественность» (1996) пишет, что количественность относится к числу функционально-семантических полей полицентрического типа. Так, выделяются несколько центров: 1) грамматическая категория числа существительных, 2) числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели квантитативных отношений, 3) особый тип множественности у глагола. При этом данные языковые средства образуют несколько подсистем, составляя разнообразные комбинации и пересечения с элементами среды [ТФГ 1996: 161-162].

1.2.1.8 Категории количества посвящен отдельный том «Логического анализа языка» – «ЛАЯ. Квантификативный аспект» (2005). В этом труде стоит особо отметить обобщающе-классификационные статьи Б. Тошовича «Квантитативная категоризация и категориальная квантификация» [Тошович 2005: 104-123] и С. А. Крылова «Количество как понятийная категория» [Крылов 2005: 44-65].

Б. Тошович [Тошович 2005: 115-117] считает, что в первую очередь необходимо создать полную конструкцию категории количества. Для начала он выделяет четыре группы. К **группе А** относятся такие количественные объединения и явления, как множество (подмножество), сумма, величина, мера, квантификатор, квантор, квант, кварки. **Группу Б** составляют количественные приемы: добавление (плюс-приемы), сокращения (минус-приемы), умножение, деление и т. п. **Группа В** объединяет признаки количества, прежде всего атрибутивность, затем предметность, абстрактность, конкретность, предикативность. Наконец, **группа Г** содержит два важных свойства количества — аксиологичность и зависимость.

Отдельную группу образуют количественные комплексы: 1) множественность, единичность, двойственность, парность; 2) совокупность, сегментарность, собирательность, интегральность, (коллективность), уникальность, конкретность, абстрактность (эти подкатегории выражаются преимущественно лексико-семантическими разрядами существительных); 3) эксплицитность, имплицитность; 4) точечность, линейность; 5) динамичность, предельность, итеративность (повторяемость), дуративность (продолжительность), повторность, аккумулятивность, интенсивность (носителями данных подкатегорий являются в первую очередь глаголы, особенно категория вида); 6) стратифицированность, градуальность, деминутивность (уменьшительность), аугментативность (увеличительность), димензиональность, компаративность, соотносительность (зависимость); 7) дискретность, континуальность; 8) считаемость, исчисляемость, расчлененность, четкость, точность, определенность, приблизительность, (бес)конечность, стабильность, упорядоченность.

1.2.2 Следующий вопрос, который рассматривается в лингвистике, это языковые средства категории количества. Наиболее полную классификацию средств выражения квантификации предлагает С. А. Крылов [Крылов 2005: 56-57]:

А. Сегментно выражаемые морфологические категории:

- число;
- падеж (в той мере, в которой он отражает количественную детерминацию имени: он выпил коньяк со значением «весь» vs он выпил коньяку со значением «некоторое количество»);
- степени сравнения и степени интенсивности прилагательных;
- вид глагола (см. ниже);

Б. Супraseгментно выражаемые категории:

1. «точность vs приблизительность», выражаемая порядком слов (часов шесть, часов эдак шесть);
2. «тематичность vs рематичность», выражаемая интонацией (при косвенном участии порядка слов), тесно связана с идеей включения одного множества в другое и с идеей отождествления двух множеств по объему.

В. Разнообразные количественные значения, выражаемые служебными словами. К таким относятся:

1. детерминация имени, выражаемая детерминативами (в том числе артиклями в артиклевых языках, а также нулевыми детерминативами в разных языках, включая русский): этот, тот...
2. значения логических отношений и операций, выражаемые употреблением предлогов включения (включая, в том числе, а именно), исключения (кроме, помимо), добавления (к..., на...), вычитания (от..., из...), умножения (на...), деления, распределения (на..., по...), количественного предела (до, сверх, с... по..., вплоть до..., по...) и количественного сравнения;
3. частицы со значением ограничения (только..., лишь...), малости (всего...), точности (ровно...), приближенного равенства (около...), приближенного равенства на грани неравенства со стороны проигрыша (почти...), приближенного равенства на грани неравенства со стороны превосходства (с гаком...).

Г. Категории, выражаемые логико-семантическими разрядами местоименных слов и выражений.

К категории количества имеет отношение понятие квантора (см. выше пункт Г), которое пришло из логики⁵. Кванторные слова и смыслы рассматривают, в первую очередь, применительно к семантике местоимений, но в рамках конструкций, связанных с категорией

⁵ В логике квантор – это двухместный предикат, где первое место заполняется подквантовой переменной, а второе пропозициональной формой [Кобозева 2000: 224]. Но для естественного языка квантор трактуется как трехместный предикат. Первое место также заполняется подкванторной переменной, второе – рестриктивным термом (группа имени нарицательного, ограничивающая область определения переменной объектами из определенного класса, составляющего ее экстенционал), а третье место заполняет ядерная сфера действия (пропозициональная форма, содержащая связываемую квантором переменную) [там же: 225]. Кванторные слова и смыслы довольно хорошо изучены, см. в частности: [Бульгина, Шмелев 1988; Падучева (1974) 2007; Падучева 1989; Апресян 2005; Богуславская 2005; Богуславский 2005; Добровольский 2005; Куссе 2005; Литвин 2005; Смирнова 2005].

количества. Выделяют квантор общности (слова типа *все*) и квантор существования (слова типа *некоторые*). Е. В. Падучева [Падучева (1974) 2007: 79] выделяет такие группы кванторных слов, как 1) кванторные прилагательные – *всякий, все, любой, каждый, некоторый, никакой* и т. д.; 2) кванторные существительные – *все, кто-нибудь, кто-либо*; 3) кванторные наречия места – *везде, где-нибудь, где-либо* и т. д.; 4) кванторные наречия времени – *всегда, иногда, когда-нибудь, когда-либо*; 5) кванторные глаголы – *существует, имеется, есть, нет*; 5) кванторные фразеологические сочетания – *каков (какой) бы ни был, кто бы ни, что бы ни, где бы ни, когда бы ни* и т. д.

1.2.3 Еще один вопрос, рассматриваемый в лингвистике, – это соотношение категории количества с некоторыми другими языковыми категориями.

1.2.3.1 Со времен античной философии категорию количества соотносят с двумя понятиями: понятием множества, которое связано с операцией счета, и понятием величины, которое связано с операцией измерения.

В современной общей и славянской аспектологии с понятием множества и операцией счета связаны кратность, т. е. количество «крат», непрерывность / прерывность, а с понятием величины и операцией измерения – длительность, интенсивность. По своему содержанию эти явления не представляют собой значения одного семантического признака⁶.

Семантический признак кратности ситуаций реализуется либо как однократность, либо как неоднократность. Категория длительности представляет собой одну из сторон отражаемого в языке широкого понятия времени. Длительность и кратность связаны и могут характеризовать одну и ту же ситуацию.

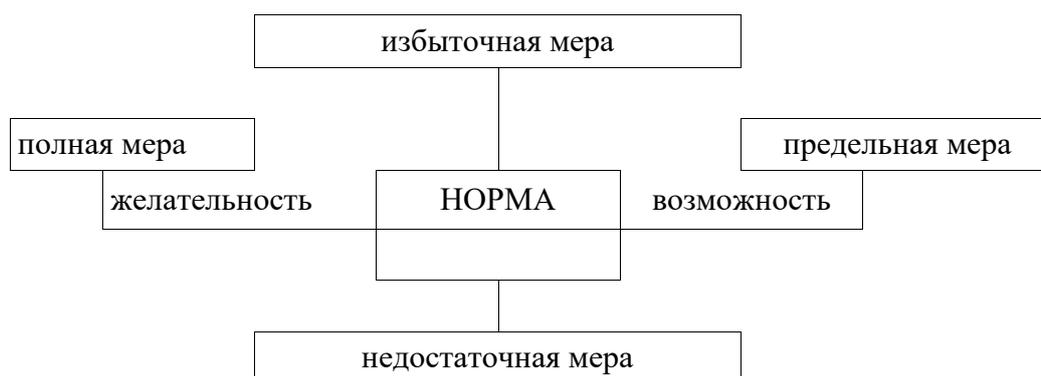
А. В. Бондарко в [Бондарко 1999] вводит понятие аспектуально-темпорального комплекса, в который входит пять полей: аспектуальность, темпоральность, временная локализованность, таксис, временной порядок.

1.2.3.2 Категория количества соотносима также с категорией компаративности и интенсивности, меры. Мера – философская категория, традиционно используемая в контексте отображения взаимосвязи и взаимозависимости количественных и качественных изменений.

Мера может выступать как единица измерения: *миллиметр, килограмм, секунда, верста, десятинна, стакан муки, тысяча душ, сто голов скота* и т. д. Мера соотносится с понятием нормы, относительно которой на разных полюсах располагаются избыточная и недостаточная меры количества. Предельная мера связана с нормой по оси возможности, а полная мера – по

⁶ Об этом свидетельствует и тот факт, что количество «крат», т. е. кратность, длительность и интенсивность могут сочетаться друг с другом, характеризуя тем самым одно и то же действие с разных сторон. Это подчеркивает и сам Ю. С. Маслов на примере глаголов прерывисто-смягчительного типа *покалывать, покашливать, почитывать*, в которых, по его словам, сочетается ослабленная интенсивность и многократность [Маслов 1978: 19].

оси желательности [Полянский 1984: 37]. А. Н. Полянский составляет следующую схему языковой меры количества:

Мера связана с компаративностью, т. е. различными типами и случаями сравнения⁷. В русском языке компаратив как грамматическая категория присущ прилагательным и наречиям⁸, поскольку сопоставление объектов, состояний или качеств происходит на основании присущего признака (прилагательное) либо при рассмотрении способов протекания действия (наречие). Целью операции сравнения может быть установление равенства или установление неравенства.

Неравенство может выражаться 1) в отношении более высокой степени представленности признака, или супериорности и 2) в отношении более низкой степени представленности признака, или инфериорности. С супериорностью связаны следующие термины: суперлатив (наивысшая степень проявления признака по сравнению с другими), интенсив (высокая степень интенсивности признака вне сравнения с другими объектами), элатив (частный случай интенсива, форма превосходной степени, употребляющаяся вне сравнения).

В естественном языке категория количества, отражая разные семантические признаки, выражается разными способами и формами: лексическими, морфологическими, семантико-синтаксическими. С одной стороны, она опирается на грамматическую категорию числа (прежде всего имен существительных), а с другой — на имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели количественных отношений; особый тип представлен в сфере глагольных предикатов.

7 По этому вопросу существует обширная библиография, см., в частности различные академические грамматики (1954, 1970 и 1980), Сэпир (1944) 1985, Червенкова 1975, Берков 1996, Князев 1996а и 2005, Калашник 1996, Воротников 1999 и мн. др.

8 Борзенко Е. О., Добрушина Е. Р. в своей статье «Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (*люблю люблее*)» демонстрируют, что в разговорной речи довольно продуктивны образования нестандартных компаративов не только от прилагательных, существительных, местоимений (*звездее, утрее, центрее, самее*), но и от глаголов (*люблее, хотее, пользуетее, сидее*) [Борзенко, Добрушина 2017: 26-39].

Рассмотрим подробнее работы, посвященные субстантивной категории числа и семантике количества в глагольных предикатах.

§ 2 Количественность в системе имен

2.1 Имя больше других ориентировано на выражение количественных значений. Во-первых, это имя числительное, т. е. специальная часть речи, ориентированная на передачу количественных смыслов. Во-вторых, это кванторные смыслы местоимений (см. предыдущий параграф). В-третьих, компаратив как грамматическая категория прилагательных и наречий, который связан с категорией меры. Наконец, большое количество исследований категории количества в имени посвящены имени существительному, потому что морфологическая форма числа выражается именно субстантивными окончаниями и сложным образом взаимодействует с лексической семантикой существительного.

В русистике есть грамматические описания, включающие описание всех способов выражения количества в имени, например, в ТФГ [ТФГ 1996]. В центре функционально-семантического поля количественности находится морфологическая категория числа. Представляя систему средств, выражающих количественные значения, авторы ТФГ решают несколько вопросов: как соотносятся «предметность» и именная количественность, какие количественные смыслы связаны с семантическим противопоставлением конкретного и абстрактного, в том числе анализируется контекстуальная неисчисляемость «общих имен»: обобщенное единственное число и множественное число с «признаковыми» значениями. Далее демонстрируется реализация категории количественности в различных неисчисляемых именах (абстрактные имена, собирательные, собственные) [ТФГ 1996: 181-214].

2.2. В семантической характеристике категории числа одним из главных противопоставлений является оппозиция единичности и множественности, поэтому они и оказываются регулярными (по терминологии А. А. Зализняка [Зализняк (1967) 2002: 24-26]).

Словоизменительная категория числа в русском языке может быть поддержана словообразовательными суффиксами. Речь идет о категории собирательности, обозначающей нечленимое множество, выраженное специальными суффиксами в рамках основы [Лопатин 1994].

2.2.1 Традиционно выделяются следующие непрямые значения единственного числа (собраны по работам различных ученых, см. в частности [Виноградов 1947; РГ 1954; Ревзин 1969б; Зализняк, Падучева 1974; Красильникова 1999; Перцов 2001; Ляшевская 2004] и др.):

- единственное «родовое»: *Собака – друг человека; Нет опаснее зверя, чем разъяренный медведь;*

- единственное «собирательное» и «обобщенно-собирательное»:
 - при обозначении лиц: *Читатель ждет книг; Теперь браконьер пошел не тот;*
 - при обозначении животных, растений, плодов: *Вишня уродилась; Береза распускается раньше дуба;*
- единственное при обозначении представителя класса: *Пожилый человек легко простужается; Такой кран имеет предохранитель от случайного поворота;*
- единственное «экземплифицирующее (партикуляризирующее)»: *Швед, русский – колет, рубит, режет;*
- единственное «экспрессивное»: *Что я там делаю? – пробирку мою!* [в значении 'пробирки']].

Для единственного числа характерно появление дополнительного значения у существительных, которые традиционно имеют парадигму по числу. Причем различие в значениях связано с референциальным статусом имени существительного. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1989: 51] предложили различать классы – абстрактные индивиды (родовой статус) – инстанции. Таким образом, если у существительного статус родовой, то выбирается форма единственного числа, если статус класса, то может использоваться как единственное, так и множественное число, но оно не будет связано с обозначением реального количества. Само соотнесение с количеством как с категорией здесь нерелевантно.

2.2.2 Непрямых значений множественного числа насчитывают значительно больше. Н. В. Перцов отмечает, что множественное число предполагает привлечение коннотаций, сопряженных с инвариантом [Перцов 2001: 172]. Он разбирает психологические аспекты инвариативного числового противопоставления «один ~ более одного», называя их коннотации: (К1) целостность ~ расчлененность, (К2) однообразие ~ разнообразие, (К3) ограниченное количество ~ большое количество, (К4) компактность ~ протяженность и, наконец, (К5) определенность ~ неопределенность. В тех случаях, когда для понимания значения множественного числа учитываются подобные коннотации, предлагается говорить о проявлении позиции говорящего, его оценки описываемой ситуации.

Кроме того, именно для множественного числа особенно актуальна идея счетности/несчетности. Так, большинство дополнительных значений во множественном числе возникает у абстрактных (особенно у «опредмеченных» признаков и действий) и вещественных существительных, которые как раз являются несчетными. Хотя, разумеется, это не абсолютное правило: иногда дополнительное значение наводится контекстом на существительные, которые традиционно имеют парадигму по числу.

Приведу лишь некоторые непрямые значения множественного числа (собраны по работам различных ученых, см. в частности [Виноградов 1947; РГ 1954; Ревзин 1969а; Пеньковский 1989; Санников 2002; Перцов 2001; Ляшевская 2004] и др.):

- множественное совокупности предметов и явлений: *красоты, штаты, деньги*;
- множественное «родовое»: *Норвежцы кроме высокого роста отличаются широкими плечами и узкими бедрами*;
- множественное «генерализирующее»: *Детям пора спать!* [по отношению к одному ребенку]; *Люди открывают Северные полюса, перелетают через Атлантические океаны, изобретают говорящие кинематографы, Днепострои возводят* [В. Катаев. Внутренняя секреция (1927)];
- множественное «гиперболическое»: *Кто это платки здесь оставил?* [об одной платке];
- множественное «неопределенное»: *В вагоне у нас новые пассажиры – молодая женщина с чемоданом* [Ревзин 1969а];
- множественное, обозначающее сложные действия: *приготовления, порядки, разговоры*;
- множественное, обозначающее протяженность природного явления в пространстве или во времени: *ветра́, снега́, воды, льды*;
- множественное со значением ‘сорта’ или ‘вида вещества’: *вина, масла́, белки́, мази*.

О. Н. Ляшевская в монографии «Семантика русского числа» (2004), исследуя закономерности употребления числовых форм в рамках предложения, обнаруживает предсказуемость числового поведения существительных и предлагает правила, опирающиеся на семантические свойства слова (таксономический класс, способ концептуализации обозначаемых объектов). При этом она выделяет различные типы множественного числа: парное и наборное множественное (рукавицы, спички); сорто-видовое множественное (*вина*); множественное взаимное (форма *друзья* в предложении *Друзья не виделись сто лет*); множественное ассоциативное (форма *лидеры* в предложении *Лидеры гонки – Шумахер и Барикелло*) и др. Семантическую мотивацию числовых форм она рассматривает для многих лексических классов: у имен веществ и совокупностей, у названий еды, растений, одежды, текстов, пространственных обозначений, отглагольных имен движения и т. д.

§ 3 Типы количественности в глаголе

3.1. При грамматическом описании русского глагола категорию количества интерпретируют либо в чисто согласовательном плане (например, категория числа в формах прошедшего времени), либо семантически (как содержательную категорию): в соединении с категорией лица (например, личные формы глагола в односоставных предложениях) и в

соединении с категорией вида. О «количественной детерминации» как специальной проблеме говорил Дж. Гринберг⁹, который предлагал различать согласовательную категорию числа у глагола, являющуюся формальным дублированием числа имени, и содержательную, отражающую количество действия [Greenberg 1972].

В русистике и славистике вопрос о количественной стороне семантики вида обсуждался во многих исследованиях (см, например: [Мазон (1914), в русском переводе 1962; Маслов 1948: 13, 27; Исаченко (1954-1965) 2003: 273 и др.; Бондарко 1971: 21-27; Шелякин 1983: 183 и др.] и др.)¹⁰.

С возросшим интересом к количественной стороне непосредственно предикатов (действий, событий, ситуаций) связано появление ряда исследований, специально посвященных глагольной множественности: монография В. Дресслера «Studien zur verbalen Pluralität» (Исследование по глагольной множественности) [Dressler 1968], коллективная монография «Типология итеративных конструкций» под редакцией В. С. Храковского [ТИК 1989], диссертация Д. Кьюзика «Verbal Plurality and Aspect» (Глагольная множественность и вид) [Cusic 1981], раздел «Количественность в сфере предикатов» в ТФГ «Качественность. Количественность», написанный И. Б. Долининой [Долинина 1996: 219-244], диссертация А. Б. Шлуинского «Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения» [Шлуинский 2005], главы, посвященные количественным способам действия (рефлексиву, реципроку, многоактным глаголам) в монографии Ю. П. Князева «Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе» [Князев 2007], диссертация Е. В. Дубровиной [Дубровина 2008] «Выражение категории количества глагольными формами в русском языке» и др.

На базе семантики категории вида решалась и проблема типологии предикатов (см. [Булыгина 1982; Селиверстова 1982; Падучева (1985) 2008]). При обсуждении этой проблематики ученые рассматривали следующие вопросы: какие типы предикатов поддаются квантификации, всегда ли значение неединичности событий можно связать с квантификацией, наконец, каково влияние референциального значения предиката на возможности передачи квантификационных значений.

3.2 Исследователи различают несколько типов предикатной множественности, из них основным противопоставлением признается «внутрисобытийная vs событийная» (или, иначе, «мультипликативная» vs «итеративная») предикатная множественность. И. Б. Долинина, продолжая идею А. А. Холодовича [Холодович 1946], к этим двум добавляет третий — «неоднородное множество» [Долинина 1996: 226]. В результате в глагольной семантике она

9 Источником такого подхода является «Философия грамматики» О. Есперсена, который термин множественное число применял как к именам, так и глаголам [Есперсен 1958: 243]

10 Подробная история вопроса до середины XX в. представлена в [Виноградов 1947: 393-432] и [Вопросы... 1962].

различает итератив (*подпрыгивать*), мультипликатив (*понабежать*), а третий тип представлен только на уровне образования глагольных лексем с обобщенным значением (*руководить, директорствовать, конструировать*).

Поскольку референциальный план глагольной множественности затрагивает временное и пространственное распределение действий, выделяют темпоральную множественность (повторение действия во времени) и дистрибутивную множественность (однотипные действия выполняются разными участниками ситуаций). В каждом подтипе представлена своя реализация универсальных типов множественности, тем самым выделяется три подтипа темпоральной множественности и три – дистрибутивной, кроме того, есть случаи их сочетаний.

Темпоральная множественность связана с видовой парой и частными видовыми значениями: единичность (*пришел на обед*) – множественность (*приходил по выходным*). Дистрибутивная связана со способом глагольного действия, когда на видовое значение накладывается добавочное лексическое¹¹. Среди количественных характеристик действия выделяют следующие: 1) однократный (*дунуть, кинуть, прыгнуть*); 2) многократный (*говаривать, сиживать, захаживать*); 3) распределительный (*пересмеиваться, переглядываться, разбежаться, понакупить, понаставить, перебить*); 4) интенсивно-результативный (*доиграться, доработаться, засидеться, заслушаться*); 5) эволютивный (*разговориться, разболеться, разгореться*); 6) прерывисто-смягчительный (*покуривать, покашливать, пописывать*).

11 Кроме понятия «способ глагольного действия» (Aktionsart), введенного в лингвистический обиход С. Агреллем и используемым, например, Ю. С. Масловым, А.В. Бондарко, М.А. Шелякиным, с категорией количества связано также понятие «совершаемость глагольного действия» (термин, предложенный А. В. Исаченко в «Грамматическом строе русского языка в сопоставлении со словацким» (1954 — 1965)). Под совершаемостью А. В. Исаченко [Исаченко 2003 (1954-1965): 218] понимает общее значение глагола, которое выражено приставками или суффиксами, модифицирующими значение исходного глагола в отношении фазисности, кратности или количества действия. Среди 12 основных типов совершаемости с категорией количества связаны следующие [там же: 224-294]: 1) количество как мера действия: эволютивная совершаемость (*раскричаться, расшалиться*); ограничительная совершаемость (*поспать, поездить, вздремнуть, всплакнуть*); смягчительная совершаемость (*поразвлечь, приостановить, подзабыть*); результативная совершаемость а) с эксгаустативным оттенком для выражения полной истощенности действия (*умаяться, уходиться*); б) с тотально-объектным оттенком для выражения направленности на все объекты или охвата всего объекта (*искусать, исписать, изъездить*); в) с сатуративным оттенком для выражения результата продолжительных или повторяющихся действий (*накушаться, наиграться, намучиться*); г) с кумулятивным оттенком для выражения достижения действием определенной меры: собственно кумулятивный (*налетать много часов, наездить 200 км*), партитивно-кумулятивный (*накупить, наделать, наобещать*) и кумулятивно-дистрибутивный (*понастроить, понаделать, понатаскать*); 2) категория количества как повторяемость: а) однократная совершаемость (*чихнуть, рывкнуться, сходить, сбегать*); б) многократная совершаемость (*хаживать, читывать, сиживать*); в) прерывисто-смягчительная совершаемость (*покашливать, постукивать, похрапывать*); г) взаимная совершаемость (*переговариваться, перемигиваться*); д) распределительная (дистрибутивная) совершаемость: объектно-дистрибутивная (*собака перекусила всех соседей; Вася поломал все игрушки*) и субъектно-дистрибутивная (*все повскакивали со своих мест; дети попрыгали в воду*).

Для некоторых способов глагольного действия исследователи указывают на связь с именной множественностью¹², например, для распределительного. При этом проблематика взаимодействия глагольной и именной множественности требует своего дальнейшего исследования.

Видовые противопоставления связаны с понятием «акциональности» в широком понимании термина, или с семантическим типом глагольного предиката. В частности, С. Г. Татевосов в диссертации «Акциональность в лексике и грамматике» (2010) стремится построить наиболее целостную теорию акционального значения, которая базируется на четырех компонентах: 1) лексическое представление глагола (акциональные характеристики, задаваемые словарно); 2) деривационные показатели (акциональные характеристики, которые задаются морфемами); 3) композиция (вклад актантов) и 4) вид. В таком виде теория акциональных классов строится не на материале конкретного языка, а в типологической перспективе. В результате С. Г. Татевосов выделяет, как минимум, пять акциональных значений: состояние, (единичный) процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс и мультипликативный процесс [Татевосов 2010: 280-300].

В диссертации С. Г. Татевосова для настоящего исследования наибольший интерес представляет теория акциональной композиции¹³, которая рассматривает вклад неглагольных компонентов в акциональную характеристику. Имена и глаголы характеризуются в терминах кумулятивности и квантованности. Кумулятивность – это такое свойство, при котором сумма двух сущностей входит в один экстенционал, если каждая из сущностей также входит в этот экстенционал [Татевосов 2010: 110]. Сюда же относятся формы мн.ч. исчисляемых существительных. В отличие от них, ед.ч., а также количественно-именные сочетания не обладают свойством кумулятивности. Квантованность – это свойство неподразделимости.

Глаголы охарактеризуются по признакам кумулятивности и квантованности. Например, *гулять* – кумулятивный и неквантованный предикат, а *растаять* – некумулятивный и квантованный. Таким образом, в глагольной сфере эти характеристики связаны с предельностью/непредельностью: квантованность равнозначна предельности, а кумулятивность – непредельности [Татевосов 2010: 112-113].

Далее С. Г. Татевосов вводит еще одно понятие – инкрементальность. Под этим он понимает одно-однозначное соответствие между частями имен и частями глагольных предикатов: кумулятивные имена взаимодействуют с кумулятивными (т. е. непредельными) глагольными предикатами, а квантованные имена – с квантованными (т. е. непредельными)

12 Синтаксичность категории количества, проявляющаяся во взаимодействии имен и глаголов, в некоторых исследованиях приводит к выводам, которые нельзя признать корректными. Так, Н. В. Семенова под категорию таксиса подводит мультипликативный и дистрибутивный типы глагольной множественности (см. [Семенова 2004])

13 Данный раздел строится на мерелогической теории М. Крипки (см. [Krifka 1992, 1998]).

глагольными предикатами. Если же отношения между именами и глаголами не характеризуются инкрементальностью, то кумулятивность / квантованность имени не влияет на предельность/непредельность глагола [Татевосов 2010: 113-116].

Теория С. Г. Татевосова является частью проблематики взаимодействия категории количества с категорией вида глагола и референциальным статусом именной группы, которые будут рассмотрены ниже.

§ 4 Взаимодействие категорий и закон изотопии А. Греймаса

4.1 Обычным для лингвистики является движение от изолированного изучения объектов к изучению их взаимодействия. Так, в рамках Санкт-Петербургской грамматической школы сначала были исследованы все категории по отдельности и представлены в виде отдельных функционально-семантических полей. Затем авторы обратили внимание на межкатегориальные связи [МСГ 1996]. В частности, В. С. Храковский пишет, что под взаимодействием понимается «такое отношение между грамматическими категориями, при котором обе категории функционируют согласованно и влияют друг на друга таким образом, который может приводить к видоизменению обеих грамматических категорий» [Храковский 1996: 25].

Типологическая лингвистика обсуждает проблему взаимодействия категорий, в частности, соотношение грамем падежа и числа, соединение семантики числа и смежных значений и указывает на то, что это взаимодействие осуществляется в связи с семантическими ролями существительных [Плунгян 2011: 128-247]. При интерпретации вторичных значений граммы числа употребляется термин «неколичественные значения» [там же: 216].

Для типологов число существует не только как субстантивная категория, но и как глагольная, которая проявляется в таких значениях, как мультисубъектность и мультиобъектность и итеративность, и предполагает взаимодействие количественности и аспектуальности, количественности и модальности. Применительно к русскому языку указываются функции приставки *на-* в соединении с падежом прямого объекта и падежом субъекта, рассматриваются пары лексем, противопоставленных единичностью или множественностью объекта или субъекта: *уничтожить – истребить, умереть – вымереть, болезнь – эпидемия, убийство – резня, эмиграция – исход* [Плунгян 2011: 219-220].

Обращаясь к тексту, мы никогда не имеем дела с отдельными грамматическими и семантическими единицами или категориями, это всегда результат взаимодействия нескольких грамматических категорий и их связь с внутри- и внешнетекстовыми факторами.

Проблема взаимодействия категорий является одним из проявлений общего закона изотопии, сформулированного А. Греймасом. Изотопия присутствует там, где имеется «семная рекуррентность», т. е. семный повтор: в разных частях текста (фрагментах текста) повторяются

лексемы, несущие в себе одинаковые семы. В результате возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмент текста).

В основе изотопии лежит так называемое явление «семантической эквивалентности», наблюдаемое при сопоставлении лексических единиц языка. Семантическая эквивалентность может проявляться в виде: а) тождественности значений (как это происходит, например, при простом повторе лексемы в тексте); б) синонимии, т. е. схожести значений; в) гипо-гиперонимии, т. е. на связи значений более высокого и подчиненного порядков; г) антонимии, т. е. противоположности значений. Таким образом, два сочетающихся слова должны иметь общую идею — классему, например, 'животное' в высказывании «Собака ('вид животного') лает ('крик животного')» [Греймас (1966) 2004: 72 и далее].

Понятие изотопии, введенное в лингвистический обиход А. Греймасом, относится к области семантики текста. В лингвистике закон изотопии применяется, прежде всего, к интерпретации предложения. В. Г. Гак назвал это явление законом семантического согласования, или итеративности классем [Гак 1972: 375].

В российской лингвистике закон семантического согласования привлекал внимание исследователей как в рамках изучения семантики производного слова ([Милославский 1980]), так и изучения семантики предложения (см., в частности, [Апресян 1972], [Гак 1972, 1998], [Арутюнова (1976а) 2003], [Всеволодова 1979], [Булыгина, Шмелев 1989, 1997]). Взаимодействие граммем устанавливается в данном случае не в рамках одной словоформы, а между словоформами, т. е. между членами предложения ([Бондарко 1992], [Касевич 1992], [Пупынин 1996]).

4.2 С точки зрения вербоцентрической теории, представленной в теории функциональной грамматики [Касевич 1992: 5-29], в конструкциях с переходными глаголами выделяются прототипически два первых актанта – субъект и объект, при этом понимается следующее:

- 1) предикат – как категория семантики синтаксиса – обобщенное понимание, инвариант к таким вариантам, как действие, состояние, отношение, существование и т. п., вместе с тем число аргументов предиката и их качественная характеристика – это словарная информация предиката;
- 2) субъект – как категория семантики синтаксиса – это план содержания первого актанта любого глагола с единообразным грамматическим оформлением;
- 3) объект – как категория семантики синтаксиса – обобщение за счет единообразного оформления в качестве второго актанта определенных аргументов.

В дальнейшем в томе «Межкатегориальные связи в грамматике» субъектно-предикатная-объектная структура рассматривалась на двух уровнях анализа [МСГ 1996: 144 – 152]: на более

высоком, синтаксическом, уровне рассматриваются отношения между предикатом, субъектом и объектом, а на более низком, грамматическом – взаимодействие различных грамматических категорий (вида, залога, наклонения, времени, лица, падежа, числа и рода). В центре внимания на уровне синтаксической конструкции находятся межкатегориальные связи типа субъект – предикат – объект, однако конкретное представление, реализация этих компонентов происходит при участии соответствующих грамматических категорий более низкого уровня:

СУБЪЕКТ	ПРЕДИКАТ	ОБЪЕКТ
<i>падеж, число, род, лицо</i>	<i>вид, залог, наклонение, время, лицо, число, род</i>	<i>падеж, число, род, одушевленность</i>

4.3 В рамках теории функционального синтаксиса было введено понятие взаимодействия моделей предложения, с помощью которого рассматривались каузативные и авторизованные конструкции, при этом взаимодействие моделей понималось как на структурно-синтаксическом, так и на семантическом уровнях как результат соединения типовых значений двух моделей предложения ([Золотова (1973) 2005: 196-297]).

Е. Н. Никитина предпринимала попытку построить общую теорию взаимодействия категорий [Никитина 2014: 302-303]. Рассматривая семантико-грамматическое взаимодействие языковых единиц в синтаксической конструкции, она выделяет два направления взаимодействия: линейно-синтаксическое и категориально-морфологическое. В первом типе друг с другом взаимодействуют синтаксические конструкции (как у Г. А. Золотовой). Во втором типе взаимодействия в рамках синтаксической конструкции категории, выражающиеся, например, аффиксально, т. е. открыто, соединяются таким образом, что их координация обнаруживает скрытые категории. Е. Н. Никитина выделяет следующие типы категориально-морфологического взаимодействия: 1) сосуществование компонентов-участников (семантическое согласование); 2) приоритет одного над другим (например, главенство категории лица в генеритивном регистре); 3) подавление одного другим (категории времени и числа в общих суждениях); 4) рождение нового (модальность как условие адъективации страдательных причастий); 5) компенсация (падеж в составном именном сказуемом по отношению к категории вида); 6) взаимоисключение (категориальной семантики неодушевленного или собирательного субъекта и предиката состояния) [Никитина 2014: 302-303].

4.4. В рамках теории взаимодействия может быть осмыслено соединение именной и глагольной множественности. Речь идет о тех примерах, когда носителем квантификационного значения может выступать не сам глагол, а его окружение. С этим связаны случаи, когда значение повторяемости, неединичности отдельных действий осмысляется как сфера иных категориальных значений: узуальности, потенциальности, непрерывности, различных типов

результативности, таких как тотально-объектный или кумулятивный, генерических значений. Таким образом, значение действия может трансформироваться в значение свойства, качества, привычек и т. п.

Другим примером такого взаимодействия именных и глагольных категорий является варьирование объектного родительного/винительного при глаголах СВ и НСВ, проблема, которой занимаются также историки языка и диалектологи. А. В. Малышева в статье «Родительный падеж прямого объекта при глаголах несовершенного вида в русских летописях и современных архангельских говорах» ([Малышева 2004]) и в докладе «Дискуссии вокруг родительного объектного» на Виноградовских чтениях в МГУ им. М. В. Ломоносова (2018) показывает, что родительный в неотрицательных предложениях в древнерусском языке употреблялся гораздо шире. Это объясняется тем, что в славянских языках Р.п. может обозначать не только количество, но и ограниченность глагольного воздействия на объект (см. [Пешковский (1935) 2001: 256], [Ломтев 1956: 266-267], [Маркова 1989], [Крысько (1997) 2006: 165]). Другими словами, глагол несовершенного вида означает незавершенное, длящееся действие и поэтому соединяется с объектом в Р.п., поскольку незаконченное действие не может охватывать объект в полном объеме.

С. А. Лугин [Лугин 2008: 342-343], рассматривая варьирование генитива и аккузатива, предложил следующее объяснение: если акцент в высказывании ставится на результате события, то прямой объект маркируется В.п.; если же объект лежит вне сферы действия глагола (до начала воздействия), то прямой объект маркируется Р.п.

А. В. Малышева, рассматривая варьирование Р.п./В.п. в исторических памятниках письменности, принимает во внимание обе точки зрения и формулирует гипотезу о том, что данные падежи не были полными семантическими дублетами, они могли маркировать аспектуальные противопоставления на том этапе развития языка, когда категория вида еще не оформилась. Так, Р.п. маркировал подготовительную стадию, отсутствие результата, имперфективные, дуративные и хабитуальные значения, а В.п. – результирующую стадию, результативные и перфективные значения. Похожие примеры А. В. Малышева находит и в современных севернорусских говорах, но при этом подчеркивает, что речь может идти лишь о тенденции, периферии грамматической системы. Такая тенденция оформилась в грамматическую закономерность, например, в финском и эстонском языках, где аспектуальные противопоставления оформляются разными падежами прямого объекта (см., в частности, сопоставительные работы по эстонской и русской грамматике [Пяльль, Тотсель, Тукумцев 1962: 247] и по финской и русской [Братчикова 1995: 8-12]).

Взаимодействие именных и глагольных категорий в сфере количественности находит отражение, например, в арабской грамматике¹⁴. Согласование между субъектом и предикатом по числу зависит от того, относится ли подлежащее к одушевленным существительным, т. е. «разумным» именам (называющим людей), или к неодушевленным, «неразумным» (называющим животных, неодушевленные предметы). При подлежащем во мн.ч. в первом случае предикат будет во мн.ч. нужного рода, во втором же – в ед.ч. женского рода. То же самое характерно для согласования определения и определяемого. Кроме того, если глагол находится в препозиции к подлежащему, то он не согласуется с ним в числе (имеет форму ед.ч.), а в постпозиции – согласуется.

В настоящей работе в центре внимания будет находиться именно этот тип взаимодействия – взаимодействие именных и глагольных категорий в сфере количества. При этом категории не будут пониматься формально-грамматически – не будут противопоставляться значениям уровня лексической семантики основ, т. е. речь пойдет не о взаимодействии словоформ, а о взаимодействии синтаксисом (что будет предметом следующей главы).

Но прежде чем обратиться к семантическим основаниям взаимодействия именных и глагольных компонентов предложения, рассмотрим наиболее значимые для современной лингвистики семантические теории, основанные на вербоцентрическом подходе к предложению.

В рамках вербоцентрической теории вершиной, через которую объясняется вся семантика предложения, является глагольный предикат, поэтому основой интерпретации семантики предложения становится типология предикатов.

§ 5 Семантический класс предиката и категория количества

5.1 Исследователи, о которых пойдет речь ниже, шли от глагола к имени, от семантики глагола к семантике предиката, от семантики предиката к семантике предложения. Типология¹⁵ семантических классов предиката связана со следующими признаками: статичность /

14 См. различные грамматики арабского языка, а также исследования, посвященные арабским глаголам, в частности [Юшманов (1928) 1999; Чернов 1995; Яковенко 2000; Дубинина 2005].

15 Кроме классификации семантических типов предиката, существуют другие типы классификации глаголов. Существуют классификации, в основе которых лежит тематический принцип. См., в частности, классификацию Л. М. Васильева [Васильев 1981]; «Толковый словарь русских глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко (1999), 4-й том «Русского семантического словаря» под ред. Н. Ю. Шведовой, посвященный глаголам. Тематические классы образуют глаголы движения, речи, воли, восприятия, знания / мнения, эмоций, физического воздействия, создания, существования, звука и т.д., их несколько десятков. Например, семантические классы глаголов, используемые в Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorgo.ru/>), – это тематические классы [Kustova et al. 2009].

динамичность, агентивность / неагентивность (контролируемость / неконтролируемость), временная локализованность / нелокализованность.

Семантический класс предиката – это такое категориальное значение, которое связано определенными синтаксическими условиями и с временной локализованностью.

Первая классификация была предложена З. Вендлером [Vendler 1967], затем появился целый ряд работ, развивающих его идеи: см., в частности, классификации У. Чейфа [Чейф 1970, русский перевод 1975], Т. Б. Алисовой [Алисова 1971], Т. В. Булыгиной [Булыгина 1982], О. Н. Селиверстовой [Селиверстова 1982], Р. Ван Валина [Ван Валин 1982], Е. В. Падучевой [Падучева (1996) 2010] и др.

З. Вендлер [Vendler 1967]¹⁶ выделил 4 класса: деятельности, совершения, стивы и достижения. В применении к этим классам сейчас используется термин акциональный класс или таксономическая (=онтологическая) категория. Т-категория – это уточнение вендлеровского глагольного класса. Е. В. Падучева различает восемь, в отличие от четырех вендлеровских, Т-категорий [Падучева (1996) 2010: 28-29, 107]: вневременные свойства/соотношения (states, вмещать, НСВ), ингерентные состояния и занятия (states, болеть, НСВ), деятельности (activities, гулять, НСВ), обычные действия (accomplishments, открыть, СВ), действия с акцентом на результате (achievements, найти, СВ), непредельные процессы (activities, кипеть, НСВ), предельные процессы (accomplishments, растаять, СВ), происшествия (achievements, лишиться, СВ). Семантические классы предикатов оказываются несвободными, то есть синтаксически обусловленными. Более того, выделение того или иного семантического класса осуществляется на основании определенных типов синтаксической обусловленности – определенного типа синтаксической конструкции (диагностического контекста).

Таксономическая категория в разных употреблениях глагола может быть разной, поэтому можно сказать, что категория является не признаком, а параметром, таким образом, у слова возникает категориальная парадигма. Мена категорий – это категориальный сдвиг. Обсуждаются условия, которые могут приводить к этому сдвигу.

5.2 Ю. Д. Апресян предложил «фундаментальную классификацию» глагольных предикатов, в которой разделение на группы совершено на других основаниях: на верхнем уровне типологии 17 главных классов [Апресян 2009: 37-38]¹⁷, из которых с категорией

¹⁶ Классификация Вендлера обнаруживают сходство с известной классификацией Ю. С. Маслова [Маслов 1948]. Подробное сравнение двух классификаций см. [Падучева 2009].

¹⁷ Ю. Д. Апресян выделяет следующие 17 классов: 1) действия (*атаковать, идти, писать*); 2) деятельности (*воевать, воспитывать, торговать*); 3) занятия (*гулять, играть*); 4) поведения (*баловаться, шалить, капризничать*); 5) воздействия (*Река вымыла глубокое русло*); 6) процессы (*выздоровливать, кипеть, расти*); 7) проявления (*блестеть, звенеть, вонять*); 8) события (*находить, случаться, происходить*); 9) положения в пространстве (*висеть, лежать, сидеть*); 10) локализации (*завалиться, находиться, оказываться*); 11) состояния (*знать, радоваться, хотеть*); 12) свойства (*заикаться, картавить*); 13) способности (*владеть гитарой, говорить по-английски*); 14) параметры (*весить, вмещать, длиться*); 15) существования (*бывать, водиться, существовать*);

количества связаны, прежде всего, класс **параметры** (*весить, вмещать*), некоторые глаголы класса **отношения** (подкласс глаголов со значением количественного изменения; подкласс глаголов *состоять, составляться, слагаться, равняться, содержать*; подкласс глаголов, которые обозначают создание, каузацию целого из частей). При этом данные классы не рассматривались во взаимодействии с именными синтаксемами с количественным значением.

Ю. Д. Апресян также отмечает, что границы между ними могут оказаться размытыми. А это значит, что для некоторых семантических классов взаимодействие именных и глагольных категорий в сфере количества будет показательным.

§ 6 Референциальный статус именной группы и категория количества

Референциальный (или денотативный) статус именной группы соотносится с типом референции. Он по-разному взаимодействует с категорией количества. Именные группы могут быть единичными и множественными, входить в определенное множество, а число существительного может выражать переносное значение.

Под референцией понимается соотнесение и соотнесенность высказывания с действительностью, т. е. внеязыковыми объектами или ситуациями. Применительно к этому явлению говорят о типе референции (см. [Арутюнова (1976а) 2003]).¹⁸

Референциальный статус – это статус именной группы в предложении, который определяется по тому, с каким типом сущности она соотносится. Данное понятие обобщает такие явления, как субстантивность – предикативность, определенность – неопределенность, конкретная / неконкретная неопределенность, универсальная / экзистенциальная квантификация.

Е. В. Падучева выделяет следующие классы употреблений именных групп [Падучева (1985) 2008: 86-87; Падучева 2017]: 1) субстантивные употребления, которые подразделяются на референтные (конкретно-референтные) и нереферентные, и 2) предикативные употребления, в которых именная группа обозначает свойство.

У референтных именных групп выделяются следующие статусы [Падучева (1985) 2008: 87; Падучева 2017]: 1) определенный (для говорящего и слушающего), 2) слабоопределенный (определенный для говорящего, но предполагается неопределенным для слушающего) и 3) неопределенный (для говорящего).

16) отношения (*равняться, содержать*); 17) интерпретации (*грешить, клеветать, ошибаться*) [Апресян 2009: 37-38]. Каждый из этих классов подразделяется на большое число подклассов. Например, действия делятся на физические, физиологические, ментальные, волевые, эмоциональные и социальные и др., аналогичным образом подразделяются деятельности, состояния. Существуют также дополнительные признаки, охватывающие большие классы лексем: инцептивы, финитивы, каузативы, ликвидативы.

18 Теории референции посвящено много исследований, см., в частности, [Арутюнова (1976а) 2003, 1976б, 1982], [Givón 1978], [Стросон 1982], [Линский 1982], [Крылов 1984], [Падучева (1985) 2008], [Толдова 2000], [Толдова, Сердобольская 2002] и мн.др.

Во всех референтных статусах могут употребляться как единичные, так и множественные именные группы. Для определенных именных групп характерны и дискретные, и собирательные, и дистрибутивные множества. При этом употребление неопределенных местоимений во мн. ч. (*некоторые, какие-то, какие-нибудь*) и определительного местоимения (*всякий*) может быть примером языковой игры. В этом случае говорящий и слушающий, несмотря на использование неопределенного местоимения, понимают, о чем конкретно идет речь¹⁹. При слабоопределенном статусе такой языковой игры не будет. В случае употребления неопределенного местоимения вполне закономерен вопрос слушающего: *Какие?* или *Кто?* Поскольку при таком статусе именной группы для говорящего не важно соотнесение с конкретным объектом референции, как при определенном статусе, то в случае употребления мн. ч. может быть статус класса (понятие, используемое Т. В. Булыгиной), а в случае ед.ч. – статус инстанта.

При неопределенном статусе именной группы, как пишет Е. В. Падучева [Падучева (1985) 2008: 92], в смысл предложения входит информация о том, что рассматриваемый объект (единственный или множественный) входит в некоторое множество. Множество может быть открытое, т. е. задаваться общим обозначением (*какая-то книга*), а может быть определенное, т. е. находящееся в поле зрения говорящего и слушающего (*один из, кто-то из*).

Рассматривая примеры «Он носит *рубашки с мягким воротом*; Он часто ходит в *музеи*» [Падучева (1985) 2008: 93], Е. В. Падучева ссылается на замечание Т. Гивона о том, что здесь говорящий признает существование объектов, которые можно индивидуализировать, но их отождествление и различение не имеет значения в данном контексте. Сама Е. В. Падучева подчеркивает, что семантика неопределенности в этих предложениях обусловлена узуальным значением глагола, относительной повторяемостью действия, поэтому числовое противопоставление несущественно, и увеличивается роль таксономической принадлежности объекта. В данном случае можно также говорить о статусе класса, по терминологии Т. В. Булыгиной.

У нереперентных именных групп выделяются следующие референциальные статусы [Падучева (1985) 2008: 94; Падучева 2017]: 1) экзистенциальный (дистрибутивный, неконкретный, общеэкзистенциальный), 2) универсальный, 3) атрибутивный и 4) родовой.

При экзистенциальном статусе речь идет об объекте (единственном или множественном), который соотносится с классом объектов того же рода и при этом не индивидуализирован, т. е. не выбран из этого класса.

19 Ср., например, известную цитату из «Скотного двора» Дж. Оруэлла: «Все животные равны. Но некоторые животные равны более, чем другие» (в пер. И. Полоцка).

В случае универсального статуса именная группа предполагает неограниченное, открытое множество, квантор всеобщности (*всякий*).

Именные группы с атрибутивным статусом употребляются в высказываниях с особыми характеристиками, а именно: высказывание представляет собой некое заключение/предположение по неполной информации. Этот референциальный статус соотносится со статусом класса.

Родовой статус именной группы соотносится с типичным, эталонным представителем класса, как правило, речь идет о роде объектов на примере одного. Разновидностью именной группы в родовом статусе являются примеры, когда речь идет о всем роде или виде целиком: «а. *Рыбы* составляют один из классов в типе хордовых; б. *Ягуары* в Южной Америке вымирают» [Падучева (1985) 2008: 98].

Т. В. Булыгина и Е. В. Падучева рассматривали взаимодействие именных групп в разных референциальных статусах с типом предиката. Типология предикатов входит в более широкую проблематику глагольного вида.

§ 7 Категория количества и вид глагола

7.1 Исследователи вида глагола давно обращали внимание на взаимодействие числа существительного и вида глагола. Классическим стал пример *читал лекции — прочитал лекции*. В первом случае значение несовершенного вида неограниченно-кратное, множественное число существительного выражает неограниченную множественность, таким образом, речь идет о некотором действии, не имеющем конкретного начала или конца, повторяющемся несколько раз. В случае употребления единственного числа существительного при глаголе — *читал лекцию* — значение несовершенного вида конкретно-процессное, а существительное имеет конкретно-референтный статус, и единственное число отражает реальное положение дел. В сочетании *прочитал лекции* значение совершенного вида перфектное, а значение множественного числа — ограниченная множественность, например, *десять лекций*. Таким образом, речь идет о событии, которое имело место в прошлом, но уже закончилось.

7.2 Другой вопрос, связанный с категорией количества и видом глагола, — это дискуссия вокруг варьирования В.п./Р.п. для оформления объекта при глаголе (см. также дискуссию о Род. объекта в §4 п. 4.4).

Если говорить о современном литературном языке, то речь идет о допустимости употребления при глаголе СВ дополнения с количественным значением и невозможности при глаголах НСВ. Еще Р. Якобсон в статье «К общему учению о падеже» (1936), рассматривая значение и функции падежей в русском языке, отмечал, что несовершенный вид не сочетается с Р.п.: *поел хлеба — ел хлеб, взял денег — брал деньги, наделал долгов — делал долги* [Якобсон

(1936) 1985: 147]. Его идеи о различной сочетаемости СВ и НСВ с Р.п. в партитивном значении развила Анна Вежбицкая в статье о семантике глагольного вида в польском языке [Wierzbicka 1967]. Она указывала, что при глаголе НСВ в актуально-длительном значении невозможно прямое дополнение, включающее показатель количества.

Вслед за А. Вежбицкой употребление НСВ в контексте количественных определителей в русском языке анализировала Е. В. Падучева [Падучева (1996) 2010: 182-191]. Так, она выявляет несколько случаев, которые препятствуют замене СВ в контексте количественной группы на НСВ в актуально-длительном значении:

1) расчленение действия на последовательные акты: *наша кошка поймала в подвале пять мышей* vs **наша кошка ловит в подвале пять мышей*;

2) накопление эффекта: **он пьет полстакана молока, *он ест всю кашу*;

3) промежуточный или просто незапланированный итог, не являющийся достижением заранее поставленной цели: *они уничтожат полроты вражеских солдат* vs **они уничтожают полроты вражеских солдат*; *он преодолел две трети расстояния* vs **он преодолевает две трети расстояния*;

4) неопределенность количества: *он купил несколько журналов* vs **он покупает несколько журналов*. Однако это верно для тех примеров, в которых допускается, что неопределенность (несколько) входит в формулировку цели ее субъектом²⁰. Важно также то, что добавление показателя определенности позволяет употребление НСВ в актуальном значении (*Иван проводит эти полгода в Париже, она выполняет первую половину вашего задания*);

5) партитив: **я пью воды, * он несет дров, *я варю борща*. При этом запрет на НСВ при партитиве будет сниматься или значительно смягчаться при наличии дательного бенефактивного (**несу яблок – несу жене яблок, *покупаю мяса – покупаю мяса нам на обед, *варю борща – варю вам борща*).

Этой проблемой также занимается Х. Р. Мелиг, который исследовал совместимость несовершенного вида в процессуальной функции с дополнением, обозначающим ограниченное количество [Мелиг 2008]. Здесь он рассматривает примеры употребления глагольного вида в конструкциях с квантитативным объектом, как в примере из [Кошелев 1996: 169]: «*Маша ест 100 г мяса*».

В центре внимания Х. Р. Мелига находится НСВ в так называемой процессуальной функции, т.е. НСВ представляет ситуации как актуально длящиеся и соотносит их с так называемой фокусной точкой («focalization point») [Dahl 2000: 526-538], которая включается в

20 Ср. пример Он покупает какие-то журналы [Падучева (1996) 2010: 188]. В этом примере какие-то выражает неопределенность для говорящего, а не для субъекта действия.

общезначимую ситуацию. Другими словами, в данном случае ситуация, обозначаемая НСВ, представляется как еще происходящая в фокусной точке, то есть как возникшая, но еще не завершившаяся. Первичной фокусной точкой является момент речи. Для прошедшего и будущего времени определяется вторичная фокусная точка, например, с помощью обстоятельства времени типа *в два часа* или предикации в СВ.

Х. Р. Мелиг рассматривает также невозможность употребления НСВ в процессуальной функции, когда так называемые Activity-глаголы типа *спать, работать*, обозначающие гомогенную деятельность, ограничены пространственными или временными выражениями меры (<Тихо!> — **Дедушка спит два часа; *Я пришел, когда дедушка спал два часа*). Для Х. Р. Мелига важно показать, что в этих примерах употребление НСВ не допускает процессуальной интерпретации, так как существительное с количественным показателем маркирует ситуацию как ситуацию с совокупным объектом. При этом пример *Дедушка спит два часа* в настоящем времени может быть проинтерпретировано как настоящее историческое, *praesens pro futuro* или как итеративное высказывание. В прошедшем и будущем времени НСВ этот пример допускает обобщенную интерпретацию в смысле М. А. Шелякина [Шелякин 2008: 73]: *Дедушка как-то уже спал два часа после обеда*.

Однако не всегда недопустимо употребление НСВ в процессуальной функции с количественным объектом, поэтому Х. Р. Мелиг пытается определить условия процессуальной интерпретации. Он берет два примера *«Маша ест 100 г мяса / Маша варит 100 г мяса»*. Во втором случае количество мяса дано с самого начала процесса, если происходит качественное изменение, то оно происходит одновременно со всем объемом мяса. Кроме того, в кастрюле весь объем мяса помещается целиком сразу.

В первом же случае, 100 г мяса уместить во рту целиком невозможно. Более того, мы имеем дело с изменением состояния, но уже объема объекта, следовательно, съеденное количество мяса можно определить лишь по завершении ситуации. Однако при процессуальном употреблении НСВ ситуация представлена как еще происходящая в фокусной точке, то есть она вводится еще до своего возможного рассмотрения.

Х. Р. Мелиг также анализирует контексты, в которых объекты «вовлекаются» в описываемую ситуацию постепенно, одни за другим, так что дополнение является накопительным. Речь идет о контекстах с притяжательным местоимением свой при дополнении, обозначающим ограниченное количество. Например: <Где Игорь? — На кухне.> *Он пьет свои две чашки чая. Одну он уже выпил*. Данное местоимение указывает на то, что обозначаемая ситуация повторяется более или менее регулярно, и по этой причине объем / количество объектов является известным уже в фокусной точке.

Знание количества объектов не означает, что ситуация должна происходить или происходит регулярно. Количество участников, обозначенных накопительным дополнением, может быть сообщено в предтексте. Об этом же писала и Е. В. Падучева (см. выше). Примером могут служить указательные местоимения *этот* и *тот*: *Когда я вошел, Игорь переводил **те** два письма, которые он получил из посольства.*

Итак, Х. Р. Мелиг пишет [Мелиг 2008: 160], что в именных группах, которые обладают конкретно-референтным статусом определенности, числительные и показатели меры являются не кванторами, а частью описания, и тем самым — предикаторами. В таких именных группах, как те два письма, квантификации подвергаются не два или три объекта, входящие в большую группу, а задействуется уже изначально известное количество. И НСВ в своей процессуальной функции может относиться к совокупности всех перечисленных ситуаций в целом, то есть к сумме всех ситуаций.

В результате Х. Р. Мелиг формулирует правило: «В предикации с накопительным дополнением, обозначающим ограниченное количество объектов, употребление НСВ в процессуальной функции допускается только в том случае, если их количество / объем известны из предтекста или из самой ситуации» [Мелиг 2008: 161]. Лишь одно небольшое замечание к правилу: квантификатор должен быть таким, чтобы ограниченное количество не понималось как накопитель. Пример *Маша варит 5 кг мяса*. Если в кастрюлю могут поместиться одновременно 5 кг мяса, тогда дополнение не будет накопителем.

7.3 Категория количества в рамках предложения может выражаться через взаимодействие категории числа существительного с категорией вида и времени глагола, см. работы Т. В. Булыгиной, которая анализировала видо-временные значения предиката и референциальные характеристики его актанта. Так, она различает предметные и сентенциальные (т. е. соотносимые с ситуацией) именные группы и номинализации. У предметных именных групп выделяются три референциальных статуса [Булыгина, Шмелев 1997: 115]: 1) абстрактные классы (открытые множества) объектов; 2) индивидуальные объекты (или индивиды), взятые в отвлечении от конкретных пространственно-временных манифестаций; 3) конкретные пространственно-временные «срезы» объектов (инстанции, или инстанты).

Что касается сентенциальных именных групп, то им присущи только два типа таких сущностей: 1) абстрактные классы и 2) инстанты. Для номинализаций, обозначающих факты, исключается и генерализованная интерпретация, так как факты всегда конкретны и не образуют открытых множеств.

Предикатные выражения Т. В. Булыгина рассматривает в связи с признаком временной локализованности [Булыгина, Шмелев 1997: 118]. Четко разграничиваются два типа:

эпизодические и качественные. К эпизодическим относятся такие предикатные выражения, которые обозначают конкретные процессы или события, реально происходящие или происшедшие в некоторый момент или период времени, или же описывают ситуации или состояния, приуроченные к конкретному временному отрезку. При качественном употреблении предикатные выражения описывают признаки, не связанные с конкретным моментом времени.

Эпизодические предикатные выражения могут «повышаться в ранге» с помощью таких кванторов, как *бывает, всегда, иногда*. Такие предикатные выражения Т. В. Булыгина называет узуальными.

Узуальные и качественные предикатные выражения образуют единый класс гномических предикатных выражений.

Существующие в языке закономерности между типом предикативного выражения и референциального статуса именной группы Т. В. Булыгина [Булыгина, Шмелев 1997: 124 и далее] описывает в виде семантических признаков. Для этого единицы характеризуются по двум бинарным признакам: «актуализованность» и «локализованность». Для актуализованности и локализованности приписывается «+», для неактуализованности и нелокализованности — «-», если же именная группа или класс предиката оказывается не охарактеризованным по какому-либо из признаков, ему приписывается «0».

	ИГ		ПВ
<i>классы:</i>	0 актуализ; – локализ	<i>гномические:</i>	– актуализ; 0 локализ
<i>индивиды:</i>	– актуализ; + локализ	<i>«сост. класса»:</i>	+ актуализ; – локализ
<i>инстанты:</i>	+ актуализ; + локализ	<i>эпизодические:</i>	+ актуализ; + локализ

При этом в соответствующих семантических признаках между предикатным выражением и подчиненной ему именной группой должна быть согласованность. Так, гномические предикаты не могут сочетаться с инстантами (-/+ актуализ соответственно); эпизодические предикаты не могут сочетаться ни с классами (+/- локализ соответственно), ни с индивидами (+/- актуализ соответственно). Предикаты «состояния класса» (- локализ) не могут приписываться индивидам (+ локализ).

§ 8 Количественность в системе семантических валентностей

В Московской семантической школе понятие «валентность» играет большую роль (см., например, работы Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука и А. К. Жолковского²¹, Е. В. Муравенко,

21 В модели «Смысл <=> Текст», разрабатываемой И. А. Мельчуком, А. К. Жолковским, Ю. Д. Апресяном, для рассмотрения смысловой сочетаемости используется понятие лексической функции. Под ней понимается зависимости между ключевым словом и некоторым другим словом или словосочетанием. В [Мельчук (1974) 1999:

В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, А. Д. Шмелева), потому что считается, что валентность может иметь не только глагол, но и другие части речи (например, прилагательные и существительные релятивной семантики), а также что синтаксические валентности эксплицируют семантические валентности, т. е. каждой семе соответствует определенный способ оформления, валентности заполняются актантами (см., в частности, [Мельчук (1974) 1999: 134–139; Апресян 1995 I: 119–156]).

В книге «Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря» (отв. ред. Ю. Д. Апресян) 2010 г. представлен последний, обновленный список семантических валентностей [ТПРС 2010: 370-377]. Из 53 семантических валентностей с категорией количества соотносятся собственно семантические валентности **значение** количественного параметра, **множество** и **срок**. **Значение** количественного параметра связано с семантическим классом **параметры**, в семантику которых входит идея количества. **Множество** – это однородные объекты, представленные как совокупное множество, из которого или в котором выделяется/выбирается какая-то часть. **Срок** одновременно связан со временем и количеством, другими словами, срок – это количество времени. Ю. Д. Апресян отмечает, что данная валентность выступает при предикатах следующих трех классов [Апресян 1995 I: 130-131]: 1) предикатах со значением приобретения права на временное пользование (*арендовать на год, одалживать до получения, подписка на полгода, абонемент на два месяца*); 2) предикатах со значением продолжения (*длиться <храниться, тянуться> год*); 3) предикатах со значением перерыва (*отпуск на два месяца, пятиминутный перерыв, десятиминутная перемена, перекур на час*). Соответственно, имеет смысл рассматривать в комплексе взаимодействие семантических классов с синтаксемами с количественным значением.

Когда говорят о семантических валентностях слова, как правило, подразумевают толкование слова в целом. Однако на поверхностном уровне определенный способ оформления может зависеть от валентности, которую привносит та или иная морфема. Например, предикат имеет валентность на субъект действия. Однако то, что это множественный субъект, может определяться семантикой корня или другой частью слова. То же в отношении объекта действия. Кроме того, валентность на субъект и объект заполняется существительными в определенной падежной форме. Представляется возможным соединить теорию валентности с теорией синтаксем Г. А. Золотовой, поскольку понятие синтаксемы включает не только семантическую характеристику, но и конкретную морфологическую форму. Семантическая валентность на

82-99] приводится 40 стандартных для русского языка лексических функций, из которых с категорией количества связаны Sing – типовое обозначение одной штуки, одного кванта, Mult – типовое название совокупности, множества, Magn₀ и Magn₁ – обозначение 'высокой степени', 'интенсивности' (≈ 'очень') самой ситуации или ее i-ого актанта. К параметру Magn примыкают параметр Plus (более) или Minus (менее), которые не имеют самостоятельных реализаций, а выступают в составе сложных параметров: CausPredPlusMagn – увеличить (скорость), CausPredMinus – уменьшать, сбрасывать (скорость).

множественный субъект или объект в глагольной словоформе заполняется именной синтаксемой.

Синтаксемы являются структурными элементами предложения. В рамках конструкции количественное значение может быть заключено не в отдельной синтаксеме, а в семантике всего предложения.

§ 9 Категория числа в синтаксических конструкциях

С категорией количества связаны специфические синтаксические конструкции, которые уже привлекали внимание исследователей.

9.1 К особым конструкциям с количественным значением относятся, в частности, так называемые генитивные предложения. Первым генитивные предложения выделил А. А. Шахматов, относя их к именным односоставным предложениям, характеризующихся наличием восклицательной интонации: *Эка, подумаешь, слов-то, слов-то!* [Шахматов (1925-1927) 2001: 60-61]. Как особый вид односоставных предложений рассматривали эти конструкции и другие исследователи синтаксиса простого предложения, см. в частности: [Бабайцева 1968]; [Распопов 1970]; [Чеснокова 1980]; [Валгина 2000, 2003]; [Лекант 2004]; [Жуковская 2005]. Анализируя генитивные конструкции в современном русском языке, Г. А. Жуковская выделяет три типа специфических способов формальной организации таких предложений: констатирующие (также и эмоционально констатирующие), побудительные и вопросительные.

Г. А. Золотова в «Синтаксическом словаре» количественные конструкции представила в связи с синтаксемой *Род. беспредложного*. [Золотова (1988) 2001: 28-29].

Следующая конструкция, связанная с категорией количества, – нумеративная конструкция типа²² *Театров в городе было три*. В отношении нумеративной конструкции обсуждаются следующие вопросы: односоставность – двусоставность; личность – безличность; тема-рематическое членение; глагольное сказуемое – составное именное сказуемое и др. Можно выделить три основных трактовки этих конструкций:

(1) Нумеративная конструкция представляет собой двусоставное предложение с расчлененным подлежащим, т. е. количественно-именное сочетание разбито глаголом. При этом расчленение – результат тема-рематического членения (А. А. Шахматов, Е. М. Галкина-Федорук, РГ 1980).

22 На эту конструкцию обращали внимание многие исследователи, см., в частности: [Шахматов (1925-1927) 2001; Ružička 1957; Галкина-Федорук 1958; Worth 1959; Камынина 1961; Светлик 1966; Щербаков 1968; Костинский 1969; Распопов 1971; Мразек 1973; Иванова 1973; Химик 1978; РГ 1980; Золотова 1982; Мельчук 1985; Ломов 1994; Валгина 2000; Бабайцев 2005; Крылов 2014] и мн. др.

(2) Данные предложения являются безличными, односоставными (А. А. Камынина, Ю. И. Щербаков).

(3) Рассматриваемая конструкция – это двусоставное предложение с субъектом в Р. п. и составным именным сказуемым, выраженным сочетанием бытийного глагола и количественного слова – числительным или его эквивалентом (Е. Кржижкова, Y. Ružička, Я. Светлик, Ю. М. Костинский, Г. А. Золотова).

В концепции коммуникативной грамматики и генитивные, и нумеративные относятся к особой модели предложения – квантитативные предложения.

9.2 Другим примером особых количественных конструкций являются аппроксимативные конструкции, нацеленные на выражение значения приблизительного количества²³.

В русском языке можно выделить различные способы синтаксической аппроксимации: 1) порядок слов – инверсия (*человек двадцать, килограммов пять*); 2) обозначение интервала (*два-три часа, пять или шесть дней*); 3) предложно-падежные формы с первообразными предлогами *под + Вин.* и *с + Вин.* (*мороз под тридцать, мужичок с ноготок*) и производными *свыше, около + Род.п.* (*свыше/около ста километров*).

Для аппроксимативных конструкций характерно наличие параметра: человек, штука, время (минута, час), возраст (год, лета), вес (килограмм), величина/размер (страница), рост/высота, длина, ширина, глубина, толщина.

В таких конструкциях проявляется установка говорящего: 1) вежливость, т. е. стремление смягчить оценку; 2) неспособность определить предмет или явление; 3) желание создать у адресата образное представление; 4) т. н. номинативные затруднения.

9.3 Наконец, третья конструкция, связанная с количественным значением, – это дистрибутивная.

Под дистрибутивной конструкцией понимается такая конструкция, при которой действие последовательно распределяется по множеству предметных переменных глагольного предиката. Л. А. Бирюлин выделяет четыре компонента предикатно-аргументной структуры для описания инвариантного семантического представления 'дистрибутива' [Бирюлин 2001: 199-201]:

◦ Предикат.

◦ Множество переменных у предиката, которые выступают в одной и той же семантической роли. Значение множества может выражаться 1) множественным числом существительного; 2) собирательным существительным в форме единственного числа;

²³ Средствам выражения аппроксимативно-количественного значения посвящена обширная библиография (см., в частности, [Супрун 1962], [Гак 1977], [Сахно 1982, 1983], [Вороновская 1984], [Стрельцова 1984], [Мельчук 1985], [Золотова (1988) 2001: 220-224], [Карташкова 1990], [Пристинская 1996, 2002, 2012], [Yadroff & Billings 1998], [Billings & Yadroff 1999], [Мель 2011], [Zaroukian 2012] и мн. др.).

3) именем, инкорпорированным в корень, у отдельных глаголов дистрибутивного способа действия (*оборжавело все дно, изморщилось все платье, переплевали весь пол*).

◦ Квантор всеобщности, сферой которого является множество переменных предиката, т. е. тотальный охват действием элементов множества. Он может выражаться 1) формой совершенного вида глагола дистрибутивного способа действия в суммарном значении, т. е. в значении полного охвата всех элементов множества и 2) местоимением *весь*, существительными *множество, многое, уйма*, прилагательными *многий, разный* и неопределенно-количественным числительным *много*.

◦ Оператор дистрибуции, который указывает на то, что охват осуществляется последовательно по отношению к каждой из переменных, составляющих множество. Выражается 1) глагольными приставками *из-, о-/об-, пере-, по-, раз-, с-* и 2) адвербиальными обстоятельственными группами типа *один за другим, по одному, поочередно* и т. п.

Итак, дистрибутивная конструкция предполагает «распределение» некоего множества среди другого множества, таким образом, у дистрибутива двойная обусловленность в рамках предложения. Так, *купить каждому ребенку по яблоку* предполагает, что множество яблок было распределено равномерно каждому ребенку из другого множества.

Дистрибутивные конструкции делятся на два больших типа – монодистрибутивные и полидистрибутивные.

Основу первых составляют дистрибутивные глаголы, т. н. дистрибутивы. Они подразделяются на четыре типа [Бирюлин 2001: 203-206]: 1) субъектные – дистрибутивы с приставками *пере-* и *по-* + множественный субъект (*все повыскакивали, перевянули все цветы*); 2) объектные – дистрибутивы с приставками *пере-, по-*, несколько с приставками *раз-* и *о-* + множественный объект (*перегладили все полотенца, разворовали все сено*); 3) партитивные²⁴ – глаголы с приставками *раз-*, некоторые с *пере-*, несколько с *по-* и *из-*, обозначающих последовательное разделение на части (*растолочь перец, искрошить булку хлеба*); 4) локативные: а) амбулативы – глаголы с приставками *о-, пере-* и *из-* со значением последовательного перемещения через множество разных точек / по множеству разных направлений (*обойти все магазины, изъездить всю страну*); б) диспозитивы – глаголы с приставками *раз-*, некоторые с приставками *пере-* и *о-*, обозначающие последовательное расположение/действие во множестве разных точек (*болезнь распространилась по всем деревьям, переискать письмо по всем ящикам*); в) циркумтивы – глаголы с приставкой *о-* со значением перемещения предмета через множество разных точек вокруг пространства или

24 В [ТИК 1989] этот тип называет квазидистрибутивом.

другого предмета или последовательного действия предмета со множества разных сторон другого предмета (*мясо обжарено со всех сторон, утес оброс мхом*).

Полидистрибутивные конструкции характеризуются «наличием нескольких предикатных мест, заполненных множеством однорольевых переменных, что и допускает дистрибуцию Р по элементам каждого из таких множеств переменных» [Бирюлин 2001: 206]. Они делятся на три группы: 1) дизъюнктивные – распределение по элементам того или иного множества однорольевых переменных (*ребенка перелечили все врачи, ребенок переболел всеми болезнями*); 2) конъюнктивные – распределение по элементам того и иного множества двух однорольевых переменных одновременно (*вся семья съехалась в город, раздали детям по яблоку*); 3) комбинированные – совмещают признаки первых двух типов (*перемазать всю куртку краской, все куртки разными красками, передуть всех сестер духами, всех сестер разными духами*) [там же: 206-210].

9.4 Одной из обсуждаемых конструкций, связанных с категорией числа, является конструкция *пойти в солдаты*²⁵, в которой глагол управляет не только особым падежом, но и числом существительного, ср.: нельзя сказать **постричься в монаха, *пойти в солдата, *ходить в гостя*.

Исследователи выделяют несколько групп глаголов, управляющих этой формой существительного: 1) пойти, перейти, выдвинуться и др.; 2) выбрать, разжаловать, звать и др.; 3) идти, прийти, пойти, ходить (в гости); 4) играть (в казаки-разбойники). Н. Н. Дурново [Дурново 1929: 89-90] и Й. Коут [Kout 1960:103-112] перечисляют более сотни подобных глаголов.

Предложно-именной компонент может быть выражен 1) существительными, обозначающими названия людей (должности, звания, национальности, профессии, социальные положения и т. д.); 2) антропонимами (имена, клички, фамилии людей); 3) названиями жителей; 4) И. А. Мельчук показывает, что даже неологизмы типа *хипарь* и *зенковальщик* могут употребляться в этой конструкции, а также 5) обозначения умерших и 6) названия животных и зоонимы [Мельчук (1980) 1995: 537].

Внимание специалистов, в основном, привлекал вопрос: В каком падеже стоит существительное – И.п. или В.п.? Этот вопрос связан также с решением проблемы одушевленности/неодушевленности. А. А. Зализняк [Зализняк (1967) 2002: 50-51] предлагает два решения: 1) словоформа солдаты в этих конструкциях признается принадлежащей лексеме солдат, отсюда необходимо признать либо наличие особого падежа — «включительного», либо особую функцию И. п. (употребление после предлога в); 2) признаются две разные лексемы:

25 Эти сочетания неоднократно привлекали внимание специалистов (см., в частности, [Дурново 1929], [Kout 1960], [Попов 1963], [Зализняк (1967) 2002], [Прокопович 1969], [Мельчук (1980) 1995], [Золотова 1985], [Ворт 1998], [Успенский 2004], [Зверев 2007] и др.).

солдат (одуш.), где форма мн.ч — солдаты — обозначает дискретную множественность и солдаты (неодуш., *pluralia tantum*) обозначает собирательную множественность, в этом случае не будет выделяться особый падеж, а будет признано, что здесь форма В. п. или И. п.

Эти же конструкции рассматривали Дин С. Ворт в статье «Второй винительный в современном русском литературном языке» (1998) и Б. А. Успенский в книге «Часть и целое в русской грамматике» (2004).

Дин С. Ворт полагает, что в данной конструкции солдаты и монахи обозначают не множество солдат, монахов, а род деятельности «солдатство» или «монашество» [Ворт 1998: 10].

Г. А. Золотова в статье о конструкции *пойти в солдаты* говорит о трех формах с одной семантикой *из солдат, в солдаты, в солдатах* [Золотова 1985: 255-261]. Она рассматривает их как три варианта предиката, противопоставленных семой фазисности. В «Коммуникативной грамматике русского языка» подчеркивается, что в этих конструкциях выражается особое значение множественного числа (множественное собирательное) [КГРЯ (1998) 2004: 304-305]. Отмечается, что это значение реализуется в следующих конструкциях: 1) глагол с в+В.п.мн.ч. (*выйти в люди*); 2) глагол с в+Пр.п.мн.ч. (*жить в работниках*); 3) из+Р.п.мн.ч. (*из интеллигентов*); 4) с+Р.п.мн.ч. (*с мальчиков в тюрьме*) [там же].

Б. А. Успенский, возражая Ворту, пишет, что существительное во множественном числе имеет референтом не вид деятельности как таковой, а общую совокупность лиц, объединенных по данному признаку, т. е. речь идет о принадлежности к некоему целому (социальной группе) [Успенский 2004: 28].

С одной стороны, прав Б. А. Успенский, который говорит о принадлежности к некоему целому: *пойти в солдаты* не то же самое, что *стать солдатом*. Но с другой стороны, прав и Дин С. Ворт, поскольку важно, что это не просто принадлежность к группе, но и то, что это качественное изменение состояния, некий переход: человек наделяется функциями и характеристиками, пусть и присущими целому.

Предлагать себя в президенты — президент может быть только один, однако невозможно сказать **предлагать себя в президента*. Аналогичный пример *взять кого-то в жены*. Б. А. Успенский считает, что данные случаи доказывают значимость принадлежности к совокупности, неважно из скольких элементов состоящей. При этом последний пример показывает, что речь идет еще и о «новом состоянии» — быть женой. Б. А. Успенский отмечает важное свойство этих конструкций — их неспособность включать в себя определение к существительному в винительном падеже: **взять в верные жены, *взять в грамотные корректоры, *попасть в квалифицированные инженеры, *пойти в brave солдаты* [Успенский 2004: 30].

9.5 Особую проблематику составляют предложения фразеологизированной структуры, выражающие значение единственности и множественности. А. В. Величко [Величко 2016: 236-242] насчитывает более пятидесяти фразеологизированных структур (ФС), среди которых количественно охарактеризованными оказываются восемь: три из них выражают значение единственности (при этом структурообразующим компонентом является частица только), а пять – множественности. Множественность, в отличие от единственности, выражается разными средствами. См. примеры: 1) *У каких врачей мы только не консультировались поэтому вопросу;* 2) *Что ни день, то новая проблема;* 3) *Мало ли кто звонил нам сегодня;* 4) *Существуют студенты и студентки* [т. е. существуют разные типы студентов]; 5) *Цветы цветам рознь; Ошибка ошибке рознь.*

9.6 Наконец, к особенностям реализации категории количества на синтаксическом уровне относится и наличие/отсутствие согласования в числе между подлежащим, представляющим собой количественно-именное сочетание, и сказуемым.

9.6.1 Стилистика²⁶ давно обратила внимание на проблему и особенности согласования/несогласования и предлагает большое количество рекомендаций, однако можно сказать, что практически все они сводятся к синтаксическим особенностям конструкции — однородные члены, деепричастный оборот, постпозитивный определительный оборот с главным словом причастием или прилагательным или же определительное придаточное при подлежащем, а также пассивность/активность. Кроме того, выдвигается и семантический критерий: если глагол стоит в единственном числе — это согласование грамматическое, а если во множественном — по смыслу, при этом форма единственного числа сказуемого указывает на совместное действие, на общую совокупность предметов, форма множественного числа — на раздельное совершение действия, на отдельные предметы.

9.6.2 С. В. Доронина в статье «Конструкции с количественно-именным сочетанием как тестовое задание ЕГЭ» представила результаты корпусно-статистического исследования, в котором выделила факторы, влияющие на выбор согласования/несогласования [Доронина 2008: 67-73]:

- 1) Семантический признак «активность – пассивность действующего субъекта», при этом С. В. Доронина отмечает, что более значимым оказывается признак одушевленности/неодушевленности, нежели семантика активности действия.

26 К этому вопросу обращаются в своих работах К. С. Горбачевич [Горбачевич 1981], Л. В. Рахманин [Рахманин 1982], Д. Э. Розенталь и И. Б. Голуб [Розенталь, Голуб 1996], Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001], Н. С. Валгина [Валгина 2003].

- 2) Грамматический признак «действительный – страдательный залог» сказуемого. Согласно исследованию, практически во всех примерах в пассивной конструкции форма числа сказуемого — единственное число.
- 3) Неопределенно-количественные лексемы в составе подлежащего (сколько, столько, немало, много). С. В. Доронина считает, что наличие этих слов оказывает большее влияние на выбор формы числа сказуемого (ед.ч.), чем одушевленность и залог. Однако она указывает, что есть единичные контексты, в которых одушевленность подлежащего определяет выбор множественного числа сказуемого.
- 4) Постпозитивный причастный, деепричастный оборот и придаточные предложения, распространяющие группу подлежащего. В этих контекстах предпочтительна форма множественного числа сказуемого.
- 5) Наличие предлога «около», которое, по мнению исследователя, оказывает противоположное действие: количество контекстов с формой ед. числа почти втрое превышает число предложений с мн. числом сказуемого.

В своем исследовании С. В. Доронина вслед за другими предпочтение отдает формальным признакам конструкции: деепричастный оборот в постпозиции; удаленность сказуемого от подлежащего; неопределенно-количественное значение; числительные *два, три, четыре* в составе подлежащего; придаточное предложение при подлежащем; наличие однородных членов в группе подлежащего; причастный оборот в постпозиции. Эксперимент С.В. Дорониной показал, что вне зависимости от структуры синтаксической конструкции и лексико-грамматического разряда подлежащего в исследуемых ею конструкциях испытываемые отдают предпочтение форме множественного числа сказуемого. Исключение составляют предложения с неопределенно-количественной семантикой, где наблюдаются колебания в выборе формы сказуемого.

Стоит отметить, что специалисты по стилистике, обсуждая проблему согласования сказуемого с подлежащим, не выходили за пределы изолированного предложения и не предлагали теоретического объяснения выбора формы единственного числа среднего рода и множественного числа, ссылаясь практически во всех случаях на формальные показатели конструкции.

9.6.3 Проблему согласования/несогласования рассматривает также Д. И. Эдельман в связи с пересечением поля количественности и категории единичного/общего. Как указывает Д. И. Эдельман, категория единичного/общего может выступать как неявная, или скрытая, категория, выявляясь в виде различных вариантов: конкретного/абстрактного (понятийного), предметного/обобщенного (или категориального), единичного/собирательного, предмета/вещества и др. Эти варианты выявляются при пересечении с другими

грамматическими категориями (рода, числа, артикля в имени) и функционально-семантическими полями [Эдельман 1996: 170]. В разных языках на такое пересечение могут накладываться и другие «скрытые» категории (например, личности/безличности, активности/инактивности и т. п.) [там же: 179]. Применительно к русскому языку Д. И. Эдельман интерпретирует подобные конструкции через осмысление количества как собирательного либо как дискретного [там же].

9.6.4 Е. А. Лютикова [Лютикова 2016: 185-209] рассмотрела согласовательные характеристики именных групп в типологической перспективе, в частности – варьирование по числу с количественной конструкцией. Некоторые синтаксические конструкции требуют от существительных определенного морфологического числа, причем морфологическое число может не соответствовать синтаксическому. Рассматривая данные конструкции с точки зрения теории составляющих, Е. А. Лютикова выделяет два типа: 1) группа с вершиной Num и 2) группа NP. Для первого типа характерно т. н. «дефолтное согласование», для которого Е. А. Лютикова вслед за Г. Корбетом [Corbett 1988] признает форму 3 л. ед.ч. ср.р. Во втором случае морфологическое число количественно-именной группы возникает как результат согласования с вершиной группы – существительным. Таким образом, варьируются согласование по множественному числу и дефолтное обозначение признака числа. При этом, если появляется атрибутивное согласование, которое указывает на множественное число именной группы, то дефолтное предикативное согласование невозможно (*Пять минут назад пришли/*пришло последние три сообщения*). Однако в своей работе Е. А. Лютикова рассматривает только структурные признаки.

§ 10 Количественность в концепции коммуникативной грамматики

Если большинство представленных выше идей и терминов связано с вербоцентрическим подходом, то в основе теории коммуникативной грамматики лежит идея семантического и синтаксического равенства имен и глаголов. Такой подход является прямым следствием того, что синтаксическая система русского языка рассматривается от уровня словоформ до уровня сложного предложения на единых функционально-семантических основаниях и что минимальной семантико-синтаксической единицей признается синтаксема (до 1980 г. – синтаксическая форма слова).

В коммуникативной грамматике количественность представлена на уровне моделей предложений, в синтаксической типологии глаголов и на уровне синтаксем.

10.1 В рамках теории коммуникативной грамматики под моделью предложений понимается «состав взаимообусловленных субъектного и объектного компонентов в единстве их морфологических, синтаксических и семантических характеристик» [КГРЯ (1998) 2004:

104]. Каждая модель обладает типовым значением. Типовое значение – это «обобщенный смысловой результат (в иной терминологии – семантическая структура) предикативного сопряжения субъектного и предикативного компонентов» [там же]. Так, одним из пяти основных типовых значений является «количественная характеристика названного предмета», т. е. квантитативный признак. В качестве предиката выступает числительное или другое количественное слово, а в качестве субъекта – обычно существительное в Р.п.: *Сестер – три; Картошки – полведра; Народу – море.*

10.2 Категория количества находит свое отражение в синтаксической классификации глаголов. Глаголы разделяются на два больших класса: полнознаменательные (могут употребляться как самостоятельный предикат) и неполнознаменательные (не способны быть предикатом)²⁷. Среди неполнознаменательных релятивных глаголов выделяются *партитивные* (*составлять, содержать, делиться*). Они, как и все неполнознаменательные, являются частью конструкции, из которой и становится ясным значение глагола – отношения части и целого. Партитивные предложения, как правило, не локализируются на оси времени актуального (а значит, принадлежат информативному регистру речи).

10.3 В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой количественность (квантитативность) является одним из значений, реализуемых, прежде всего, в рамках субстантивных синтаксем [Золотова (1988) 2001]. Понятие синтаксемы заменило термин «синтаксическая форма слова». Сначала в статье 1980 г., а потом в «Синтаксическом словаре» 1988 г. Г.А. Золотова дает определение синтаксемы: «Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором функций» [Золотова (1988) 2001: 4]. Под функцией понимается роль синтаксической единицы в словосочетании и предложении; в зависимости от набора функций и отношений между синтаксемой и контекстом в словаре различаются свободные (самостоятельное, изолированное употребление), обусловленные (употребление единицы в качестве компонента предложения) и связанные синтаксемы (присловное употребление единицы в качестве компонента словосочетания или сочетания слов) [там же].

27 В отношении полнознаменательных глаголов прежде всего следует говорить об акциональных как центре глагольной системы, «наиболее полно выражающих категориальное значение глагола как части речи» [КГРЯ (1998) 2004: 60]. И акциональные, и неакциональные глаголы внутри членятся по тематическому принципу: акциональные делятся на глаголы физического и ментального действия, неакциональные – на статуальные, функтивные, реляционные (локализирующие, партитивные, посессивные и сопоставительные), компликаторы (каузативные и авторизирующие). Неполнознаменательные могут выполнять связочную функцию между субъектом и предикатом (быть, являться), обозначать признак предиката, фазы его процессуального развития (начать, продолжать, прекращать и др.), выражать модальное отношение между субъектом и предикативным признаком (хочу, должен и др.) [Там же: 70]

Категории числа в словаре особого внимания не уделяется. В задачу автора словаря не входило исследование вклада категории числа в семантику синтаксемы и степень зависимости всех количественных синтаксем от глагольной семантики. Однако при этом в семантическую характеристику 24 синтаксем включается значение категории количества [Золотова (1988) 2001]:

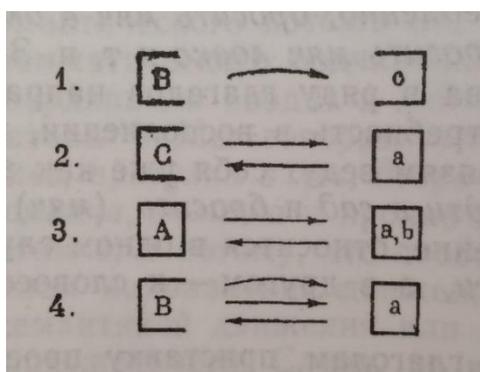
- 1) **Генератив** – компонент, характеризующий лицо, предмет по принадлежности к некоторой категории, совокупности.
- 2) **Деструктив** – компонент, обозначающий предмет, нарушенный или разрушенный отделением части.
- 3) **Дименсив** – признаковый компонент, характеризующий размер, исчисляемую меру величины.
- 4) **Дистрибутив** – компонент, выражающий распределительные отношения.
- 5) **Интенсив** – компонент, характеризующий высокую или предельную степень, полноту действия, качества.
- 6) **Квантитатив** – компонент, содержащий количественные характеристики.
- 7) **Компаратив** – компонент, выражающий сравнительные отношения.
- 8) **Партитив** – компонент, обозначающий часть (части) целого.

Часть из перечисленных синтаксем имеет одну единственную форму (интенсив 1 – *до + Род.* в ед. ч., часто с прилагательными *единый/полный*), но многие представлены рядом синонимов, например, со значением **партитива** выделяют синтаксем *из + Род.* и *на + Предл.*, со значением **дистрибутива** – три синтаксем: *по + Дат.*, *на + Вин.* и *по + Вин.*, а для **дименсивного** – восемь синтаксем: *до + Род.*, *Вин.*, *в + Вин.*, *за + Вин.*, *на + Вин.*, *по + Вин.*, *с + Вин.*, *через + Вин.*

В Приложении 1 к «Синтаксическому словарю» Г. А. Золотова рассмотрела глагольные сочетания, которые связаны с именными синтаксемами, в том числе и те, которые имеют количественное значение. Из глаголов, сочетающихся с синтаксемами, имеющими количественную семантику, основное внимание в Приложении уделено неполнознаменательным глаголам, т. е. таким, которые выражают количественные значения при обязательном сочетании с именными количественными синтаксемами (*хватать, насчитываться, состоять*)²⁸. Приставочные глаголы, требующие добавочной количественной характеристики компонентов, в Словаре не представлены.

28 Некоторые из этих видов взаимодействия были рассмотрены З. Л. Новоженовой (см. [Новоженова 2016: 133-141]), которая развивает идеи коммуникативной грамматики, предложенные Г. А. Золотовой.

10.4 Еще до Словаря в «Очерке функционального синтаксиса» (1973) Г. А. Золотовой был предложен принцип классификации синтаксических конструкций, в основе которого комбинаторика трех типов синтаксем в позиции главного компонента и трех типов синтаксем в позиции зависимого компонента²⁹. Для главного (например, глагола) различаются: *A* – слова абсолютного значения, закрытой семантики, с самодостаточным смыслом, *B* – слова открытой, релятивной семантики, требующие восполнения своей семантики в определенной форме, *C* – слова открытой, релятивной семантики, которые требуют восполнения с определенным смыслом, но при этом нужный смысл может быть выражен несколькими формами; для зависимого: *a* – свободные, *b* – обусловленные и *c* – связанные. Они вступают в четыре типа отношений [Золотова (1973) 2005: 48-58]:

В левом ряду закрытый квадрат обозначает абсолютность определяемого слова, открытый – релятивность.

В правом ряду закрытый квадрат обозначает независимость формы, открытый – зависимость.

Параллельно взаимонаправленные стрелки символизируют смысловое тяготение, а дугообразная – требование единственной формы.

1) $B \rightarrow c$ (слово открытой семантики требует при себе определенную форму и взаимодействует со связанной формой) – *купить книгу, открытие выставки, сестра матери*;

2) $C \leftrightarrow a$ (слово открытой семантики находится в смысловом тяготении со свободной формой) – *очутиться над городом, поступить по правилам*;

3) $A \leftrightarrow a, b$ (слово закрытой семантики находится в смысловом тяготении либо со свободной формой, либо с обусловленной) – *идти в лес, история с зонтиком, пальто без пуговиц*;

4) $B \leftrightarrow \rightarrow a$ (слово с открытой семантикой находится в смысловом тяготении и требует определенную форму, но взаимодействует со свободной формой) – *войти в лес, забросить мяч за забор, перебросить через сетку*.

В противовес verboцентрической теории, которая считает, что направление вопроса всегда предъясвляет направление зависимости – от глагола к имени – и семантический вклад главного слова всегда больше, Г. А. Золотова показала, что семантический вклад не зависит от направления вопроса и что «зависимое» слово семантически может быть более важным.

²⁹ Концепция, предложенная Г. А. Золотовой, схожа с грамматикой составляющих, восходящей к идеям Л. Блумфилда ([Блумфилд 1933, в русском переводе – 1968]). Данный подход основан на представлении о том, что каждая сложная грамматическая единица состоит из более простых, не пересекающихся единиц – непосредственных составляющих. Такой метод лежит в основе, например, генеративной лингвистики Н. Хомского.

Эти четыре варианта отношений между двумя компонентами конструкции могут быть использованы для формализации смысловых отношений, например в глагольно-именных конструкциях с количественным значением, поскольку количественное значение может быть в большей или меньшей степени свободным и присутствовать в одном компоненте либо в обоих имплицитно или эксплицитно.

Выводы по первой главе

1) Категория количества – это одна из основополагающих философских категорий. С одной стороны, она соотносится с внеязыковой действительностью и тем самым с идеей счета. В языке категория количества может выражаться различными средствами: особой частью речи (числительное) или в качестве добавочного значения (морфемой, повтором, синтаксической конструкцией). Она может взаимодействовать с различными категориями и находит выражение в различных частях речи.

2) С другой стороны, в философии категорию количества связывают с бытием и категорией качества, при этом качество и количество – это квантор бытия. Качество и количество связаны отношениями взаимопроникновения и взаимообусловленности, через категорию меры. В языке это находит выражение, в частности, в степенях сравнения прилагательного.

3) В лингвистических работах категория количества в существительном и в глаголе рассматривались изолированно друг от друга. При исследовании категории количества в имени изучались, в первую очередь, не прямые значения единственного и множественного числа, дефектность парадигмы, а при исследовании категории количества в глаголе — повторяемость события (идет ли речь о повторении во времени или о количестве участников, выполняющих одно и то же действие), что выражалось в грамматической категории вида и лексико-грамматической категории способа глагольного действия.

4) К настоящему моменту уже изучены разные аспекты категории количества, так или иначе ставился вопрос о выражении количественной семы, однако он получал эпизодическое описание. В русском языке значение 'множественности' более конкретизировано, нежели значение 'единичности'. Различают разные типы множественности: 1) собирательной или совокупной множественности, 2) дискретной множественности, 3) части/частей, выделенных из целого множества и 4) дистрибутивной множественности.

5) В современной лингвистике категории рассматриваются в их взаимодействии. Были выявлены следующие направления изучения межкуатегориального взаимодействия именных и глагольных предикатов: 1) взаимодействие типов предиката, в семантику которых входит идея количества, с именными синтаксемами с количественным значением; 2) роль категории числа имени существительного в разграничении типов предикатов; 3) валентность на множественный субъект и множественный объект; 4) согласование/несогласование по числу между подлежащим, выраженным количественно-именным словосочетанием, и сказуемым, а также 5) взаимодействие вида глагола и числа существительного.

6) В функционально-семантических исследованиях категория количества – это поле с несколькими центрами и периферия. В результате категория предстает как системно-грамматическое описание. В коммуникативной грамматике полевая структура разворачивается в линейную, т. е. так, как она представлена в речи. Коммуникативная грамматика рассматривает единицы как трехмерные и не отделяет семантику от синтаксиса. Таким образом, категория количества рассматривается как семантико-синтаксическая категория, выражающаяся совместными усилиями именной и глагольной семантики, следовательно, объект исследования – различные синтаксические конструкции.

7) Настоящее исследование основывается на представлении о синтаксических отношениях, описанное Г. А. Золотовой в «Очерке функционального синтаксиса русского языка» (1973). При таком подходе тип синтаксического отношения выделяется на основе семантического взаимодействия единиц (обязательности / необязательности смыслового восполнения), предопределенности/непредопределенности их грамматической формы в рамках синтаксической конструкции с количественным значением.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМЕН И ГЛАГОЛОВ В РАМКАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В настоящей главе рассматриваются те синтаксические конструкции, в которых имя и глагол взаимодействуют для выражения семантики количества, а также те скрытые категории (например, агентивность/неагентивность, актуальность/неактуальность, процесс/результат), которые сопутствуют синтаксической категории количества. Исследование проводилось с опорой на «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой [Золотова (1988) 2001], что предполагает рассмотрение категории количества во взаимодействии с категорией падежа и использование терминологии словаря.

Если понятие взаимодействия используется Г. А. Золотовой применительно к уровню предложения («взаимодействие моделей» при интерпретации полипредикативного предложения), то понятие межкатегориального взаимодействия применительно к уровню словоформы в концепции Г. А. Золотовой не рассматривается, поскольку она понимает синтаксему как целостную семантико-синтаксическую единицу.

Материал синтаксического словаря свидетельствует о том, что для Г. А. Золотовой в соотношении падеж – число первичной и более сильной категорией является падеж (хотя в традиционных морфологических описаниях парадигматическая значимость категорий иная – сначала число, затем падеж). Проблема взаимодействия категорий решается с применением понятия иерархии, с разграничением сильных и слабых граммем; см., например [Храковский 1996]. Об иерархии граммем числа и падежа в [Плунгян 2011: 190-194]³⁰ отмечается, что в языках мира семантическая роль (выражаемая определенным падежом в синтетических языках) оказывается более значима, чем категория числа. В частности, это проявляется в том, что прямой объект, кроме основного значения, может выражать дополнительные значения, например, значение партитива.

Для настоящего исследования важными являются понятия *категориального значения* и *межкатегориального взаимодействия*. *Категориальным значением* мы называем такое абстрактное значение, которое представлено в языковой системе множеством лексем, словоформ либо выражается в рамках синтаксической конструкции.

30 В типологическом аспекте взаимодействие категорий описывается без применения термина синтаксема, однако отмечается зависимость соотношения между числом и падежом от синтаксической роли: «Более обычна, впрочем, такая ситуация, когда числовое противопоставление невозможно только в каком-то одном или нескольких падежах. Часто (хотя и не всегда) это связано с семантикой соответствующей роли» [Плунгян 2011: 191].

Термин *межкатегориальное взаимодействие* синонимичен словосочетанию *взаимодействие категорий*, функционирующему в лингвистике последних десятилетий. Под ним понимается такое отношение между грамматическими категориями, при котором категории функционируют согласованно и при этом оказывают такое влияние друг на друга, что изменение одной приводит к видоизменению других грамматических категорий. В отличие от теории функциональной грамматики и функциональной типологии, понимающих взаимодействие категорий в парадигматическом аспекте, в данной работе межкатегориальное взаимодействие рассматривается как результат семантико-синтаксического соединения компонентов конструкции или самих синтаксических конструкций.

Поскольку речь идет о категории количества как значении, соединяющем именную и глагольную части предложения, постольку необходимо дать определение понятия *субстантивная количественная синтаксема*.

Субстантивная количественная синтаксема – это такая предложная или предложно-падежная форма, в семантику которой обязательно входит идея счета, измерения или деления. Это семантическое свойство подтверждается возможностью включения в синтаксему количественной лексемы – числительного. Количественность в рамках субстантивной синтаксемы может быть результатом соединения лексической семантики существительного и падежного значения (родительный партитивный), лексической семантики существительного, семантики категорий падежа и числа (винительный собирательный, он же включительный). К количественным синтаксемам не относятся те формы, в которых число свободно варьируется и не оказывает влияние на семантику падежа (*берет книгу/книги*).

Поскольку дальнейшее исследование опирается на классификацию синтаксических отношений, предложенную Г. А. Золотовой в 1973 г., то необходимо пояснить, что понимается под различными типами глагольных лексем применительно к сочетаниям с субстантивными количественными синтаксемами:

- глаголы типа А – это слова абсолютной семантики, с самостоятельным смыслом, т. е. они не требуют восполнения смысла в субстантивной количественной синтаксеме;
- глаголы типа В – это слова релятивной семантики, требующие восполнения смысла (количественной семы) в определенной субстантивной количественной синтаксеме;
- глаголы типа С – это слова релятивной семантики, которые требуют восполнения смысла (количественной семы), но при этом данный смысл может быть выражен несколькими разными субстантивными количественными синтаксемами.

Количественность в синтаксической парадигматике может быть исходной (базовой) или деривационной, появляющейся в результате преобразования синтаксической конструкции, соответственно, субстантивные синтаксемы могут реализовать свою семантику в исходных

синтаксических конструкциях (*птиц было много/пятнадцать/целая стая*) или в производных от них (*птиц на каждой ветке сидело по пять* – дистрибутивная конструкция; *птиц было до сотни* – аппроксимативная конструкция). Дистрибутивные и аппроксимативные синтаксемы выражают особые количественные значения, которые могут попадать в позицию других синтаксем.

В главе рассматривается:

(1) взаимодействие лексической семантики предиката с количественными синтаксемами. Характерным для этого типа взаимодействия имен и глаголов является то, что основное количественное значение **выражает субстантивная синтаксема, а не глагольная лексема**. Глагол при этом не описывает развития ситуации во времени, речь, скорее, будет идти о заданной ситуации, констатирующей количественное изменение или результат.

Другим примером выражения лексикализованного количества являются отыменные глаголы типа *толпиться, роиться, кучиться* и др. Будучи образованными от собирательных существительных, данные глаголы содержат в лексическом значении сему 'множество', которая предопределяет валентность на множественный субъект. Здесь и глагол, и множественный субъект равнозначны в выражении количественного значения в предложении.

(2) взаимодействие морфемных средств (количественных приставок, модифицирующих основное глагольное значение) с морфологической категорией числа, выражаемой формами существительного. Будут показаны два варианта этого взаимодействия: один – когда и **глагол, и имя на равных участвуют** в выражении количественной семантики предложения, второй – когда основным носителем количественной семантики является имя, и формы единственного или множественного числа выявляют в глаголе те или иные скрытые категории.

(3) взаимодействие имен (синтаксем *по+ Вин.* или *по + Дат.*; наречий *один за другим, по одному, поочередно* и т. п.) и предикатов (глаголы с приставками *из-, о-/об-, пере-, по-, раз-, с-*) в условиях дистрибутивной конструкции, а также синтаксемы *Род. беспредложный количественный* с предикатами в генитивном предложении и нумеративной конструкции.

Материал «Синтаксического словаря» будет сопоставлен с примерами, получаемыми из ресурса «Национального корпуса русского языка» (далее НКРЯ) за последние 40 лет; будет показана частотность субстантивно-количественных синтаксем, представлены глаголы, регулярно сочетающиеся (по данным НКРЯ) с количественными синтаксемами. Кроме того, в главе представлены результаты сопоставительного исследования, целью которого было выявление возможностей взаимодействия категорий в рамках конкретных субстантивных синтаксем, то есть их распределение на пять групп: (1) субстантивная синтаксема может заполняться только ед.ч., (2) только, мн.ч., (3) допустимо свободное варьирование или (4) наблюдается тяготение к ед. ч. или (5) к мн. ч.

§ 1 Категория количества: взгляд от имени к глаголу

В данном параграфе речь пойдет преимущественно о конструкциях с абстрактной семантикой, встречающихся в информативных контекстах (в основном публицистических текстах, содержащих разного рода статистические данные). Для таких конструкций характерно, что подлежащее – неодуш. существительное (абстрактное, с количественной семантикой, неличное), а глаголы семантически недостаточны. Именно в соединении с таким типом подлежащего глаголы обнаруживают особое значение, а в случае многозначных глаголов – отличное от значения конкретного глагольного действия.

1.1 Репертуар количественных синтаксем в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой

В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой [Золотова (1988) 2001] было выделено 34 синтаксемы с различным количественным значением: к 24 указанным в §10 Первой главы были добавлены (в таблице стоят под *) *Им. предикативный количественный, Род. беспредложный* количественный, *Твор. объектно-количественного значения, Род. беспредложный* в конструкциях, выражающих оценку соответствия, *Дат. беспредложный* для обозначения отправного предмета сопоставления или высший в иерархии, *среди + Род.* от личных имен во мн.ч. или от имени в ед.ч. со значением совокупности лиц, *из + Род.* для обозначения источника информации как целого, из которого выделяется, извлекается часть, *от + Род.* для обозначения целого, *к + Дат.* для обозначения дополняемого частью целого, *в + Вин.* как результат каузации соединения частей в целое.

Эти синтаксемы можно распределить по следующим семантическим типам количественности: 1) синтаксемы со значением количественной характеристики предмета или действия (счетное, точное и приблизительное); 2) синтаксемы со значением меры; 3) синтаксемы для обозначения количества частей, компонентов целого; 4) синтаксемы для обозначения совокупности, целого; 5) синтаксемы для обозначения дистрибутивного множества. Первый тип – это собственно *квантитативные* синтаксемы, а также *аппроксимативные*, оба значения связаны с идеей счетности, и механизм взаимодействия с глагольными предикатами будет одинаков. Второй тип – это *дименсивное* количество, третий и четвертый (для обозначения целого) – *партитивное*, пятый – *дистрибутивное*. Особый тип количественного значения представлен *генеративными* синтаксемами. Они не являются чисто количественными синтаксемами, поскольку обозначают не просто совокупность лиц, а являются предикатом качества, состояния. Этим же объясняется невозможность включения в синтаксему количественной лексемы.

Затем из «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой [Золотова (1988) 2001] был отобран репертуар именных синтаксем, а также глагольные группы из Приложения 1 к словарю, в соответствии с этими значениями:

Количественное значение	Именные синтаксемы	Глагольные группы
I. синтаксемы со значением количественной характеристики предмета или действия	1) *Им. предикативный количественный (в отдельный тип в словаре не выделен, но о нем идет речь в разделе об обусловленной синтаксеме <i>Род. количественный</i> в таких конструкциях, как <i>книг – сотни, всех болезней четыреста четыре</i> и т.п.)	–
	2) *Род. беспредложный количественный	Глагол <i>достигать</i> , вспомогательный, с Род. количественной характеристики предмета, процесса (<i>достигать тридцати сантиметров, миллиона экземпляров</i>)
	3) *Твор. объектно-количественного значения	Глаголы <i>полниться, наполняться</i> , а также глаголы с приставками, привносящими количественный оттенок полноты (<i>засыпать, усыпать, завалить, забросать, заставить</i> и др.), употребляются с Твор. объектно-количественного значения (<i>наполниться туманом, страстью, набить дровами, забросать цветами, завалить книгами, покрыться паутиной</i>)
	4) <i>под + Вин., с + Вин., за + Вин., до + Род.</i> для обозначения приблизительного количества	
II. синтаксемы со значением меры	1) *Род. беспредложный в конструкциях, выражающих оценку соответствия	Глаголы, выражающие оценку соответствия с Род. меры соответствия (<i>стоит благодарности, заслуживать признания</i>)
	2) <i>до + Род.</i> для характеристики размера предмета или исчисляемую меру величины	–
	3) <i>до + Род.</i> для обозначения предельной меры, полноты, исчерпанности действия	–
	4) <i>до + Род.</i> для обозначения конечной точки меры расстояния	–

	5) <i>от + Род.</i> для обозначения отправной точки меры расстояния	–
	6) * <i>Дат. беспредложный</i> для обозначения отправного предмета сопоставления или высший в иерархии	Глаголы, выражающие отношения соответствия, иерархии между предметами или явлениями (<i>противоречить, соответствовать, сопутствовать, предшествовать, вторить</i>)
	7) <i>Вин. беспредложный</i> для обозначения меры	Глаголы <i>весить</i> и <i>стоять</i> с <i>Вин. меры</i> (<i>стоять копейку, весить тонну</i>)
	8) <i>на + Вин.</i> как мера количественной характеристики предмета или действия; <i>в + Вин.</i> , для обозначения количественного показателя меры изменения признака	Глаголы со значением уменьшения, увеличения с синтаксемой <i>в + Вин.</i> , (<i>увеличиться в три раза, возрасти в десять раз, снизиться в пять раз</i>)
	9) <i>в + Вин.</i> , <i>на + Вин.</i> для выражения количественной разницы между действиями	Глаголы со значением количественного изменения с синтаксемой <i>на + Вин.</i> , (<i>подняться на пять метров, увеличиться на тысячу тонн, ускорить на неделю, повысить на пять процентов</i>)
	10) <i>через + Вин.</i> для выражения меры расстояния между предметами	–
III. синтаксемы для обозначения частей, компонентов целого	1) <i>из + Род.</i> для обозначения собственно частей	1) Глаголы <i>состоять, составляться, слагаться</i> , вспомогательные, с партитивной синтаксемой <i>из + Род.</i> (<i>состоять из капель, слагаться из мгновений, составляться из кусков</i>) 2) Глаголы, обозначающие создание, каузацию целого из частей, с партитивной синтаксемой <i>из+Род.</i> (<i>складывать из грошей, собирать из блоков, слагать из строк, составлять из студентов</i>)
	2) <i>в+Вин.</i> как результат каузации разделения предмета на части или уничтожения	Глаголы, обозначающие разделение предмета на части или уничтожение, преимущ. с приставками <i>раз-</i> и <i>из-</i> , с синтаксемой <i>в + Вин.</i> , называющей результат каузации (<i>рассыпаться в пыль, разбить в куски, изорвать в клочья</i>)
	3) <i>на+Вин.</i> как результат каузации разделения предмета на части или уничтожения	Глаголы, обозначающие процесс деления, с синтаксемой <i>на + Вин.</i> , называющей части целого, получаемые в результате разделения (<i>рассыпаться на камни, разделяться на протоки, разлететься на куски, делить на группы</i>)

IV. синтаксемы для обозначения совокупности, целого	1) <i>из + Род.</i> , <i>*среди + Род.</i> от личных имен во мн.ч. или от имени в ед.ч. со значением совокупности лиц	—
	2) <i>*из + Род.</i> для обозначения источника информации как целого, из которого выделяется, извлекается часть	—
	3) <i>*от + Род.</i> для обозначения целого	Глаголы, обозначающие отделение целого от части, преимущественно с приставкой <i>от-</i> (<i>отрезать лопать от буханки, отломить кусок от пирога, отпороть рукав от куртки</i>)
	4) <i>*к + Дат.</i> для обозначения дополняемого частью целого	Глаголы с семантикой принадлежности, присоединения, преимущественно с приставкой <i>при-</i> (<i>принадлежать к группировке, присоединиться к компании, добавить к сказанному</i>)
	5) <i>*в + Вин.</i> как результат каузации соединения частей в целое	Глаголы, обозначающие соединение частей в целое, преимущественно с приставкой <i>с-</i> , с синтаксемой <i>в + Вин.</i> , обозначающей результат каузации соединения (<i>смешаться в кучу, сгребать в груды, укладываться в строки</i>)
	6) <i>в + Вин.</i> , выражающаяся именами в форме архаического вин.пад., совпадающего с имен.пад., во мн.ч., нередко сочетается с <i>из+Род.</i> в фазисной модификации, в этом же значении совпадает с <i>в + Предл.</i>	—
V. синтаксемы для обозначения дистрибутивного множества	1) <i>по+ Вин.</i> или <i>по + Дат.</i> от количественных слов и сочетаний	—
	2) <i>на + Вин.</i> как критерий меры, количественной характеристики (дистрибутив как характеристика вместимости, объема)	<i>(не) хватает</i> с синтаксемой <i>на + Вин.</i> участвует в организации конструкции со значением оценки соответствия между посессивным объектом и его субъектом-посессором либо другой мерой распределения (<i>хватать на каждого, на целое государство, на несколько вечеров</i>)

Места пропусков в таблице могут указывать, с одной стороны, на то, что нет конкретных глаголов, семантика которых требует восполнения с помощью количественных синтаксем

данной семантики, с другой – на то, что эти глаголы не были найдены (автором словаря) в силу того, что были ограничены возможности поиска, с третьей – что за 40 с лишним лет, прошедших после работы над Словарем, изменилась сочетаемость глагольных лексем. (Ниже будет показано, что пустые клетки для глагольной лексики тоже могут быть заполнены).

В Приложении 1 к «Синтаксическому словарю» указаны глаголы, сочетающиеся с именной синтаксемой, падежное значение которой включает граммему множественного числа [Золотова (1988) 2001: 351-375], хотя Г. А. Золотова отдельно на это не указывает:

1. Глаголы, обозначающие каузацию изменения субъекта-посессора *торговаться, меняться, обмениваться, делиться, перекидываться*, с синтаксемой *Твор.*, называющей посессивный объект (*торговать чучелами, поделиться наблюдениями, обмениваться сувенирами, поменяться местами, перекидываться замечаниями*).
2. Глаголы движения или каузирующего действия с синтаксемой *по + Вин.*, называющей предметную цель движения (*пойти по грибы, послать по орехи, звать по ягоды*). Правда, для этого значения возможно и ед.ч.: *Вот лето настанет – в лес по грибы вместе пойдем; по малину, по ягоду, по черну смородину* (Салтыков-Щедрин) [Золотова (1988) 2001: 211].
3. Предлог *между* – всегда предполагает множественность. Г. А. Золотова выделяет следующие группы глаголов, сочетающиеся с синтаксемами *между + Род.* и *между + Твор.*: а) глаголы движения с локативно-транзитивной синтаксемой *между + Род.* (*течь меж берегов, струиться между корней, пробираться между кустов, плыть меж звезд*); б) глаголы передвижения с локативно-транзитивной синтаксемой *между + Твор.*: (*идти между деревьями, плыть между облаками, ползти между камнями*); в) глаголы, обозначающие взаимные отношения лиц, сторон или сходство и различие объектов, с синтаксемой *между + Твор.*, дублирующей имя соучастников (*различаться между собой, перекликаться, пересмеиваться меж собой*).

Только для двух синтаксем было указано значение категории числа в формировании синтаксемы: синтаксема *среди+Род.* должна быть выражена личными именами во мн.ч. или именем в ед.ч. со значением совокупности лиц, а также синтаксема *в+Вин.* для обозначения совокупности лиц должна выражаться именами в форме «архаического вин.пад.», совпадающего с имен.пад., во мн.ч. Однако есть и другие синтаксемы, где число существительного указывает на то, что количественность является одной из сем, образующих семантику синтаксемы.

Далее будут рассмотрены конкретные синтаксемы по типам, выделенным в «Синтаксическом словаре» (свободные, связанные, обусловленные), с учетом их семантических

признаков и функциональных возможностей. Для каждой синтаксемы будут рассмотрены глаголы, представленные в IV томе «Русского семантического словаря» под ред. Н. Ю. Шведовой (2007) и «Толковом словаре русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко (1999), а также проанализированы примеры из НКРЯ и проекта *Collocations, Colligations, and Corpora*³¹. Поскольку данная глава опирается на типы синтаксических отношений, предложенных Г. А. Золотовой (см. п. 10.4 Первой главы), то в дальнейшем именные синтаксемы будут обозначаться строчными латинскими буквами (в отличие от обозначения в «Синтаксическом словаре»), а глагол как главное слово в словосочетании – прописной латинской буквой).

Таким образом, настоящее исследование, с одной стороны, дополнит глагольную часть «Синтаксического словаря», а с другой – позволит увидеть особенности сочетаемости именных и глагольных синтаксем в современном языковом материале.

1.2 Свободные количественные синтаксемы (тип *a*)

К свободным количественным синтаксемам относятся следующие синтаксемы: *квантитативные* (например, *до + Род.*), *партитивные* (*из + Род.*) и *дименсивные* (*через + Вин.*, *до + Род.*); их семантика формируется из лексической семантики разряда существительных и грамматического значения предложно-падежной формы. Свободные синтаксемы могут употребляться в позиции заголовка, в качестве компонента предложения и в качестве компонента словосочетания.

1.2.1 Синтаксемы «до + Род.п.»

1.2.1.1 От словоформы *до + Род.п.* образуется, прежде всего, аппроксимативная синтаксема. Она обозначает приблизительное количество предметов, часто с указанием верхнего предела (см. в таблице I.4). Синтаксема выражает аппроксимативное значение, если заполняется количественно-именным словосочетанием. Если же синтаксема заполняется существительным, служащим экспрессивным выражением количества, то значение синтаксемы – «огромное множество»: *до пропасти*, *до черта*, *до ужаса*, *до жути* и др.

Согласно графику «Распределение по годам (частота на миллион словоформ)», полученному по запросу в НКРЯ(на подкорпусе за последние 40 лет)³², всплеск частотности аппроксимативной синтаксемы *до + Род.* приходится на 1980-2000-ые гг., и показатель ее частотности довольно высок – 25-35. Объясняется это тем, что аппроксимативное значение часто связано с определенными коммуникативными установками (вежливость, стремление смягчить оценку) или неспособностью определить предмет.

31 В проекте CoCoCo разрабатываются методы извлечения различных словосочетаний, чтобы оценить их языковую устойчивость (см. [CoCoCo1] и [CoCoCo2]).

32 Дата обращения 08.05.2021.

Количественная синтаксема *до + Род.* может употребляться в качестве обязательного именного компонента в предложениях с глаголом *насчитываться* [Золотова (1988) 2001: 48-49], а также с глаголами *числиться, иметься, содержаться, значиться, набираться*. См. примеры из НКРЯ:

- *На его сетчатке имеется до четырех миллионов светочувствительных клеток.* [Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание – сила», 2003]
- *Иногда насчитывается до пяти тонов в окраске.* [Туканы // «Мурзилка», 1999]
- *Это фирмы, где в штате числится до 250 сотрудников.* [Интернет-ресурс, URL: http://www.abcspain.ru/articles/obzor_selskokhozyaystvennogo_biznesa_v_ishpanii/]

Глаголы *насчитываться* и *числиться* этимологически связаны со словами *счет* и *число*. Несмотря на то, что в субъекте представлено значение множественности, для этих глаголов характерно согласование по ед.ч. (как с синтаксемами *Им.п.*, так и с синтаксемами *до + Род.*), что подтверждают статистические данные в НКРЯ³³:

Глагол	форма ед.ч.	форма мн.ч
<i>насчитываться</i>	1715	82
<i>числиться</i>	1765	503

Как видно из таблицы, подавляющее большинство примеров содержат формы единственного числа. А. А. Шахматов называет форму единственного числа (в прош. времени среднего рода) «безличной» и понимает под этим «не согласованную форму, прежде всего по лицу» [Шахматов (1925-1927) 2001: 132-158, 467-470]. Впоследствии выбор этой формы называли условно-грамматическим согласованием (подразумевая под этим, что грамматических значений у сказуемого при согласовании с числительным [Скобличкова 1971; Супрун 1965] нет), а также «дефолтным согласованием» [Corbett 1979: 78]³⁴.

Глаголы с количественной семантикой, как и глаголы *иметься* и *содержаться*, относятся к словам релятивной семантики (в терминологии Г. А. Золотовой), они употребляются в бытийных конструкциях для обозначения наличия, отсутствия или присутствия лиц или предметов в определенном количестве в некотором месте. В предложении количественное значение несет именно синтаксема: глаголы в этих конструкциях лексически ослабленные, они входят в состав предиката вместе с именным компонентом. В связи с этим сами глаголы становятся в каком-то смысле избыточными, и их легко можно опустить: *на сетчатке до четырех миллионов светочувствительных клеток, в окраске до пяти тонов, в штате до 250 сотрудников*.

Приведенная группа глаголов может употребляться не только со свободной синтаксемой *до + Род.*, но и с другими аппроксимативными синтаксемами (за этим «Мерседесом» *числится*

33 Дата обращения 30.12.2019.

34 См. также о предикативном согласовании с количественно-именным словосочетанием в [Кувшинская 2019].

под сотню штрафов за нарушение скоростного режима), а также с Им. предикат. количественным (в коммуне числилось 114 облагаемых налогом домохозяйств). Глаголы относятся к словам типа *С* (словам релятивной семантики, которые требуют восполнения с определенным смыслом, но количественная сема может быть выражена разными количественными синтаксемами).

Таким образом, глаголами *числиться, иметься, содержаться, значиться, набираться* с синтаксемой *до + Род.* образуют конструкцию $C \leftrightarrow a$: слово релятивной семантики находится в смысловом тяготении со свободной формой. Синсемичность (т. е. двусторонняя и добровольная готовность к соединению) возникает на основе количественной семы.

Синтаксема *до + Род.* со значением приблизительного количества в качестве объекта может употребляться при различных полнозначительных переходных глаголах: *положить до трех ложек сливочного масла, получить до пяти тысяч писем, перевозить до пяти тонн груза, организовать до тридцати бесплатных концертов* и др. В отличие от предыдущих примеров переходные глаголы будут сохранять свое глагольное значение, они не нуждаются в восполнении смысла количественной семой. В этом случае количественное значение будет привносить именно субстантивная синтаксема.

1.2.1.2 Синтаксема *до + Род.* со значением исчисляемой меры величины, предела относится к *дименсивным* количественным синтаксемам. Она образуется преимущественно количественно-именным словосочетанием: *доходило до сорока двух в тени, достигать до десятка миллионов, вырасти до 2 млрд, цены подросли до 16%, прибывать до двух-трех метров* (о воде), *нагревать/прогреть до 60 градусов, раскалить до ста градусов* и т. д.

Частотность синтаксемы *до + Род.* со значением исчисляемой меры величины, предела для последних 40 лет³⁵ гораздо ниже (показатель ниже единицы: в среднем 0,3), по сравнению с аппроксимативным значением (25-35), хотя и наблюдается небольшой всплеск употребления на рубеже XX – XXI вв. (до 0,7).

С синтаксемой *до + Род.* употребляются глаголы со значением достижения предела, к ним, с одной стороны, относятся глаголы с ослабленным лексическим значением, такие как *дойти / доходить, довести / доводить, дорасти / дорастать (подрасти / подрастать), достичь / достигать, дотянуть / дотягивать, допустить / допускать, нарастить / нарастать, прибывать* (до какого-то уровня); а с другой, глаголы физического воздействия, например: *жарить, нагреть / нагревать, накаливать / накалять, нанести / наносить (краску), прогреть / прогревать, охладить/охлаждать, раскалить / раскалять*³⁶ и т. п. Эти

35 Дата обращения 08.05.2021.

36 Когда при глаголах физического действия словоформа *до + Род.* образована существительным, служащим экспрессивным выражением меры, то синтаксема означает каузированное интенсивностью действия новое состояние или качество предмета, и можно говорить о переходе количества в качество: *жарить до корки* (может

глаголы типа *B* (релятивной семантики, требующие восполнения своей семантики в определенной форме). Глаголы второй группы переходные, поэтому для них возможна залоговая диатеза с постфиксом *-ся*.

Особую группу составляют глаголы, образованные приставочно-постфиксальным способом при помощи приставки *до-* и постфиксом *-ся*, они имеют значение ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’: *добежаться, доболтаться, довоеваться, договориться, доиграться, докататься, докричаться, докупаться, докуриться, дописаться, допрыгаться, доскакаться, дотанцеваться, доторговаться, дочесаться, дочитать, дошутиться* и др. Эти глаголы тоже относятся к типу *B* (релятивные, требующие восполнения смысла в определенной форме). В отличие от мотивирующих, такие глаголы имеют валентность на синтаксему *до + Род.*, при этом количественность выражается в глаголе, а синтаксема обозначает переход в другое качество (см. подробнее о глагольной количественности ниже). Тип продуктивен, особенно в разговорной речи. Глаголы *доиграться* и *допрыгаться* обозначают не собственно действие, названное мотивирующим глаголом, а любое продолжительное действие, приведшее к негативным последствиям:

- 1) *Прыгала-прыгала и допрыгалась до предварилки. И непонятно: досадует горбун или злорадствует.* [В. Ф. Панова. Сентиментальный роман (1958)]
- 2) *Но, надо сказать, в трудное положение мы попали, доцент! Все рухнуло! Добегались мы, Сережа, до ручки!* [М. А. Булгаков. Бег (1937)]

При глаголах уничтожения (*выпить, вытравить, изломать, изничтожить, искоренить, искрошить, истребить, истрепать, погибнуть, разорить, разрушить, съесть, уничтожить* и др.), изъятия, перемещения (*выкорчевать, вынести, вытащить, переместить, перенести, переставить, перетащить, подобрать, убрать* и др.) синтаксема *до + Род.* имеет дименсивный оттенок, обозначает предельную меру и служит выражением полноты, исчерпанности действия (см. в таблице П.4). Как правило, в данном случае синтаксема заполняется существительным в ед. числе, часто в сочетании с прилагательным *последний, единый*: *вынести до последнего листа, уложить до последнего человека, вынести до зернышка, подобрать до крошки*. Г. А. Золотова указывает, что данная синтаксема относится к свободным синтаксемам, поскольку может употребляться в заголовках, при этом в заголовках в качестве призыва к уборке урожая или сообщения о такой уборке [Золотова (1988) 2001: 50]. Любой призыв подразумевает действие, соответственно, нельзя в этом случае говорить об абсолютно

усиливаться количественными приставками, например, *изжарить/зажарить до корки, тереть до дырки, докричаться до хрипоты, смеяться до слез, (не) дойти до вседозволенности; довести до умопомрачения; довести до слез*. Глаголы *дойти* и *довести* являются неполнозначительными: первый обозначает начало нового положения дел, второй каузацию нового состояния (без указания на способ воздействия).

свободной позиции. Скорее всего, данная синтаксема относится к другому типу – связанная синтаксема, т.е. для нее характерно присловное употребление в качестве компонента словосочетания.

Итак, свободные синтаксем *до + Род.* могут взаимодействовать с глаголами типа *В*, так образуются синтаксические сочетания типа $B \leftrightarrow \rightarrow a$: релятивные глаголы, требующие восполнения своей семантики в определенной форме, но взаимодействуют при этом со свободной формой.

Разграничение синтаксем *до + Род.п.* связано с противопоставлением статики и динамики: в предложениях с бытийными предикатами употребляется аппроксимативная синтаксема, с динамическими предикатами актуализируется значение следствия-предела. При этом аппроксимативные синтаксем оказываются частотнее.

1.2.2 Синтаксема «из + Род.п.»

1.2.2.1 Форма *из + Род.п.* образует две синтаксем, значимые для категории количества. Первая синтаксема обозначает части, компоненты целого (см. в таблице III.1). В данной синтаксеме семантика падежа взаимодействует с семантикой числа. Количественное значение может выражаться в данной синтаксеме 1) существительным во мн.ч. (*из крупниц, из капель, из атомов, из блоков*) и 2) количественно-именным словосочетанием, где основное количественное значение будет выражено либо числительным, либо количественным словом (*несколько, много, ряд, серия*).

Согласно статистике НКРЯ (по подкорпусу 1980-2020 гг.)³⁷, данная квантитативная синтаксема довольно частотна: для заполнения существительными во мн.ч. показатель частотности на миллион синтаксем 18-25, для заполнения количественно-именными словосочетаниями – показатель гораздо выше и составляет 45-57. Это может свидетельствовать не только о преобладании изосемического способа заполнения квантитативной синтаксем, но и о том, что в данном подкорпусе представлено больше публицистических, научных текстов, чем художественных.

Синтаксема *из + Род.п.* употребляется с глаголами партитивной семантики. Данные глаголы являются парными по виду, а также имеют пассивную модификацию с постфиксом *-ся* (т. е. и вид, и залоговая модификация взаимодействуют с синтаксемой *из + Род.*): *выстроить / выстраивать – выстроиться / выстраиваться* (в значении ‘образовать целое из частей’), *компилировать / компилироваться – скомпилировать / скомпилироваться, комплектовать / комплектоваться – скомплектовать / скомплектоваться, компоновать / компоноваться –*

37 Дата обращения 08.05.2021.

*скомпоновать / скомпоноваться*³⁸, *набрать / набраться – набирать / набираться*, *образовать / образоваться – образовывать / образовываться*, *организовать / организовать – организовывать / организовываться*, *отбирать / отбираться – отбирать / отбираться*, *сложить / сложиться – складывать / складываться*, *сколотить / сколотиться – сколачивать / сколачиваться*, *сложить / сложиться* (в значении ‘собрать, составить из нескольких частей’)³⁹ – *слагать / слагаться*, *собрать / собраться – собирать / собираться*, *составить / ?составиться* *составлять / составляться*, *формировать / формироваться – сформировать / сформировываться*, *учредить / ?учредиться – учреждаться / учреждаться*, а также *состоять*, и т. п. Глаголы собраны по данным корпуса, но степень обязательности требования восполнения синтаксемой *из + Род.* различна. Не все глаголы частотны, согласно данным НКРЯ⁴⁰, наиболее употребительных три глагола типа *В* (релятивной семантики, требующие восполнения в определенной форме): *состоять* – 5 710 вхождений; *составляться* – 215 вхождений; *слагаться* – 251 вхождений. Для остальных глаголов количество вхождений гораздо ниже.

Для возвратных глаголов из этого списка с общим семантическим признаком «образоваться в целое» характерна регулярная конверсная трансформация (в терминологии Ю. Д. Апресяна⁴¹):

- *на таможене выстроилась очередь из беженцев – беженцы выстроились в очередь;*
- *рота комплектовалась из новобранцев – новобранцы комплектовались в роту;*
- *совет образовался из представителей регионов – представители регионов образовались в совет;*
- *группа набралась/организовалась из студентов – студенты набрались/организовались в группу;*
- *хроника складывается из событий – события складываются в хронику;*

Последний пример показывает, что для части возвратных глаголов характерно также значение ‘субъективное представление, полученное в момент узнавания’, когда из разрозненных частей образуется целое. К таким, в частности, относятся *складываться / сложиться*,

38 Глаголы *компилировать*, *комплектовать*, *компоновать* трактуются как «собрать что-то из разных частей и составлять из них нечто целое». Тем не менее, согласно примерам из НКРЯ, из 36 примеров для *компилировать* только в 4 глагол употребляется с синтаксемой *из + Род.*, из 80 примеров для *комплектовать* – только 7 с синтаксемой *из + Род.*, из 52 примеров для *компоновать* – только 4 с синтаксемой *из + Род.* Таким образом, в семантике значение «получения конечного целого» оказывается важнее процесса «собираания из разных частей», что и отражается на сочетаемости глаголов.

39 У глагола *сложить* есть также значение ‘построить, возвести путем кладки’. В этом значении глагол сочетается с синтаксемой *из + Род.*, которая может заполняться как существительными в ед., так во мн.ч. (*из кирпича/из кирпичей, из камня/из камней* и т.п.), однако в этом случае у синтаксемы будет другое значение – *фабрикатив* [Золотова (1988) 2001: 56].

40 Дата обращения 03.01.2020.

41 См. подробнее о конверсных трансформациях в [Апресян 1967: 127-147].

слагаться / сложиться, собираться / собраться, составляться / составиться, см. примеры из НКРЯ⁴²:

- 1) *Наконец мы услышали отдельные слова, из коих сложилась картина случившегося.* [Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002]
- 2) *Силуэт слагается из бабочек света – то рассыпаясь, то показываясь всей целокупной лавиной.* [Александр Иличевский. Штурм // «Новый Мир», 2007]
- 3) *Подобное «изымание» как раз и позволяет осознать время: граница полагает предел, за которым привычное обретает цельность, собираясь из фрагментов повседневности.* [Андрей Тесля. Другое время // «Знание-сила», 2014]
- 4) *Из ямок составились буквы, из букв слова...* [А. М. Титов. Анонимус // «Волга», 2012]

Указанные глаголы относятся к типу С (релятивной семантики, требующие восполнения в определенном смысле) и с синтаксемой *из + Род.* образуют тип синтаксической связи $C \leftrightarrow a$, таким образом, глагол и синтаксема взаимодействуют на основе семантического согласования:

- 1) *Но компартия, в большинстве своем, состоит из людей пожилых, порой архаичных в плане мышления...* [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 2003.08.22]
- 2) *Весь цикл грызения составлялся из ряда операций, безукоризненно выполняемых органами тела, причем каждая последующая операция по отшлифованности и точности превосходила предыдущую, замыкаясь в нерасчленимое единство.* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]
- 3) *Работа артиста слагается из многих компонентов. И один из главнейших: непрерывное постижение опыта корифеев.* [Анатолий Алексин. Действующие лица и исполнители (1975)]

Для анализа частотности употребления различных существительных, с одной стороны, и множественного и единственного числа существительного при том или ином глаголе, с другой, использовались данные проекта CoCoCo⁴³: наиболее частотные глаголы, т. е. *составлять* и *состоять*, употребляются со следующими существительными: *состоять из людей, терминов, мебели, модулей; составляться из строк, минут*. Как видно из примеров, большая часть существительных употребляется во множественном числе.

В качестве присловного компонента данная синтаксема также может использоваться при глаголах, обозначающих созидание, каузирование целого из частей, но данный тип взаимодействия будет проанализирован ниже (см. п.3.2).

Словоформа *из + Род.*, образованная существительными во множ. числе, может употребляться при глаголах, обозначающих извлечение информации (*брать, взять* (в значении

42 Дата обращения 30.06.2021.

43 Дата обращения 31.10.2016.

‘извлекать откуда-либо, заимствовать’), *выуживать, выяснять, доставать, заимствовать, знать, извлекать, набирать, помнить, постигать, почерпнуть, узнавать, черпать* и т. п.). Синтаксема *из + Род.* означает источник информации (см. в таблице IV.2), который может быть конкретным, известным или неопределенным. Когда говорящий не хочет или не может конкретизировать источник информации, когда подчеркивается неопределенность, то синтаксема *из + Род.* заполняется неодуш. существительными во мн. ч. (*из книг, из статей, из газет, из опубликованных материалов, из радиопередач*). Категория количества в данном случае будет связана с категорией определенности/неопределенности.

Данные глаголы могут сочетаться с обусловленной синтаксемой *у + Род.* в каузативных конструкциях, выражающих получение информации: *узнавать у соседей, почерпнуть у эллинов, заимствовать у итальянцев* и др. Часть глаголов может также сочетаться с обусловленной дистрибутивной синтаксемой *по + Дат.:* *выяснять/доставать по своим каналам, знать по слухам, помнить по фильмам, постигать по книгам, узнавать по записям* и др.

Таким образом, данная группа глаголов относится к типу *С* (релятивной семантики, требующей восполнения с определенным смыслом) и вместе со свободной синтаксемой *из + Род.* образует синтаксическое отношение $C \leftrightarrow a$ (глагол релятивной семантики взаимодействует со свободной формой на основании синсемичности).

1.2.2.2 Вторая синтаксема *из + Род.* от существительных во множ. числе выражает характеристику лица, предмета по принадлежности к некоторой категории, совокупности лиц (см. в таблице IV.1). Сема ‘множество’ должна быть выражена либо собирательным существительным (как в ед.ч., так и мн.ч.), либо одуш. существительным (субстантивированным прилагательным) во мн.ч.

В качестве компонента предложения данная синтаксема употребляется при глаголах, которые характеризуют субъект по происхождению или принадлежности к среде, к категории лиц, предметов. По НКРЯ были собраны следующие глаголы: 1) глаголы и словосочетания со значением ‘происхождения’: *выйти, быть родом, происходить*; 2) каузативные глаголы со значением изменения социального статуса: *выбирать / выбрать, выбираться, выдвигать/выдвинуть, выдвигаться/выдвигаться, избирать/избрать, избираться, избраться, призывать / призвать, призываться / призваться, пробиваться (из низов), производить/произвести, разжаловать* и др.

Согласно данным НКРЯ за последние 40 лет⁴⁴, для первой группы, особенно для существительных *родом* и *выходец*, характерно (примерно в 80% случаев) заполнение синтаксемы *из + Род.* существительным, обозначающим место, топонимом (*из северных районов, из провинции, из Заонежья*), существительным, обозначающим временной период

44 Дата обращения 12.07.2021.

(*родом из детства, из шестидесятых*), собирательным существительным (*из семьи, из рода, из клана*). Для более ранних лет примеров на заполнение синтаксемы личным существительным во мн.ч. больше (ср. примерно в 37% против 20% для последних 40 лет).

Согласно примерам из НКРЯ за последние 40 лет⁴⁵, для глаголов со значением выбора, отбора из второй группы характерно (примерно в 65% случаев) заполнение синтаксемы количественно именным словосочетанием, состоящим из слов *число, среда* и личным существительным в Род, п. мн. ч.; для глаголов *производить/произвести* и *разжаловать* было найдено только для СВ по 3 примера, при этом синтаксема заполнялась личным существительным во мн.ч.; для глаголов типа *призывать/призвать* (включая возвратную модификацию) было найдено лишь 2 примера для СВ (*Вас призвали из безликих масс, чтобы помогать мессии...* [Б. Б. Вахтин. Гибель Джонстауна (1978-1980)]; *Именно собор призвет государя из дома Романовых.* [Сергей Андреев. Определение цели // «Огонек». № 10, 1991]). В обоих случаях синтаксема заполняется собирательными существительными.

Кроме того, последние глаголы употребляются с синтаксемой *от + Род.* со значением субъекта-каузатора: *выдвигается от коммунистов, избирается от уральских регионов, призывается от тягловых людей* и др.

Еще в 1888 г. А. А. Потебня при интерпретации мн.ч. указывает, что для «множественного состояния» со значением принадлежности к известному разряду (сословию, званию, должности, службе, понятию), во-первых, характерно несколько форм: *в + Вин. мн.*, сохраняющий старую форму, *из + Род. мн.*, *в + Местн. (Предл.) мн.*. А во-вторых, он выделяет следующие глаголы: 1) для Вин. – *наняться, записаться, пойти, поступить (в солдаты, в казаки)* и т.п.; *произвести* и пр.; *нанять -ся, взять (в дворники, в ключники)* и пр.; *постричься (в монахи, священники); выйти, записаться (в купцы, в гости, в люди)*; 2) для Род. – *произвести (из полковников в генералы); выйти (из монахов); назван (при пострижении) из Иванов Поликартием*; 3) для Местн. – *служить, быть (в солдатах, драгунах); жить (в дворниках, сидельцах); сидеть (в девках); остаться (в дураках); встать (на царях); идти, ходить (в нищих)* [Потебня 1888: 60-64].

Г. А. Золотова в статье «Еще раз о конструкции *идти в солдаты* (ее синтагматика и парадигматика)» (1985 г.) доказала, что синтаксемы *в + Вин.*, *из + Род.* и *в + Предл.* являются тремя вариантами предиката, противопоставленными семой фазисности.

Тем не менее большинство исследователей сосредоточилось именно на варианте *в + Вин.* (поскольку именно в этом падеже обнаруживается категория одушевленности), проверяли ее продуктивность по корпусу. В частности, М. В. Русакова, исследуя употребление *в + Вин.* с глаголами, показала, что, по данным НКРЯ, в образовании данной конструкции участвует более

45 Дата обращения 12.07.2021.

300 глаголов [Русакова 2009: 23]. С. Славкова выделяет следующие группы глаголов [Славкова 2018: 23]: 1) непереходные глаголы: а) целенаправленного перемещения (*идти, пойти, уйти, попасть, определиться, поступить*), б) желания или стремления (*метить, хотеть, стремиться, готовиться*), в) соответствия норме, стандарту (*годиться, подходить*); 2) переходные глаголы связаны с семантическим полем выбора, отбора (*выбрать, избрать, взять, принять, отдать*).

Из приведенного списка, собранного разными исследователями, синтаксема *из + Род.* потенциально способна употребляться со следующими группами глаголов изменения социального состояния (могут быть как каузативными, так и некаузативными): 1) целенаправленного перемещения (*идти, пойти, уйти, попасть*); 2) желания или стремления (*метить, хотеть, стремиться, готовиться*); 3) переходные глаголы, связанные с семантическим полем выбора, отбора (*выбрать, избрать, взять*). Тем не менее, по данным НКРЯ (по подкорпусу для последних 40 лет)⁴⁶, синтаксема *из + Род.* малопродуктивна (для каждого глагола нашлось от 2 до 5 примеров)⁴⁷: *из бояр пойдет в монахи, ушла из политических советников министра иностранных дел, попасть из служащих в рабочие; воскресить из мертвых, хотел уволиться из лесников, выбрать из желающих, турнуть из председателей, выгнать из инструкторов, возьмем из «флагманов» нынешней администрации*. Кроме того, если осуществить точный поиск по НКРЯ (подкорпус для последних 40 лет), к примеру, *из рабочих*, то статистические данные показывают⁴⁸, что употребление этой синтаксемы в безглагольных конструкциях гораздо частотнее (примерно в 85%).

Г. А. Золотова относит синтаксему *из + Род.* со значением *генератив* (характеристика лица, предмета по принадлежности к некоторой категории, совокупности лиц, предметов) к свободным синтаксемам [Золотова (1988) 2001: 50]. Тем не менее анализ ее примеров показал, что Г. А. Золотова соединяет разные синтаксемы: 1) со значением принадлежности к некоторой группе лиц (*из разночинцев, из обслуживающего персонала*), 2) выделение одного из совокупности (*изберу себе из бедных, один из старшин*) и 3) характеристика по названному признаку (*щенок из породистых, Марьюшка из сердитеньких*). Как уже говорилось выше, синтаксемы *в + Вин.*, *из + Род.* и *в + Предл.* являются тремя вариантами предиката, противопоставленными семой фазисности. Синтаксемы *в + Вин.* и *в + Предл.* относятся к обусловленным синтаксемам, т. е. таким, которые употребляются в качестве компонента предложения, соответственно, имеет смысл выделить синтаксему *из + Род.* со значением

46 Дата обращения 08.05.2021.

47 Дата обращения: 08.05.2021.

48 Дата обращения 12.07.2021.

принадлежности к группе лиц в отдельную синтаксему и отнести ее к обусловленным синтаксемам.

1.2.3 Синтаксема «через + Вин.»

1.2.3.1 Свободная синтаксема *через + Вин.* (в таблице П.10) обозначает меру расстояния между двумя предметами. Значение категории числа не является обязательным и не оказывает влияние на значение синтаксемы. Данная синтаксема, как правило, образуется количественно-именным словосочетанием или существительным в ед.ч. или мн.ч.: *через два дома, через улицу/дом, через (равные) промежутки, через (каждые) пять метров* и др.

По словарю Г. А. Золотовой, данная синтаксема употребляется с глаголами со значением местонахождения, пребывания [Золотова (1988) 2001: 228]. В примерах в словаре можно выделить глаголы *оказаться* и *жить*. По НКРЯ были найдены следующие глаголы: *валяться, висеть, значиться, идти, лежать, находиться, оказаться / оказываться, покоиться, произрасти / произрастать, пролегать, расположиться / располагаться, сидеть, стоять* и др. Примеры из НКРЯ⁴⁹:

- 1) *У меня мама и бабушка **через два дома** отсюда **живут**, а я с детишками здесь.* [Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье // Октябрь, 2009]
- 2) *Протягивает ему руку к губам, Зильбербах целует ее и хочет **сесть** **через стул** от Софьи Сергеевны.* [А. А. Потехин. Новейший оракул (1860-1870)]
- 3) *Такие «стаканы», для удобства персонала, **располагаются** во многих местах заведения, во всех коридорах, **через равные промежутки**.* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

Синтаксема *через + Вин.* может поддерживаться синтаксемой *от + Род.* в значении отправной точки меры расстояния, ориентированности пространства (*через два дома отсюда, через стул от Софьи Сергеевны*), ср. другие пример из НКРЯ: *у него дом через два участка от вашего, он через два дома от нас жил, Мамед жил через три дома от квартиры Олега, через два квартала от места событий.*

Большинство глаголов местоположения – это глаголы НСВ, часто имеющие актуально-длительное или хабитуальное значение. Для них характерны как модальная модификация (с глаголами типа *должен, хотеть*), так и фазовая, чаще всего, при помощи вспомогательных глаголов типа *начать, перестать*, но для некоторых глаголов также при помощи глагола СВ, например, *встать, лечь, повиснуть, положить, сесть*. В этом случае глаголы обозначают изменение положения в пространстве. Если синтаксема заполняется словосочетанием с местоимений *каждый* или прилагательным *равный*, то синтаксема приобретает

49 Дата обращения 07.08.2020.

дополнительное дистрибутивное значение, которое будет поддерживаться еще одной множественностью в конструкции:

- 1) *На улицах накануне 1 мая **через каждый метр стоят торговцы** ландышами.* [Сати Спивакова. Не все (2002)]
- 2) *Приказано **ставить патрульных** через каждые сто метров, в два кольца.* [Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье // Октябрь, 2009]
- 3) *Такие «стаканы», для удобства персонала, **располагаются во многих местах** заведения, во всех коридорах, **через равные промежутки**.* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

Примеры из НКРЯ также показали, что данная синтаксема может употребляться с различными глаголами действия, как СВ, так и НСВ, например⁵⁰:

- 1) *Если бы я в ней плыла, то **затонула бы через пять метров**.* [Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013]
- 2) *Уже задолго до космодрома машина замедлила ход и еле-еле выбиралась из пробок, чтобы снова **через сто метров затормозить**.* [Кир Булычев. Девочка с Земли (1971)]
- 3) ***Стяните** иголкой **через равные промежутки** лепестки цветков так, чтобы большие цветки имели по шесть лепестков, а маленькие по пять.* [Любовь Колесникова. Для тех, кто вяжет // «Наука и жизнь», 2009]

1.2.3.2 Кроме значения пространственного интервала, данная синтаксема означает временной интервал: *увидеться через два дня; завершиться через неделю, Другой неудачник **через пять дней определится** в почти кубковом сражении между Швецией и Аргентиной.* [Дмитрий Навоша. Защита Англии. Эрикссон – Бьелса – 1:0 (2002) // «Известия», 2002.06.07]

В словаре Г. А. Золотова указывает две синтаксемы с темпоральным значением [Золотова (1988) 2001: 229]: 1) обозначение расстояния во времени между двумя событиями (отдельно указывается, что имена, обозначающие отрезки времени, употребляются с количественными показателями); 2) обозначение временного промежутка между повторяющимися действиями или явлениями, при этом синтаксема должна заполняться сочетанием с местоимением *каждый* или прилагательным *равный* (хотя это не оговаривается в словаре, тем не менее примеры, которые приводит Г. А. Золотова, на это указывают).

Темпоральные синтаксемы относятся к наиболее свободным распространителям предложений. Таким образом, они могут взаимодействовать с глаголами разных семантических групп. При этом первая темпоральная синтаксема может употребляться с глаголами как СВ, так и НСВ, в то время как вторая – предпочтительно с глаголами НСВ (*Через равные промежутки*

50 Дата обращения 24.07.2020.

времени отворачивается, ловит внешние звуки и, успокоенный, опять притикает к стене. [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)]. Так, при точном поиске для словосочетания *через равные* по подкорпусу НКРЯ за последние 40 лет⁵¹ данные показывают, что из 27 примеров с темпоральной синтаксемой в 24 глагол НСВ, а в остальных СВ указывает лишь на фазисную модификацию (*принялся плевать, стал стучать, стал повторяться*). Кроме того, примерно в 80% примеров глаголы связаны со зрительным или звуковым восприятием (*лает, издавал сигнал, бурлит, гудела, слышалось*), что предполагает репродуктивный контекст и Наблюдателя.

Темпоральная синтаксема *через + Вин.* взаимодействует с темпоральной синтаксемой *после + Род.* в значении исходного момента процесса, состояния: *через несколько минут после ее ухода, через два года после окончания, через двадцать лет после свадьбы, через две недели после смерти писателя* и др.

Согласно статистическим данным НКРЯ за последние 40 лет⁵², частотность синтаксемы *через + Вин.* в пространственном значении значительно ниже (42 вхождения из 678), чем для значения временного интервала (636 из 678).

Синтаксема *через + Вин.* – это свободная синтаксема, которая может вступать во взаимодействие с глаголами разных типов, при этом смысловое тяготение возникает только в рамках конструкции, а не заложено в семантике глагола. Поэтому можно говорить о синтаксическом отношении типа $A \leftrightarrow a$ (слово закрытой семантики взаимодействует со свободной формой), в которое количественное значение привносит именно синтаксема. Данный тип отношений можно описать как взаимодействие глагольного предиката с сирконстантом, т. е. синтаксема заполняет синтаксическую валентность глагола, но не соответствует никакой его валентности, соответственно, не входит в толкование глагола.

1.3 Обусловленные количественные синтаксемы (тип *b*)

Обусловленная синтаксема употребляются в качестве компонента в определенной синтаксической конструкции, в которой и реализуется ее значение. В отличие от предыдущего раздела, где связь между глаголом и именной синтаксемой, в основном, возникала на основании синсемичности, в этом разделе речь пойдет о взаимодействии именных синтаксем с глаголами на уровне предложения.

1.3.1 Синтаксема «Род. беспредложный»

1.3.1.1 Синтаксема *Род. беспредложный количественный* употребляется в определенных синтаксических условиях. Во-первых, речь идет о количественно-именном словосочетании, в котором синтаксема *Род. количественного* означает предмет, определяемый количественным

51 Дата обращения 13.07.2021.

52 Дата обращения 09.05.2021.

словом: *рота солдат, шесть быков, несколько осетин, много снега, четыре человека* и др. В силу исторических причин синтаксические отношения между числительным и существительным в разных падежах отличаются. Синтаксема *Род. количественный* входит в состав количественно-именного словосочетания, если числительное стоит в Им.п. или Вин.п. (в случае неодуш. существительного), при этом малые числительные *два, три, четыре*⁵³ (в том числе составные, оканчивающиеся на них), а также *оба* и *полтора* требуют синтаксему *Род. количественный* в ед.ч., а остальные числительные – во мн.ч. В косвенных падежах любое числительное согласуется по падежу с существительным.

Когда количественно-именное словосочетание занимает позицию подлежащего в предложении, то глагольное сказуемое может стоять как в форме ед.ч. (в пр.вр – ср.р. ед.ч.), так и в форме мн.ч. (о согласовании / несогласовании между подлежащим, выраженным количественно-именным словосочетанием, и сказуемым см. ниже, п. 5.3).

1.3.1.2 Во-вторых, синтаксема *Род. количественный* участвует в образовании одной из базовых моделей – квантитативные предложения (*Свидетелей произошедшего – сотни; Народу – море; Студентов – человек десять*). Этот тип относится к конструктивно обусловленной количественности, поэтому особенности данной модели, возможные модификации, а также характеристика предизируемого (субъект) и предизирующего (предикат) компонента будут рассмотрены ниже (см. п.5.1).

1.3.1.3 Синтаксема *Род. количественный* в значении носителя оценочно-количественной предикативной характеристики употребляется при глаголах (*не*) *хватать, (не)доставать* и при сходных по значению наречиях, например, *довольно, (не)достаточно, вдоволь, полно* (а также после прилагательного *полный*) [Золотова (1988) 2001: 29-30]. Кроме того, примеры из НКРЯ показали, что синтаксема употребляется также с глаголами СВ ((*не*) *хватить* и его синоним (*не*) *доставать*) и с наречиями (*вдоставать, полно, много, мало* и т.п.).

Для этих конструкций, куда входят указанные глаголы и синтаксема *Род. количественный*, характерным является то, что субъект в предложении выражен либо синтаксемой *Дат. беспредложный*, либо синтаксемой *у + Род.* Указанные глаголы означают '(не) иметься в каком-либо количестве', не самодостаточны, требуют восполнения смысла – количественного значения, поэтому взаимодействуют с количественной синтаксемой *Род. количественный*. Примеры из НКРЯ:

- *У нее доставало сил вести этот большой дом, на всех готовить, обстирывать, шить и ходить по магазинам...* [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000]

53 Т. Е. Янко рассмотрела ограничения на сочетаемость числительных *три/четыре* с именованиями лиц мужского пола на *-а*. Она видит причину в том, что в этом случае именования мужчин подпадает под действие женской синтаксической модели образования счетного словосочетания, что не наблюдается у других именований мужчин, поэтому и возникает запрет (см. [Янко 2002: 169-172]).

- *То есть не конкретно Дмитрию Старыгину, а тому человеку, который будет изучать загадочную картину и у которого при этом **достанет знаний и сообразительности**, чтобы узнать, из частей каких мифических созданий составлен маленький монстр на руках Мадонны.* [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)]
- *Во все века хватало **нам витязей, богатырей, гренадер, рекрутов, призывников и профессиональных военных**, больше того – щедро делились ими с дружественными государствами.* [Легион по имени Вавилон (2004) // «Солдат удачи», 2004.10.06]
- *Ну, **хватит** этих глупостей!* [Ordinamenti // «Экран и сцена», 2004.05.06]

Согласно НКРЯ⁵⁴, синтаксема может заполняться как существительными в единственном, так и во множественном числе. При заданных критериях поиска **глагол + существительное в Р.п.**: для глагола *хватать* – 2 071 вхождение для ед. ч. (из них с отрицательной частицей *не* – 1 440) и 1 357 вхождений для мн. ч. (с отрицательной частицей *не* – 917); для глагола *хватить* – 1 265 вхождений для ед.ч. (из них с отрицательной частицей *не* – 566) и 732 вхождения для мн. ч. (из них с отрицательной частицей *не* – 330); для глагола *доставать* – для ед.ч. 60 вхождений (с отрицанием – 51), для мн.ч. – 7 вхождений (с отрицанием – 4), для глагола *достать* – 28 вхождений для ед. ч. (из них с отрицанием – 8) и 27 для мн. ч. (из них с отрицанием – 2). Как видно из статистики, заполнение существительным в ед.ч. частотнее, и превалируют примеры с отрицанием.

Примеры показывают, что при глаголах *хватать/хватить* возможно заполнение синтаксемы как конкретными существительными (*бумага, товар, горючее, пленка*), так и абстрактными (*юмор, мужество, решимость, крики*), хотя и наблюдается тенденция к заполнению абстрактными (примерно 70%). При глаголах *доставать/достать* синтаксема почти всегда заполняется абстрактными существительными (*ум, отвага, чутье, силы, знания, совесть*).

Г. А. Золотова указывала в Словаре, что глагол (*не*) *хватает* с синтаксемой *на + Вин.* участвует в организации конструкции со значением оценки соответствия между посессивным объектом и его субъектом-посессором либо другой мерой распределения (*хватать на каждого, на целое государство, на несколько вечеров*) [Золотова (1988) 2001: 204-205].

Таким образом, глаголы относятся к типу *C* (релятивной семантики требующие восполнения в определенном смысле) и с обусловленной синтаксемой *Род. количественный* образуют синтаксическое отношение типа *C ↔ b*. Это тип синтаксической связи, о котором Г. А. Золотова отдельно не писала.

⁵⁴ Дата обращения 15.05.2021.

1.3.1.3 Г. А. Золотова указывает [Золотова (1988) 2001: 30], что в конструкциях, которые служат для обозначения количественной характеристики предметов, процесса, синтаксема *Род. количественный* употребляется при глаголе *достичь / достигать* (см. в таблице I.1):

- *В ударных волнах, с высокой скоростью перемещающихся в твердых телах, давления достигают миллионов атмосфер.* [Анатолий Шибанов. Взрыв на кончике пера // «Техника - молодежи», 1974]
- *В некоторых коммерческих высотных домах коммунальные услуги достигают тысячи долларов.* [Антон Елин. Пизанский юбилей. В квартире балерины Улановой теперь танцуют крысы (2002) // «Известия», 2002.03.31]
- *Толпа демонстрантов на Невском проспекте достигала тысячи человек.* [Демонстрация в Петербурге (по телефону от нашего петербургского корреспондента) (1912.04.29) // «Московская газета», 1912]

Согласно данным НКРЯ, сочетание глагола *достигать* в значении ‘простирается, доходить по своим размерам, весу до какого-нибудь предела или увеличиваться, подниматься до какого-нибудь уровня, предела’ с количественной синтаксемой не является частотным. Так, при заданных критериях поиска для глагола *достигать* + **Р.п. беспредложный** (с семантическим параметром ‘множества и совокупности объектов’) только в 41% глагол относится к параметрическому классу⁵⁵.

Данные НКРЯ за последние 40 лет⁵⁶ показывают, что при глаголах *достичь/достигать* синтаксема *Род. количественный* преимущественно заполняется количественно-именным словосочетанием (примерно в 80%). Кроме того, примеры показывают, что глаголы могут взаимодействовать с синтаксемой *до* + *Род.:* *достигает до 5 метров в длину, достигают до 50 кг, достигал в среднем до 30%*.

Глаголы *достичь/достигать* относятся к словам релятивной семантики, которые находятся в смысловом тяготении с обусловленной синтаксемой *Род. количественный*, таким образом, они образуют синтаксическое отношение типа $C \leftrightarrow b$.

1.3.2 Синтаксема «Дат. беспредложный»

В конструкциях, выражающих отношения соответствия, иерархии между предметами или явлениями или каузацию подобных отношений, синтаксема *Дат. беспредложный* обозначает отправной предмет сопоставления или высший в иерархии (см. в таблице II.6). Согласно «Синтаксическому словарю», данная синтаксема употребляется с глаголами типа *В* (слова открытой семантики, которые требуют при себе определенной формы): *равняться*,

⁵⁵ Дата обращения 23.04.2016.

⁵⁶ Дата обращения 15.05.2021.

соответствовать, уподоблять(ся), противоречить, сопротивляться, (не) поддаваться, противиться, прилагательным *равный*, а также словосочетанием *быть эквивалентным*. В отличие от глаголов *равняться* и *соответствовать*, остальные глаголы ориентированы на отправной предмет сопоставления или высший в иерархии, поэтому для данного исследования интерес не представляют.

Глаголы *равняться* и *соответствовать* обозначают определенные математические операции (отношение равенства, эквивалентности). В данном случае мера связана с измерением, поэтому при них синтаксема будет выражена количественно-именным словосочетанием:

- *В 2003 году его доходы должны составить 822 млрд. 841 млн. 400 тыс. рублей. Это равняется примерно третьей части госбюджета.* [Вероника Сивкова. На что тратит деньги Пенсионный фонд (2003) // «Аргументы и факты», 2003.06.04]
- *А самое популярное у аквалангистов пожелание: «Чтобы количество всплытий равнялось количеству погружений».* [Александр Митрофанов. «Дайвинг безопаснее боулинга». Москвичи отмечают 60-летие изобретения акваланга (2003) // «Известия», 2003.02.21]
- *Это соответствует 83 тысячам автомобилей, которые затем разъезжаются по всей России.* [Анна Романова. Фокус и другие преобразования «Соллерса» // «Огонек», 2014]
- *Выигрыш составил в тридцать пять раз больше ставки, что соответствовало трем тысячам пятистам маркам.* [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

Статистика употребления по глаголам с синтаксемой *Дат. беспредложный*, по данным НКРЯ, следующая (подсчеты для первых 100 примеров в корпусе, в которых возможен повтор глагола)⁵⁷:

глагол	Кол-во для ед.ч.	Кол-во для мн.ч
<i>равняться</i>	91	14
<i>соответствовать</i>	91	33

Как видно из таблицы, примеров на ед.ч. намного больше, нежели для мн.ч., при этом в примерах на ед.ч. были как существительные в ед.ч., так и *sg-tantum*, однако не было существительных собирательных.

Основное количественное значение несет синтаксема, при этом оно выражается прежде всего лексически (числительным или количественно-именным словосочетанием), а не морфологически – категорией числа.

⁵⁷ Дата обращения 29.12.2019.

Глаголы *равняться* и *соответствовать* относятся к словам релятивной семантики, они нуждаются в восполнении смысла в определенной заданной форме, поэтому с обусловленной синтаксемой *Дат. беспредложный* образуют синтаксическое отношение $V \leftrightarrow \rightarrow b$, о котором Г. А. Золотова не писала. Для нее глаголы открытой семантики, нуждающиеся в восполнении смысла именной синтаксемы в единственной, заданной глаголом падежной форме, могли сочетаться либо со свободной формой, либо со связанной формой (в первую очередь, она рассматривала для этого типа переходные глаголы, которые требуют объект в В.п.). Тем не менее, анализ показал, что глаголы типа *V* могут взаимодействовать по смыслу и требовать определенной обусловленной именной синтаксемы (в определенной падежной форме).

1.3.3 Синтаксемы «на + Вин.» и «в + Вин.»

Синтаксема *на + Вин.* может означать 1) меру количественной характеристики предмета или действия в квантитативно-оценочных конструкциях (см. в таблице II.8) и 2) количественную разницу между предметами или действиями, обнаруживающуюся при сравнении их или при изменении (см. в таблице II.9). Во втором значении синтаксема *на + Вин.* употребляется при предикатах, выраженных компаративом (*раньше, больше, меньше, позже, медленнее* и т. п.), а также при глаголах, обозначающих количественное изменение.

Синтаксема *в + Вин.* может означать 1) количественный показатель изменения или соотношения признаков (см. в таблице II.8). Как и в случае синтаксемы *на + Вин.*, она может выступать при компаративном предикате (*меньше, больше* и др. сравнительные формы), а также при глаголах со значением уменьшения или увеличения (*увеличиться, уменьшиться, возрасти* и т.п.); и 2) результат каузации соединения и разделения (см. в таблице III.3).

Взаимодействие синтаксем *в + Вин.* и *на + Вин.* с глаголами со значением количественного изменения будут рассмотрены ниже (см. п.1.5), то же касается и глаголов со значением соединения (см. п.3.2) и разъединения (см. п.3.3).

В этом разделе пойдет речь о взаимодействии синтаксемы *на + Вин.* в значении ‘мера количественной характеристики предмета или действия’ с различными глаголами. Поскольку для этой синтаксемы форма мн.ч. не является обязательной, то количественное значение выражается преимущественно количественно-именными словосочетаниями.

Синтаксема *на + Вин.* означает меру, связанную с распространением или протяженностью в каком-либо пространстве, и будет употребляться при глаголах определенных групп с тем же значением и в большинстве случаев поддерживаться пространственными приставками:

1) глаголы, обозначающие собственно протяженность в пространстве: *витья, протянуться, тянуться, стлаться, стелиться, растянуться, расстилаться* и т. п.;

2) глаголы, обозначающие разницу в расстоянии, сюда, в основном, относятся глаголы с приставками *вы-* и *от-*: *отстоять, выдвинуться, выдаваться, выпирать, выситься, выступить, отклониться, отступить, торчать* и т. п.;

3) глаголы, обозначающие направленное перемещение в пространстве, как правило с пространственными приставками *вы-, от-, пере-, про-, у-*: *выкатывать, вышибать, двигать, отбрасывать, отводить, отвозить, откидывать, относить, передвигать, перекачивать, переносить, перетаскивать, продвинуть, проталкивать, сходить, увозить, удалять, утаскивать* и др.

Особенностью глаголов 1 и 2 группы является то, что они связаны со зрительным восприятием (репродуктивным контекстом), а следовательно, Наблюдателем.

Согласно данным CoCoCo и НКРЯ⁵⁸ при глаголах этих групп синтаксема *на + Вин.* будет выражаться преимущественно (примерно в 80% случаев) количественно-именным словосочетанием с числительным или количественным словом: *отстоит на 200-400 метров, растянулись на пять миль, на километр, тянулась на много километров, тянутся на сотни верст, протянулись на 2400 километров, выступала на пару сантиметров, отклонился на некоторый очень малый угол, отступил на шаг, на несколько шагов, торчат на 2 сантиметра, отвозил на несколько километров, отбросил мяч на 10 метров, сошла с лыжни на два шага, река вьется верст на десять* (последние два примера из [Золотова (1988) 2001: 203]. В данном случае синтаксема *на + Вин.* связана с мерой расстояния, поэтому предпочтительней количественно-именные словосочетания с числительными или количественными словами. Именно они и будут лексическими выразителями категории количества.

В данном случае речь идет о типе синтаксических отношений $C \leftrightarrow b$, в котором глагол типа *C* (релятивной семантики, требующий восполнения в определенном смысле) находится в смысловом тяготении с обусловленной формой. Такая связь становится возможной на основании общей семы 'протяженность или распространение в пространстве', при этом синтаксема будет приносить количественное значение меры.

Еще одна группа, которая взаимодействует с синтаксемой *на + Вин.*, – это глаголы, обозначающие характеристику явлений природы, существование которых невозможно без их звучания, и чей звук распространяется в пространстве: *ахать, бахать, бухать, верещать, выть, гудеть, греметь, гроыхать, грохать, грохотать, гудеть, завывать, заливаться, звенеть, звонить, звучать, хлокотать, раздаваться, разливаться, свистеть, стонать, тархтеть, ухать, шуметь* и т. п. Синтаксема *на + Вин.* означать полноту меры, т. е. распространение определенного звука на все пространство: *верещать, шуметь на всю округу, гудеть, выть на весь дом, тархтеть на весь двор, стонать на всю комнату* и т. п. Категория количества будет

58 Дата обращения 10.03.2018.

выражаться при помощи квантора всеобщности *весь*. В данном случае глаголы типа *А* (закрытой семантики) вступают во взаимодействие с обусловленной синтаксемой и образуют синтаксическое отношение $A \leftrightarrow b$ (глаголы закрытой семантики взаимодействуют с обусловленной формой).

1.3.4 Синтаксемы «под + Вин.» и «с + Вин.»

Обусловленная синтаксема *под + Вин.* обозначает приблизительно-количественную характеристику предметов, возраста, температуры (см. в таблице I.3). Примеры из НКРЯ:

- *Температура у него была под тридцать девять, и Тане казалось, что руки ее лежат на сковородке.* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].
- *Это же под десяток статей подпадает, расстрел с пожизненным повешеньем... какой там Менгеле, что вы!..* [Андрей Лазарчук. Там вдали, за рекой... (1986)]

Согласно статистическим данным НКРЯ за последние 40 лет⁵⁹, скачок частотности приходится на 1993-1998 гг. до показателя 8-9, затем падение до показателя 5. При этом частотнее (приблизительно в 90%) заполнение количественно-именным словосочетанием: либо с числительным, либо с существительным с количественным значением.

Обусловленная синтаксема *с + Вин.* может выражаться количественно-именным словосочетанием для обозначения приблизительного счета, а также предметными существительными для обозначения уподобления по размеру с оттеночным значением приблизительности (см. в таблице I.3), например: *Ширина поясков могла быть разной: и с ладонь, и с монету, и с ноготок ребенка.* [Приветствие на пояске (2004) // «Народное творчество», 2004.02.16].

Частность для синтаксемы *с + Вин.* в аппроксимативном значении посчитать трудно, поскольку не снята омонимия (в частности, для составных числительных, для словосочетаний типа *с двух сторон* и т.п.).

Обе синтаксемы участвуют в образовании аппроксимативных конструкций (см. п.10.4 Первой главы). Особенности данных синтаксем заключаются в том, что если синтаксема выражается существительным, то оно должно быть в единственном числе: *под потолок, с горсть, с локоть, с ноготь, с голову*. В этом случае речь идет не столько о приблизительном количестве, сколько о сравнении с неким «эталоном».

Когда синтаксемы выражаются числительным или количественно-измерительным словом, то основное значение у всей синтаксемы – приблизительное количество. Если синтаксема

59 Дата обращения 18.05.2021.

с + Вин. употребляются в составе субъектного компонента, то глагол преимущественно используется в т. н. «безличной форме» – 3 л. ед. ч. («дефолтное согласование»):

- 1) *Позади нее сидело с десяток представительных коштыров, очевидно, жюри.* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)]
- 2) *По дорожкам небольшого парка между присыпанными легким снежком клумбами шаталось с дюжину старух в одинаковых старомодного покроя каракулевых шубах.* [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)]
- 3) *Всегда, кроме тех двух клиентов, которые приклеивались глазами к большим оконцам его пестро размалеванной коробки, вокруг толпилось, ожидая очереди, с полдюжины ребят и взрослых.* [А. Н. Бенуа. Жизнь художника (1955)]

Синтаксемы *под + Вин.* и *с + Вин.* способны вступать в синтаксические отношения с глаголами всех типов, поскольку значение приблизительного количества заключено именно в именной синтаксеме, которая и формирует аппроксимативную конструкцию. В субъектной позиции употребляется только синтаксема *с + Вин.*, при этом она должна быть выражена количественно-именным сочетанием. В любой другой позиции в конструкции синтаксемы *под + Вин.* и *с + Вин.* могут быть выражены существительным в В.п., но при этом в ед.ч. особенность заключается в том, что значение приблизительного количества – не основное, а добавочное; оно накладывается на другие роли в предложении и выступает модификатором.

1.4 Связанные количественные синтаксемы (тип *с*)

Практически все связанные количественные синтаксемы употребляются в позиции объекта. Это относится к следующим синтаксемам *Род. беспредложный* с объектно-количественным значением (*купить книг, конфет*), *Твор. беспредложный* с объектно-количественным значением (*завалить цветами, книгами*), *Вин. беспредложный* со значением дименсив – меры (*весить 56 кг, стоить⁶⁰ 35 рублей*), *на + Вин.* со значением дистрибутив – обозначение частей целого, получаемых в результате каузации (*рассыпаться на камни*).

Род. беспредложный с объектно-количественным значением, *Твор. беспредложный* и *на + Вин.* связаны с морфемным и морфологическим способами выражения количества и будут рассмотрены ниже (см. п. 3.1).

Что касается синтаксемы *Вин. беспредложный* со значением меры, то Г. А. Золотова указывает [Золотова (1988) 2001: 360], что данная синтаксема употребляется при глаголах *весить* и *стоить*. Согласно НКРЯ⁶¹, с данной синтаксемой употребляются также следующие

⁶⁰ Глагол *стоить* употребляется в конструкциях, выражающих оценку соответствия, с синтаксемой *Род. меры соответствия*, которая может заполняться количественными лексемами: *Она стоит десятерых таких, как ты. / Он стоит сотни бойцов.*

⁶¹ Дата обращения 18.05.20.

глаголы: *вместить / вмещать, длиться, занять / занимать, насчитать / насчитывать, составить / составлять, содержать*. Например:

- 1) *Ныне, если считать вес человека в пятьдесят килограммов, человечество **весит сто миллионов тонн***. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]
- 2) *Квартира однокомнатная **стоит миллион** — не самая хорошая, конечно, но надо покупать сейчас, через пару лет будет два миллиона, а через пять три*. [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010]
- 3) *Во-вторых, наказание **длится не 15 суток**, как раньше, а всего **40-120 часов**, в зависимости от тяжести проступка*. [Андрей Гусев. Проституток накажут метлой (2003) // «Аргументы и факты», 2003.06.11]
- 4) *Помимо двух широких и длинных лезвий нож **вмещал в себя семь или восемь** блестящих на солнце **предметов** — пилочки для ногтей, ножнички, шило, расческу, ложку, вилку и прочее, так нужное в быту, но малоприспособное истинному диверсанту, у которого за поясом нож, называемый финским*. [Анатолий Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002]

Часть глаголов связана с параметрами: объем, длина, продолжительность, площадь, численность – и будет толковаться через имя. СоСоСо показывает следующие существительные при этих глаголах (в основном, это существительные, используемые в качестве единиц измерения, параметров как количественных, так и временных)⁶²: *весить пуд; занимать площадь, половину; длиться вечность, полчаса, недели, миллионы, дни, месяц; насчитывать тысячелетия, тысячи; составлять половину, сумму, часть*. Согласно этим данным, глаголы *весить, занимать* и *составлять* в основном употребляются с существительными в единственном числе, *насчитывать* – с существительными во множественном, а *длиться* употребляется с существительными как в единственном, так и во множественном числе.

Согласно данным НКРЯ за последние 40 лет⁶³, статистика для словосочетания этих глаголов с синтаксемой *Вин. беспредложный* меры следующая: для глагола *весить* – 141 вхождение (при этом для части характерно наложение аппроксимативного значения – 11); для глагола *вмещать* – 50 вхождений; для глагола *длиться* – 659 вхождений; для глагола *насчитывать* – 124 вхождения. Для глагола *составлять* с синтаксемой *Вин. беспредложный* меры трудно определить статистику, так как глагол *составлять*, кроме значения ‘представлять собой некое количество, сумму, совокупность’, имеет ряд других значений. Для глагола *стоит*⁶⁴ определить частотность также трудно, поскольку в большинстве примеров не снята

62 Дата обращения 01.11.2016.

63 Дата обращения 18.05.2021.

64 Глагол *стоит* связан с идеей цены. Это же значение приобретают синтаксемы *за+Вин.* и *на+Вин.*, когда заполняются существительными, обозначающими денежную единицу: *купить за рубль, на рубль*. Если это

омонимия (много примеров для значения 'надо, следует, имеет смысл, значение, полезно, ценно, важно'; кроме того, формы настоящего времени глаголов *стоит* и *стоять* омонимичны). Однако в СоСоСо можно проследить наиболее употребительные существительные⁶⁵: *десятки, миллионы, полтину, кучу, копейки, миллиард, тысячу*.

Глагол *содержать* сочетается с синтаксемой *Вин. беспредложный* с количественной характеристикой. По данным НКРЯ⁶⁶, в основном это количественно-именные словосочетания, образованные сочетанием существительного с числительным или количественными наречиями или местоимениями (*много, мало, несколько, немного и т.п.*), также подавляющее большинство примеров на контексты с отрицанием.

Итак, описанные в данном параграфе глаголы относятся к типу *С*, т. е. словам открытой семантики, которые нуждаются в восполнении с определенным смыслом. Таким образом, речь идет о типе синтаксических отношений $C \leftrightarrow c$, который Г. А. Золотова не анализировала. Эти глаголы имеют валентность на количество/меру (*сколько?*), которая заполняется связанной синтаксемой *Вин. беспредложный меры*⁶⁷ (тип *с*).

1.5 Количественные синтаксемы и глагольные предикаты со значением количественного изменения

Обусловленная синтаксема *на+Вин.*, выражающая количественную разницу между действиями, и обусловленная синтаксема *в+Вин.*, называющая количественный показатель меры изменения признака, употребляются с глаголами со значением количественного изменения, такие глаголы относятся к предикатам типа *С* (открытой семантикой, требующими восполнения в определенном смысле): *возрасти, дополнить, зависеть, замедлить, замедлиться, задержать, затянуть, затянуться, опустить, опуститься, поднять, подняться, повысить, повыситься, подрасти, понизить, понизиться, превысить, преуменьшить, преувеличить, приумножить, сбавить, снизить, снизиться, сократить, сократиться, увеличить, увеличиться, удлинить, удлиниться, укоротить, укоротиться, умножить, уменьшить, уменьшиться, ускорить, ускориться, урезать* и т. п.

Примеры из НКРЯ на сочетание глаголов количественного изменения с синтаксемой:

значение для синтаксемы *на+Вин.* в «Синтаксическом словаре» оговаривается (дименсив2 – мера количественной характеристики предмета или действия [Золотова (1988) 2001: 203]), то для синтаксемы *за+Вин.* такого объяснения нет, Г. А. Золотова обозначает синтаксему как один из предметов обмена в сообщениях о действиях, связанных с обменом, куплей, продажей, получением [Золотова (1988) 2001: 186-187].

⁶⁵ Дата обращения 31.10.2016.

⁶⁶ Дата обращения 28.04.2018.

⁶⁷ С синтаксемой *Вин. беспредложный меры* может употребляться группа глаголов типа *С* со значением 'находиться где-то долгое время, отсутствовать в определенном месте': *пропадать, отсутствовать, странствовать, шляться, таскаться, мотаться* и др. Они связаны с неопределенностью по месту и по времени. Неопределенность может быть выражена количественно-именным словосочетанием: *пропадать трое суток, странствовать несколько дней, отсутствовать одну неделю*.

на+Вин.⁶⁸:

в+Вин.⁶⁹:

- *За последние годы зарплата в России поднялась более чем на 20%*. [Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31]
- *За последнее время средний возраст кузнецких докторов увеличился на девять лет*. [Заманивать будут рублем (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.10]
- *Соревнование в работе ускорило свидание на год*. [Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок (1931)]
- *Вы видите, что при механическом раздражении отделение сока увеличилось в шесть раз*. [И. П. Павлов. Лекции по физиологии (1911-1913)]
- *Территориальные формирования непрерывно росли: количество тердивизий с 1923 года, т. е. с момента введения терсистемы, увеличилось в четыре раза*. [К. Е. Ворошилов. Оборона страны и состояние рабоче-крестьянской Красной армии (Доклад на IV Всесоюзном Съезде Советов) (1927)]
- *Если инициатива будет одобрена, то с 2011 года налоговая ставка на транспорт снизится в два раза, а НДС увеличится, что может привести к росту цен на бензин*. [Ольга Жермелева. Транспортный налог идет на снижение (2010.11.11) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/11/11/focus/526211.shtml>]

С этими глаголами также употребляется свободная синтаксема *до + Род.*, обозначающая характеристику размера предмета или исчисляемую меру величины. Синтаксема *до + Род.* может поддерживаться синтаксемами *от + Род.* или *с + Род.* для подчеркивания интервала количественного изменения.

- *Для прохладной погоды – да, а что я буду делать, если температура снизится до пяти градусов мороза?* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]
- *Количество экземпляров резко сократилось от шести до пяти*. [Сергей Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», 1990]

68 Дата обращения 24.05.2019.

69 Дата обращения 20.05.2019.

- *Население деревни Тимофеевки за это время уменьшилось с 517 до 181 человека, деревни Никольское – с 968 до 388 человек.* [Андрей Ворскла. Съедение человека не считалось большим преступлением... // «Криминальный отдел», 2012]

С глаголами количественного изменения взаимодействуют все три синтаксемы – *на+Вин.*, *в+Вин.* и *до+Род.* Согласно данным НКРЯ⁷⁰ за последние 40 лет, выявляются следующие показатели (в таблице приведены только те глаголы, для которых был найден хотя бы один пример):

глагол	на + Вин.	в + Вин.	до + Род.
<i>возрасти</i>	31	117	25
<i>поднять</i>	19	2	12
<i>подняться</i>	53	5	16
<i>опуститься</i>	7	1	-
<i>повысить</i>	9	6	2
<i>повыситься</i>	14	11	5
<i>снизить</i>	14	19	6
<i>снизиться</i>	22	35	10
<i>сократить</i>	26	37	40
<i>сократиться</i>	19	78	45
<i>увеличить</i>	23	110	29
<i>увеличиться</i>	55	187	27
<i>уменьшить</i>	16	21	6
<i>уменьшиться</i>	25	32	7

Как видно из таблицы, большее количество примеров приходится на глаголы, в семантике которых основное или первое значение – изменение количества, количественная разница (см. *возрасти*, *снизиться*, *увеличиться*, *уменьшиться*), при этом их толкование будет идти через имя — стать больше/меньше. Кроме того, возвратные глаголы более частотны по сравнению с их невозвратными парами (ср. в частности, *поднять* – *подняться*, *снизить* – *снизиться* и т.п.). То, что предпочтение отдается глаголам с постфиксом *-ся*, связано с тематикой текстов (преимущественно статистика и математика).

Согласно примерам из НКРЯ за последние 40 лет⁷¹, синтаксемы преимущественно выражены количественно-именным сочетанием, соответственно, количественное значение будет выражаться числительным или количественным словом, а не грамматически, через категорию числа.

Итак, глагольные предикаты со значением количественного изменения взаимодействуют с свободными синтаксемами *a* и обусловленными *b* и образуют синтаксические отношения типа $C \leftrightarrow a$ и $C \leftrightarrow b$. Глагольные предикаты обладают релятивной семантикой, находятся в смысловом тяготении и могут взаимодействовать либо со свободной, либо с обусловленной

70 Дата обращения 18.05.2021.

71 Дата обращения 01.05.2021.

синтаксемой. Значение количества выражают как глаголы, так и синтаксемы, образуя количественные конструкции.

Итак, в первом параграфе были рассмотрены конструкции, в которых подлежащие – это преимущественно неодуш. существительные, а глаголы не обозначают глагольного действия, поэтому они относятся к словам релятивной семантики. Большая часть из рассмотренных глаголов – это слова типа *C*, т.е. они требуют восполнения определенного смысла, но при этом могут взаимодействовать с разными синтаксемами. Другие глаголы относятся к типу *B*, т.е. они нуждаются в восполнении смысла, но взаимодействуют при этом с одной единственной формой.

Аппроксимативные синтаксемы оказываются самыми свободными, они могут взаимодействовать со всеми глаголами: и статическими, бытийными, и глаголами количественного изменения. Аппроксимативное значение дополнительное, поэтому может накладываться практически на любую роль в предложении.

Дименсивное значение связано, в первую очередь, с понятием меры, поэтому синтаксемы с дименсивным значением будут выступать показателями характеристики пространственного или временного интервала.

Аппроксимативное и дименсивное значение выражается в основном лексически (количественно-именными словосочетаниями).

С категорией числа преимущественно связаны партитивная, генеративная синтаксемы и синтаксема со значением точного предела. Последние две синтаксемы не впускают аппроксимативную синтаксему, поскольку генератив означает собирательное множество, а семантика точного предела противоречит семантике приблизительного количества. Таким образом, аппроксимативное количество может взаимодействовать только с дискретным множеством.

Кроме названных, есть еще одна группа глаголов, в семантике которых есть сема ‘количество’ – отыменные глаголы с валентностью на множественный субъект.

§ 2 Отыменные глаголы с валентностью на множественный субъект

Глаголы, образованные от существительных, в корне которых заключается значение множественности, являются примером лексикализованного количества. К таковым относятся *толпиться, грудиться, кучиться, кучковаться, громоздиться, группироваться (где-то), роиться, сгрудиться, табуниться, тусоваться*. Существительные *толпа, гряда, куча, громада*,

группа, рой, табун, тусовка — сами означают некую совокупность, отсюда при глаголах мыслится множественный субъект⁷².

Статистика употребления по глаголам, по данным НКРЯ за последние 40 лет⁷³, следующая (подсчеты для глаголов в индикативе)⁷⁴:

глагол	Кол-во для ед.ч. ⁷⁵	Кол-во для мн.ч
<i>толпиться</i> (894 вх.)	287	607
<i>грудиться</i> (21 вх.)	6	15
<i>кучиться</i> (6 вх.)	3	3
<i>кучковаться</i> (56 вх.)	6	50
<i>громоздиться</i> (443 вх.)	174	269
<i>группироваться</i> (164 вх.)	33	131
<i>роиться</i> (195 вх.)	59	136
<i>сгрудиться</i> (163 вх.)	27	136
<i>тусоваться</i>	105	93

Как видно из таблицы, для большинства глаголов характерно употребление во множественном числе. Исключение составляет глагол *тусоваться*, для которого характерно не только значение «собираться где-то для совместного времяпрепровождения» (предпочтение мн.ч.), отмечаемого во многих толковых словарях, но «гулять, слоняться без дела; участвовать в различных шоу» (предпочтение ед.ч.), которое, в частности, дает словарь аргос В. С. Елистратова (2002)⁷⁶.

Согласно данным НКРЯ, множественный субъект при этих глаголах может оформляться: 1) морфологически — категорией числа (а), т. е. валентность будет заполняться синтаксемой *Им.п. мн.ч.*, в данном случае множественность будет дискретной; 2) лексически — собирательной множественностью (б), в этом случае валентность будет заполняться синтаксемой *Им.п. ед.ч.*; 3) количественно-именным словосочетанием (в) со значением неопределенной множественности⁷⁷:

(а) 1) *А в хуторе на площади чернела тулупами толпа казаков, овечьим порядком*

72 Переходные глаголы с этими же корнями будут требовать множественный объект: *Придет зима, пойдет метелица в поле вихри толпиться, кружить столбунки* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)]; *Он сидел перед ним на корточках, подбирал несгоревшие палочки и грудил их в середину костра, где уже образовалась серая горка золы.* [С. Т. Семенов. Огнепоклонники (1916)]; *Но я не буду больше громоздить здесь эти драматические словосочетания.* [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)]

73 Дата обращения 22.05.2021.

74 Дата обращения 29.12.2019.

75 Сюда относятся также примеры, когда количественность выражается лексически через собирательное существительное (*народ, молодежь, стадо*).

76 Словарь аргос В. С. Елистратова на сайте Грамота.ру, [URL: http://gramota.ru/slovari/argos/53_14226]

77 Неопределенное количество в примерах НКРЯ может выражаться как при помощи сочетания с неопределенным местоимением (*несколько*) или наречия (*немало*), так и при помощи аппроксимативной конструкции с инверсией (*десяток два, человек десять*).

- кучились бабы, запахнув донские шубы, опушенные бурым поречьем.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая (1928-1940)]
- 2) *У столиков толпились выпускники, томясь и медля перед сдачей документов.* [Фазиль Искандер. Начало (1969)]
- (б) 1) *На площади у церковной ограды кучился народ.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)]
- 2) *Толпилась очередь к окошку кассы.* [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996]
- (в) 1) *Изобразителем этих сторон явился Гоголь, истолкователем этих стремлений — Белинский; около них группировалось несколько десятков талантливых личностей.* [Н. А. Добролюбов. Литературные мелочи прошлого года (1859)]
- 2) *Вокруг заброшенной барской усадьбы средней руки группируется десятка два деревянных, на живую нитку состроенных дач.* [А. П. Чехов. Кулачье гнездо (1884-1885)]

Как видно из примеров, предикат в конструкциях с неопределенным количеством выражен единственным числом. С одной стороны, этого требует морфологическое согласование с количественно-именным словосочетанием, в состав которого входят слова *несколько*, соответственно, предикат должен быть в единственном числе, а в случае прошедшего времени согласование будет по среднему роду. А с другой – данные предложения относятся к бытийному типу. Именная группа, выступающая в качестве субъекта при предикате, имеет общую, или неопределенную референцию, что указывает на принадлежность к какому-либо классу. В бытийных предложениях в теме находится место, а в реме – субъект, при этом он мыслится как неагентивный, обезличенный. Поэтому выбирается форма единственного числа.

К глаголу *роиться* примыкает глагол *кишеть, тесниться, скопиться*. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, у *кишеть* два значения: 1) о множестве беспорядочно двигаться, шевелиться, копошиться и 2) быть наполненным множеством шевелящихся, копошащихся, передвигающихся существ. У *скопиться* значение ‘постепенно накопиться, как правило, в большом количестве’, а у *тесниться* – ‘стоять тесно, близко друг к другу, как правило, о большом количестве людей’. Известно, что семантические валентности на поверхностном представлении могут не быть взаимно-однозначны синтаксическим. Так, например, предикат (*кишмя*) *кишеть, тесниться, скопиться* или *роиться*, помимо валентности на субъект, имеет также валентность на место – *роиться где?, кишеть где?* На поверхностном представлении может происходить перераспределение валентностей: валентность на субъект заполняет актант от бывшей локативной валентности (т. е. локативная валентность выступает в качестве подлежащего), а бывший субъектный актант заполняет валентность на инструмент (т. е. хотя на поверхностном уровне это валентность на инструмент, в глубинном представлении

– это валентность на субъект). На поверхностном уровне глубинный субъект – именная синтаксема *Твор. беспредложный*. Как правило, множественный субъект в этих примерах мыслится как собирательный (б):

- (б) 1) *Маленький воображаемый Париж забит не только лавочками веселых чернокожих французов; он [Париж] кишит мрачно-смулыми фигурками франкоязычных мусульман, верных себе и своей вере; их дома наглухо закрыты, что творится в их головах, никто не знает.* [Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006)]
- 2) *Многотысячный людской рой к ним бредет по утрам; и кишмя кишит пригород; и роится народом.* [Андрей Белый. Петербург (1913-1914)]
- 3) *Поглядел из-за портьеры:
Зала публикой кишит —
Все тузы-акционеры!*
[Н. А. Некрасов. Современники: «Я книгу взял, восстав от сна...» (1875)]

Наконец, множественный субъект может быть выражен синтаксически — однородные подлежащие (в) или сочетанием именной синтаксемы *Им.п.* с синтаксемой *с + Твор.* (г):

- (в) 1) *Тут же около дверей толпились кухарка, горничная и еще неизвестно какая-то баба.* [Г. И. Успенский. Растеряевские типы и сцены (1877)]
- 2) *Здесь кучились серебро, мельхиор, бронза, в которых практичность Дарьи Антоновны, запасавшей ложки, блюда, соусники, ножи и вилки, проглядывала вперемежку с легкомыслием Витюши...* [К. А. Федин. Первые радости (1943-1945)]
- 3) *На палубе громоздились сердце, легкие, желудок животного.* [М. Ивашин. Лаборатория в кашалоте // «Химия и жизнь», 1968]
- (г) 1) *А вовне площадки роились тоже собаки с хозяевами и вступали в конфликты с теми, которые внутри, потому что те, что внутри, позапирали от них калитки.* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]
- 2) *В глубине котлована зеки с конвоем толпились вокруг бешено полыхающего в пурге политого соляркой костра.* [Митьки. Зимняя муха (1992)]
- 3) *Внутри этой живой ограды сгрудились самки с детенышами.* [А. Ф. Членов. Как Алешка жил на Севере (1978)]

В примерах (в) субъект мыслится как дистрибутивный. В примерах (г) сочетание синтаксем указывает на совокупность, поскольку субъект, выраженный синтаксемой *с + Твор.*, указывает на лицо, соучаствующее в роли субъекта действия. В этих примерах сочетание синтаксем коррелирует с субъектом, выраженным существительным или местоимением во множественном числе.

Рассматриваемые отыменные глаголы употребляются в бытийных предложениях, подавляющее большинство примеров в НКРЯ отвечает схеме локатив + бытийный глагол + субъект (см. [Арутюнова, Ширяев 1983]). В IV томе «Русского семантического

словаря» (2007) эти глаголы также относятся к бытийным, в которых существование характеризуется количественно. Примечательно, что данные глаголы в семантике содержат сему перцептивности, то есть предполагают Наблюдателя в ранге «За кадром» (в терминологии Е. В. Падучевой). Рассматриваемые предикаты неизосемичны и не означают изменения во времени. Даже глаголы с приставкой *с-* (*сгрудиться, столпиться, сгруппироваться*) не связаны напрямую с изменением во времени, скорее эти предикаты имеют перфектное значение — т. е. наблюдаемый результат (см. о перфектных видовых парах в [Падучева (1996) 2010]).

§ 3 Категория количества: взгляд от глагола к имени

В данном параграфе речь пойдет о предложениях с полнозначительными глаголами, при которых субъект и объект – существительные с конкретной семантикой. В таких конструкциях взаимодействие между именем и глаголом связано с тем, что сказуемое требует, в первую очередь, множественного субъекта и/или объекта. Категория количества также может выражаться через квантор всеобщности – *весь, полностью*.

3.1 Количественные приставки и валентность на множественный субъект или объект

3.1.1 Репертуар количественных приставок

3.1.1.1 В русском языке есть ряд приставок, в семантике которых может содержаться валентность на множественный субъект или объект. Валентность на множественный субъект может содержаться в приставках *пере-, по-* и *с-*, валентность на множественный объект может содержаться в семантике таких приставок, как *вы-, за-, из-, на-, о-, об-, пере-, по-, про-, с-, у-* [РГ 1980: 591-602]. Еще одной количественной приставкой является приставка *раз-* со значением 'действие, направленное на разные объекты или распространенное в разные стороны'. Часто количественное значение приставки поддерживается квантором всеобщности (*все/все*).

Количественные приставки многозначны, и количественное значение у них вторично по отношению к первичному, пространственному значению. М. В. Нефедьев показал на примере истории развития семантических значений приставок *на-* и *об-* [Нефедьев 1994], что сначала пространственные приставки развивают значение результата, а затем уже количественное значение. Поэтому в современном русском языке количественные приставки одновременно приносят количественный оттенок полноты, накопления и достижения некоего результата или уничтожения действием, при этом в сферу действия попадает ряд объектов или сложный, множественный объект (или на много мест в пределах одного объекта) или множественный субъект.

3.1.1.2 Рассмотрим приставки с валентностью на множественный субъект.

Приставка *пере-*, присоединяясь к глаголам, может означать 1) действие, исходящее от двух и более субъектов (*переговариваться, переглядываться, переглянуться, пересмеиваться, перестреливаться, перемигиваться, перемигнуться, перекликаться, перекликнуться, перешептываться, перешепнуться* и др.); 2) а также действие, исходящее от многих субъектов (*перебывать в каком-то месте, перегаснуть, перемереть, перепáдать* и др.).

Приставка *по-* сходна со вторым значением приставки *пере-*: *повянуть, попáдать, померзнуть, повскакивать, повыпрыгнуть, повыпрыгивать, поохрипнуть* и т. д.

Валентность на множественный субъект также может содержаться в приставке *с-*, при этом в глаголе должен быть постфикс *-ся*, т.е. приставочно-суффиксальный способ образования (конфикс): 1) прибыть из разных мест в одно (*сбежаться, сползтись, стечься, съехаться, слететься, собраться, сосредоточиться*), 2) соединиться с помощью действия, названного мотивирующим глаголом (*смерзнуться, слипнуться, скипеться*), 3) достигнуть согласованности, взаимопонимания (*сыгратся, слетаться (о летчиках), спеться, сработаться*). В третьем значении глаголы часто поддерживаются синтаксемой *с + Твор.*

Противоположное значение имеет приставка *раз-*, например: *разбежаться, разлететься, разъехаться, расступиться, разломаться, разбрестись, разойтись* и т. д.

Описываемые приставочные глаголы с валентностью на множественный субъект – это непереходные глаголы. При переходных глаголах с количественными приставками, которые имеют валентность на множественный объект, субъект может быть как в ед. ч., так и во мн. ч. Глагол не задает определенную числовую форму для субъекта.

3.1.1.3 К приставочным глаголам, имеющим валентность на объект с количественной семантикой, относятся, во-первых, глаголы, характеризующиеся дистрибутивной множественностью. Среди них различаются дистрибутивно-суммарные, кумулятивные глаголы и глаголы тотального охвата действия.

Дистрибутивно-суммарное значение выражает постепенный охват действием всех объектов. К таким относятся, в первую очередь, глаголы с приставками *пере-* и *по-*, которые дополнительно к значению достижения результата привносят значение действия, распространяющегося на ряд объектов. Приставка *пере-* присоединяется к переходным глаголам, в том числе глаголам движения и глаголам, подразумевающим внутренний объект (например, *болеть/хворать болезнью, занять долг*), например: *перебить, переделать, переглотать (все или многое), переломать, перенумеровать, перепробовать (все угощения), перебудить, перелечить, перезанять (у всех), перезаразить (всех)* и т. д.

Приставка *по-*, присоединяясь к переходным глаголам, имеет значение охвата действием нескольких объектов или поочередного распространения действия на ряд объектов, например: *повытолкать, повыбить, пооткрывать, повыспрашивать, повытаскивать* и др.

Кроме того, сюда относятся глаголы с приставками *о-*, *об-* и *раз-*⁷⁸. Приставки *о-* и *об-* приносят значение 'распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на много объектов (или на много мест в пределах одного объекта)', например: *обегать (пробежать по многим местам), одарить (всех подарками), опросить (всех), обстирывать (всех), обзванивать (всех), оббегать, облазить (все углы), облететь, объездить, объехать* и др.

Приставка *раз-* приносит значение 'направить в разные стороны, распространить', например: *разбросать/разбрасывать (кусочки), разнимать (дерущихся), разослать/рассылать (гонцов, письма), расклеить/расклеивать (листовки), распространить/распространять (идеи), растаскать/растаскивать (вещи по комнате), растащить/растаскивать (товары)* и др.

При глаголах дистрибутивно-суммарного значения, действительно, предполагается объект во мн. ч. Однако при других группах глаголов, хотя объект также связан с категорией количества, квантитативное значение будет выражаться не через категорию числа, а через квантор всеобщности или Род.п.⁷⁹.

Кумулятивные глаголы обозначают достижение значительного количества результатов путем многократного совершения действия. К кумулятивным относятся глаголы с приставкой *на-*, например: *надергать, закупить, наловить, напилить, напридумывать, нарасказать, нарвать, нарубить, насочинять, настрелять, натаскать, нахватать, нацедить* и мн. др. Тип продуктивен. Квантитативное значение объекта выражается, в первую очередь, через Род.п., который может поддерживаться формой мн.ч. у существительных, имеющих парадигму по числу, особенно при глаголах, которые предполагают получение частей (*напилить, нарубить*) или которые при многократном повторении предполагают накопление объектов (*нарасказать историй, нарвать цветов*).

Близки к ним по значению глаголы тотального охвата действия, обозначающие максимальную степень интенсивности, которая проявляется в воздействии на весь объект. В данном случае категория количества будет связана, в первую очередь, с квантором всеобщности. К глаголам тотального охвата действия относятся глаголы с приставками *вы-*, *из-*, *с-*.

78 Е. Э. Пчелинцева указывает, что deverбаливы от глаголов с приставками *об-* и *раз-* в суммарно-дистрибутивном значении, как правило, сохраняют управление существительными в форме мн. ч. со значением (прямого) объекта (см. подробнее в [Пчелинцева 2012: 66]).

79 См. анализ особенностей употребления формы Род.п. и его соотношение с Вин.п. и количественными группами при русских перфективных глаголах с префиксом *по-* в статье О. Ю. Чуйковой [Чуйкова 2021].

Приставки *вы-* и *из-* приносят значение 'интенсивно и (или) тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом, при этом охват – весь объект', например: *выболеть* (*все хвори*), *выбродить* (*все дороги*), *выглодать* (*все кости*); *исписать* (*все чернила*), *исстрелять* (*все патроны*), *излазить*, *исползать* (*все кусты*), *истратить* (*все запасы*). В семантике глаголов с приставками *из-* и *вы-* присутствует значение 'постепенно, часть за частью'. В результате объект осмысляется как состоящий из частей, и интенсивность проявляется в тотальном охвате всех частей этого объекта⁸⁰. Близка к ним по значению приставка *за-*, которая приносит значение 'покрыть(ся), закрыть(ся) чем-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом часть за частью', и обычно предполагается, что действие покрывает, закрывает весь предмет, полностью: *закапать*, *забрызгать*, *замазать* (всю скатерть), *замостить*, *заплескать* (весь пол), *засеять* (поле целиком), *застроить*, *заасфальтировать*, *забетонировать*, *замазать*, *замаслить*, *запятнать*, *заитукатурировать* и др.

Приставка *с-* может приносить значение 'уничтожить(ся), повредить(ся), израсходовать(ся)': *скормить*, *сносить*, *сглодать*, *сгноить*, *сгрызть*, *сжевать*, *спалить*. Данный тип продуктивный. Для этих глаголов характерно, что объект не определен и выражен кванторным местоимением (*скормить*, *сносить*, *сгрызть* *все*) или сочетанием существительного с кванторным местоимением.

Сходны с этим значением приставки *про-* и *у-*, которые приносят значение 'израсходовать, истратить, утратить что-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом' (многие из них относятся к разговорным): *прогулять*, *проездить*, *проесть*, *проиграть*, *прокутить*, *промотать*, *пропить*, *просадить*, *профинтить*, *профукать* и др.; *убухать*, *угрохать*, *умять*, *уплести* (*весь пирог*), *ухлопать* и т.п. Глаголы с приставкой *у-* разговорные. В некоторых глаголах значение расходования, траты выражается самой мотивирующей основой: *транжирить/протранжирить* *деньги*, *тратить/протратить* *накопления*.

3.1.1.4 Приставка *на-* в значении 'накопление результата' может наводить внешнюю точку зрения и оценку, часто негативную – сделать что-то слишком много, чрезмерно: *натворить*, *наговорить*, *наездить*, *накатать*, *намотать*, *нахвататься*, *наломать*, *накидать*, *набросать*, *напридумывать*, *навыдумывать* и т. п. Негативная оценка появляется тогда, когда объектная валентность заполняется синтаксемой *Род. беспредложный*, образованной местоимениями *весь*

80 Ср. рассуждения Е. Э. Пчелинцевой: «Тотальный способ действия выражает крайнюю степень интенсивности, проявляющуюся в рассредоточенном воздействии на весь субъект или объект. К этому способу действия относятся глаголы с приставками *из-* (*изрисовать*, *исписать*, *изранить*) и *вы-* (*вытоптать*, *выпачкать*). Они образуются от глаголов, в семантической структуре которых присутствуют компоненты «делить что-то на части», «покрывать что-то чем-то по частям», «двигаться по чему-либо часть за частью». Интенсивность действия обуславливается тем, что объектный актант представляется как состоящий из максимального количества своих частей, и это увеличение его составляющих до максимума оценивается как качественное изменение» [Пчелинцева 2016: 182-183].

(всего напридумывали), что (чего ж натворил), такой (такого наговорит), а также собирательными существительными, обозначающими очень большое количество (*масса, уйма, куча*) или количественно-именным словосочетанием с количественным словом *много*. Характерно, что объект подчеркнуто неопределенный при этих глаголах, отсюда и возникает отрицательная оценка.

Негативную оценку, возникающую в результате нежелательной большой длительности и интенсивности действия, выражает также приставка *пере-*: *перегреть* ('слишком сильно нагреть'), *перекормить*, *перенапрячь*, *перенаселить*, *перенасытить*, *переохладить*, *переработать*, *перетренировать*, *переутомить*, *перехвалить* и др. Многие из них имеют видовую пару и возвратную модификацию. Ср. пример из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя:

*На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, **чересчур было передано сахару**; в приемах и оборотах его было что-то, заискивающее расположения и знакомства.*

Здесь количественная оценка выражается многократно: во-первых, наречием *чересчур*, а во-вторых, глаголом с приставкой *пере-*, сочетающимся с вещественным существительным в форме второго Род. п. с окончанием *-у*.

Внешняя точка зрения и оценочность (хотя и необязательно отрицательная) характерны также для примеров с причастиями на *-но*, *-то* от переходных глаголов с количественными приставками. Они могут употребляться с квантором (*весь, все*) или количественно-именным словосочетанием с количественным словом (*сколько, много, мало* с отрицательной частицей *не*), при этом конструкция будет выражать значение большого количества, массы, например:

1. *Возможно, оттого, что место очень изменилось: **все застроено, заселено, загажено, исхожено, измызгано, и усталая душа промолчала.*** [Ю. М. Нагибин. Дневник (1979)]
2. ***Не мало государств** мною **исхожено**, **не мало морей** **переехано**, **много** всяких **народов** очами моими **видано.*** [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874)]
3. *Впервые предоставленные самим себе, без материнской опеки, мужчины «ударилась в разгул». **Сколько было съедено чебуреков, персиков, мороженого! Сколько раз было схожено** в кино, **езжено** на катере!* [И. Грекова. Знакомые люди (1982)]
4. *Да ладно уж, ничего особенного — там давно **все исцарапано, исколото, истерто**, **деревянное сиденье пригородной электрички.*** [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012]

Как видно из примера 3), в такой же функции могут употребляться причастия от непереходных глаголов, при этом будет подчеркиваться повторяемость во времени, с фокусом на большой повторяемости (*сколько раз было схожено в кино*). Кроме того, этот пример и пример 2) показывают, что в данной конструкции с экспрессивным выражением количества

могут употребляться причастия от бесприставочных глаголов (*видано*). Ср. также: *много чего было говорено; Сколько с тобой хожено, говорено, выдумано!*; *сколько песен было спето* и т. п. Такое экспрессивное выражение количественного значения может усиливаться при помощи повтора причастия с приставкой *пере-* с перфектным значением: *говорено-переговорено, ношено-переношено, пето-перепето* и т. п.

В диалектах причастия на *-н*, *-т* в безличных конструкциях употребляются гораздо шире, в литературном же языке основная масса причастий сводится к трем группам, при этом одну из них составляют примеры, где прямой объект выражен Р.п. кумулятивного объекта или дистрибутивной синтаксемой: *бумажек понапихано, на каждую заведено по дневнику*, а вторую – причастия на *-н*, *-т* от непереходных глаголов СВ с «инкорпорированным» объектом типа *натоптано, накурено, наляпано*⁸¹ [Князев 2007: 555-561].

3.1.1.5 Приставка *по-* может усиливать значение других количественных приставок: *понаварить, понакупить, понарасказать, позаставить, пооблазить, поистрелять, поисколоть, попеределать, поперебудить, поперебывать* и т. д. В этих глаголах также экспрессивное выражение количества связано с внешней точкой зрения и соответственно оценочностью. Как правило, такие глаголы употребляются в конструкциях с неопределенным субъектом, будь то неопределенно-личные конструкции или предложения с неконкретным, нереперентным, неопределенным субъектом, а объект при таких глаголах выражается существительными во мн. ч.:

1. *А весь оставшийся народ – неакционеры – понакупит себе пирамид, значит, тоже принесет свои деньги Герою Братееву!* [Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002]
2. [Княгинин Алексей, *nick*] *Там вам понараскажут – уши завянут у Вас!* [коллективный. Форум: Великий всесоюзный голод (г. Харьков — 1933 год) (2012)]
3. *Иномарками дворы позаставили, пройти невозможно, еще и жалуются, пенсии у них маленькие* [Интернет-источник: <https://cont.ws/@sledgehammer/1577045>].

Глаголы с количественными приставками могут требовать при себе множественный субъект и/или объект с квантитативной семантикой, которая может выражаться либо категорией числа, либо Род.п., либо лексически – через квантор всеобщности (в дальнейшем для простоты будем называть весь тип «множественный объект»). В некоторых случаях в одном предложении могут одновременно встречаться и множественный субъект, и множественный объект. Способы заполнения валентности на множественный субъект и на множественный объект будут рассмотрены в пунктах 3.1.2 и 3.1.3 соответственно.

81 Оставшаяся группа – безличные конструкции с причастиями на *-н*, *-т* от переходных глаголов, когда объект не назван, хотя присутствует в ситуации или самоочевиден: *Осторожно, окрашено!*, *Закрыто* [Князев 2007: 558].

3.1.2 Способы заполнения валентности на множественный субъект

Множественный субъект, как и в случае отыменных глаголов (см. §2), может оформляться морфологически – категорией числа (а) – для выражения дискретной множественности, лексически (б) для выражения собирательного и совокупного множества и синтаксически⁸² (в) для выражения дистрибутивного множества:

- (а) 1) *Чтение, конечно, расстроилось, а у нас **поохрипли** голоса.* [А. С. Серафимович. У холодного моря (1909)]
- 2) *К ней приходили за житейской мудростью, и она всех мирила и рассуживала; на даче **перебывали** разные люди вроде ее родного брата, племянницы, невесток...* [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000]
- (б) 1) *Таким образом у Тимофеева **перебывала** уйма народу.* [Давид Самойлов. Общий дневник (1977-1989)]
- 2) ***Перемрет** наша гвардия, тогда хватитесь.* [Б. Л. Пастернак. Начало прозы 1936 года (1936)]
- (в) 1) ***Мачеха и сестры перешептываются** таинственно и зловеще.* [Е. Л. Шварц. Золушка (1946)]
- 2) *Когда я приходил, **Андрей и Петрусь** лукаво **переглядывались**, и кто-нибудь из них начинал рассказывать о злых духах, обитающих в лесах, реках и болотах, добродушно пугал меня...* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]
- 3) ***Женщина с вязанием у подъезда, болтливые дачники, лысый мужик с пакетом и монтер разбрелись** по домам.* [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)]

В примерах (в) значение дистрибутивной множественности выражается, во-первых, однородными подлежащими, и во-вторых, предикат представляет собой взаимный глагол, реципрок (в примере 3) – взаимный глагол с приставкой *раз-* и постфиксом *-ся* в сочетании с дистрибутивной синтаксемой *по+Дат.*, а в 1) и 2) употребляются т. н. мультипликативно-взаимные глаголы). Еще одно важное свойство предиката в этих примерах: реципрокальность подразумевает и неединичность самого действия (мультипликативность или дистрибутивность)⁸³.

82 Множественный субъект может выражаться при помощи синтаксических средств – однородные подлежащие, сочетание синтаксем; такой субъект еще называют суммарным (см. [Link 1983]).

83 В русском языке взаимные глаголы неоднородны. Ю. П. Князев в словообразовательном отношении подразделяет их на следующие группы [Князев 2007: 321]: 1) «необратимые» рефлексивные глаголы *бороться, драться, соглашаться*, которые не употребляются без *-ся* или не соотносятся с нерефлексивными глаголами по смыслу, их еще называют лексически-взаимными (см. [Янко-Триницкая 1962: 190]) или лексическими реципроками (см. [Недялков 1991: 277-278]); 2) глаголы типа *ссориться, мириться*, обозначающих действие субъектов, направленное на изменение собственного состояния; 3) взаимно-возвратные глаголы типа *целоваться, обниматься*; 4) мультипликативно-взаимные типа *перезваниваться*; 5) префиксально-постфиксальные типа *съехаться, разлететься, сговориться*. Значение взаимности может выражаться, кроме глагольного способа, еще сочетанием *между собой, один другого* и взаимным местоимением *друг друга*, словами с приставкой *со-* типа *совозможный*, а также прилагательным *взаимный* и образуемые с его участием сложные слова типа *взаимопомощь*. Подробнее см. [Князев 2007: 316-358].

При взаимных глаголах множественный субъект может оформляться не только однородными подлежащими, но и сочетанием именной синтаксемы *Им.п.* с синтаксемой *с + Твор.*, а также количественно-именным словосочетанием (г):

- (г) 1) *Прошла минута, две, пять, Розанов с Лизою перешепнулись и послали Помаду нанять первый экипаж...* [Н. С. Лесков. Некуда (1864)]
- 2) *При этом отец с сыном перемигивались, толкались и хрипло ржали, словно простуженные кони.* [Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри (2002)]
- 3) *Два примуса ревели на плите, возле них стояли две женщины с ложками в руках и переругивались.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]
- 4) *Мы с ребятами разошлись после трех с половиной лет бесконечного турне, месяц отдохнули, а потом снова собрались вместе.* [«Papa Roach» застревает в мозгу (2004) // «Твой курс» (приложение к «Аргументам и фактам»), 2004.11.10]
- 5) *Гребцы с девушками разбрелись по лесу, оставив лодки сиротливо стоять у берега.* [Юрий Елагин. Укрощение искусств (1952)]

В этих примерах, как и в случае отыменных глаголов, субъект, выраженный синтаксемой *с + Твор.*, указывает на лицо, соучаствующее в роли субъекта действия. Сочетание данных синтаксем нацелено на выражение совокупной множественности и коррелирует с субъектом, выраженным именем во множественном числе⁸⁴.

Значение множественного субъекта может выражаться семантически — семантикой единственного числа. Речь идет о примерах, когда единственное число существительного отражает не реальное положение дел, а имеет дополнительное значение — единственное «экземплифицирующее (партикуляризирующее)» или единственное «собирательное» («обобщенно-собирательное»). На поверхностном уровне валентность будет заполняться синтаксемой *Им.п. ед.ч.* со значением собирательной множественности (б):

- (б) 1) *Таким образом наперстянка легко «разбредается» по всему саду. Расти и цвести это растение может даже в тенистых уголках сада.* [обобщенный. Садоводу — на заметку. Рефераты // «Наука и жизнь», 2007]
- 2) *«Над пропастью во ржи», самая известная книга Джерома Дэвида Сэлинджера, разошлась по миру суммарным тиражом более 60 млн экземпляров и практически стала библией второй половины XX — начала XXI века.* [Константин Мильчин. Десять заповедей Холдена Колфилда. По каким законам мы живем с 1951 года // «Русский репортер», № 4 (132), 4-11 февраля 2010, 2010]

⁸⁴ Примечательно, что возможны два варианта употребления: *я переглядывался с ней vs мы с ней переглядывались*. Согласно данным «Национального корпуса русского языка», второй вариант частотнее: 4 примера против 11 для глагола *переглядываться*. (Дата обращения: 12.04.2018).

Во втором примере значение множественности заключается в слове *тираж*, т. е. речь идет о том, что разошелся тираж книги.

Итак, множественный субъект может выражаться: 1) числом (мн. или ед. в значении множественного); 2) рядом однородных компонентов; 3) сочетанием синтаксем *Имен.* и *с+Твор.* Рассмотрим глаголы *разъехаться* и *переговариваться*. Согласно данным НКРЯ, выявляется следующая частотность для первых трехсот примеров из более тысячи вхождений⁸⁵:

	число		Однородн.комп.	сочетание синтаксем
	ед. ч.	мн. ч.		
<i>разъехаться</i>	13	274	8	5
<i>переговариватьс я</i>	9	239	14	38

Как видно из таблицы, наиболее продуктивный способ для обоих глаголов – множественное число. Для глагола *переговариваться* примеры с другими вариантами выражения множественного субъекта более частотны по сравнению с глаголом *разъехаться*. Связано это со значением приставок: *пере-* + *ся* обозначает взаимонаправленное действие субъекта и адресата (поэтому почти в восемь раз больше примеров с сочетанием синтаксем для глагола *переговариваться*, чем для *разъехаться*), а *раз* + *ся* – действие, направленное или распространенное в разные стороны, поэтому в обозначении адресата или выделении другого участника нет необходимости.

3.1.3 Способы заполнения валентности на множественный объект

Множественный объект может быть представлен Вин.п. существительного во множ.числе (а) и существительного собирательного в ед.числе (б), а также Род.п. (с).

На поверхностном уровне валентность на множественный дискретный объект (а) будет выражаться категорией числа и может заполняться синтаксемой *Вин. беспредложный* существительного мн. ч.: *излазить все кусты на даче, обшить всех членов семьи, облететь все страны, перебрать (все тетради), проглотить (все или многое), перелопатить (статьи), перепробовать (все угощения), перебудить, перелечить, перезаразить, перессорить (всех), повытолкать, повыбить, пооткрывать, повыспрашивать, повытаскивать всех, все порубить, покидать, покусать, поснимать, поделать, пошить, повыкидывать, повытаскивать* и др.

(а) 1) *С тех пор жизнь у Лелика стала гораздо интереснее — он перепробовал разные чипсы, узнал вкус пива и джинна-тоники.* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]

2) *Пооткрывали краны, водка течет и на улицу.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

⁸⁵ Дата обращения 17.04.2019.

- 3) – *Я хотел стащить, но за ужином так **объелся плюшками**, что у меня разболелся живот.* [Валентин Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина на «Дрындолете» (1997)]
- 4) *Не только мы, многие думали, что Брежнев не умер, а только **надышался ядовитыми испарениями** нелюдей, погрузился в летаргический сон и спящим похоронен в кремлевской стене, тверже которой ничего нет.* [Михаил Елизаров. Pasternak (2003)]

В сочетании с постфиксом *-ся* количественные приставки приносят значение совершения действия в достаточной степени или избытке (интенсивно или долго), чтобы «дойти до состояния удовлетворения или пресыщения» [РГ 1980: 600-601], в этом случае валентность будет заполняться связанной синтаксемой *Твор. беспредложный* объектно-количественного значения, образованной существительным в мн. ч.: *наестся / объестся пельменями, надышаться / обнюхаться парами, объедаться котлетами / сосисками*, а также связанной синтаксемой *Род. беспредложный* с объектно-количественным значением: *наелись пельменей, в вагонах наберешься вшей, надышались холодного воздуха, муж – объелся груш*. При этом с синтаксемой *Твор. беспредложный* могут употребляться как глаголы СВ, так и НСВ, а с *Род. беспредложный*, как правило, СВ (СоСоСо⁸⁶ не дал примеров на НСВ).

Синтаксические валентности на поверхностном представлении могут не соответствовать семантическим. Глаголы *валить, сыпать, ставить, бросать, кидать* имеют валентность на объект, которая заполняется синтаксемой *Вин. беспредложный*, а также локативную валентность, которая заполняется синтаксемой *в+Вин.*. Однако у производных от этих глаголов *завалить, засыпать, загромоздить, заставить, усыпать* на поверхностном представлении происходит перераспределение валентностей: валентность на объект заполняет актант от бывшей локативной валентности, а бывший объектный актант заполняет валентность на инструмент (на поверхностном уровне это именная синтаксема *Твор. беспредложный*, при глаголах с количественными приставками – объектно-количественного значения): *завалить досками/письмами, засыпать обломками, загромоздить коробками/горшками, заставить ящиками/книгами, усыпать цветами/иголками*. Таким образом, хотя на поверхностном уровне это валентность на инструмент, в глубинном представлении – это валентность на объект:

- (а) 1) *Красивейшие девушки города в белых, воздушных одеждах **усыпали розами** триумфальный путь короля.* [Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца (1912)]
- 2) *А у нас своя забота: опасность, что **завалит обломками** фарватер.* [В. Б. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923)]
- 3) *Меня **засыпали поздравлениями** и любезностями, улыбками и*

⁸⁶ Дата обращения 25.05.2020.

рукопожатиями. [А. В. Никитенко. Дневник. Том 1 (1826-1855)]

- 4) *Огромный квадрат двора администрация заставила палатками, шалашами, юртами, чем-то вроде харчевок*. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)].

Обращает на себя внимание тот факт, при глаголах *закидать*, *забросать*, *завалить*, *засыпать* Творит. беспредложный, образованный существительными, которые связаны с речевыми и ментальными действиями людей (*вопрос*, *запрос*, *документ*, *письмо*, *приветствие*, *угроза*, *цифра*, *факт*), представлен существительными во множ. числе:

- *Мужчина приблизился и забросал Лору ничего не значащими вопросами о гидромассаже и гидромассажной кнопке: где она, как включается?* [Кира Сурикова. Эти дети смеялись как сумасшедшие (2003)]
- *Мне тоже казалось, что сайт православный и правмир мне всю почту забросал ссылками на этот “православный ресурс”...* [коллективный. Форум: Мир, в котором девушки не хотят замуж. Обсуждение статьи (2012)].

Четыре глагола (*закидать*, *забросать*, *завалить*, *засыпать*) в соединении с Творит. множ. числа по частотности образуют шкалу (НКРЯ, за посл. 40 лет⁸⁷):

	Твор. падеж мн. число
<i>Завалить</i>	845
<i>Засыпать</i>	370
<i>Забросать</i>	148
<i>Закидать</i>	103

Ср. также употребление бесприставочного глагола *сыпать* с Тв.беспредл. для обозначения ментально-речевых действий человека (*сыпать* + Твор.мн. – 227 вхожд.):

- *Не вдаваясь в публицистику, Визенталь сыпал цифрами и датами...* [Михаил Карпов. Список Визенталя // «Совершенно секретно», 2003.05.05]
- *«А если кандидат признается, что начал курить еще в школе, то его уже не утвердят?» – сыпал риторическими вопросами вице-спикер Владимир Жириновский.* [Александр Садчиков. Разведенный и курящий. Судьи станут здоровыми, а адвокаты – свободными // «Известия», 2001.06.28]
- *Он сыпал каламбурами, анекдотами, корчил такие рожи, что Юрка уже не спускал с него глаз.* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]

Г. А. Золотова в «Синтаксическом словаре» также указывает, что связанная синтаксема Твор. беспредложный с объектно-количественным значением употребляется 1) при глаголах *полниться*, *наполняться* и при глаголах с приставками, привносящими количественный оттенок

⁸⁷ Дата обращения 12.06.21.

полноты, и 2) при прилагательном *полный* в предикатах или атрибутах и в полупредикативной позиции, а также *беден* и *богат* [Золотова (1988) 2001: 244-245]. Там же она указывает, что данная синтаксема коррелирует с В.п. объекта без количественного оттенка. При этом Г. А. Золотова ничего не пишет о статусе категории числа существительного в синтаксеме.

Согласно данным НКРЯ⁸⁸, из 1553 примеров в 75% случаях будет существительное во мн.числе. В остальных случаях синтаксема выражается либо вещественным существительным (*снег, вода, штукатурка* и т.п.), либо собирательным существительным (*хлам, листва, ворох, одежда* и т.п.), в котором множественность выражена лексически, однако есть несколько примеров на количественно-именное словосочетание (например: *Но и тут он не усидел, – и, когда, вдруг, ни с того ни сего, вагон **наполнился оравой школьников, десятью старухами, пятьюдесятью толстяками, Лужин продолжал двигаться, наступая на чужие ноги, и потом протиснулся к площадке.*** [В. В. Набоков. Защита Лужина (1929-1930)]). Таким образом, значение ‘множество’ обязательно для данной синтаксемы, и оно, как правило, будет выражаться существительным во мн. ч.

Валентность на объект, представляющий собой некую совокупность (b), может заполняться теми же синтаксемами, что и валентность на множественный дискретный объект, но они будут выражены либо вещественными существительными, либо собирательными, соответственно, валентность на множественный объект будет выражаться лексически:

- (b) 1) *Мы все в последнее время обзавелись чем-то заносчиво-неприятным в обращении, но при всем том в глубине душ наших пребывает более чем когда-либо добрых чувств, несмотря на то, что мы **загромождали их всяким хламом** и даже просто заплевали их сами.* [Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843-1847)]
- 2) *Многие поклоняются богу лишь из желания грядущего блага. А отнимите это обещание блага, и они готовно отвернутся от бога, **забросают его камнем.*** [Владимир Личутин. Любостай (1987)]

Глаголы, имеющие несколько приставок с количественным значением (*понакупить, понарасказать, позаставить, поистрелять, попеределать, поперебудить* и т. д.), имеют валентность на множественный объект, представляющий собой массу, огромное множество, совокупность, поскольку практически получается количество, умноженное на количество. Эта валентность будет заполняться синтаксемой *Род. беспредложный* с количественной характеристикой, образованной существительным в мн.ч. При глаголах без количественных приставок объект будет выражаться существительными в В.п. мн.ч. При наличии хотя бы одной, а тем более двух количественных приставок глагольная множественность должна

⁸⁸ Дата обращения 15.03.2018.

поддерживаться не только категорией числа, но и падежа существительного, чтобы подчеркнуть значение огромного множества, массы:

- (b) 1) – *А я-то думаю, почему по улицам не пройти, **понаставили барьеров и заборов!*** [Марианна Баконина. Школа двойников (2000)]
- 2) – *Что с тобой, Юра? — Да вот, **понаставили** всюду **капканов**... Люба подумала, что Деточкин бредит.* [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Берегись автомобиля (1966)]
- 3) *В поисках оптимизации расходов эстонцы стали создавать «квартирные товарищества», **понакупили** всевозможных **счетчиков** и стали заключать договора напрямую с частными производителями услуг ЖКХ.* [Ринат Сагдиев. От Москвы до Таллина уже далеко. В Эстонии на реформу ЖКХ ушло девять лет (2002) // «Известия», 2002.03.01]

На поверхностном уровне валентность на объект, представляющий собой часть/части целого множества (с), может заполняться именной синтаксемой *Род. количественный (беспредложный)*, образованной именами предметными, вещественными, реже — отвлеченными с объектно-количественным значением. Данная синтаксема будет употребляться при переходных глаголах (*купить книг, принести яблок, выпить чаю*) или возвратных с количественной приставкой (*напиться чаю, наестся грибов; нахвататься чужих слов*). Здесь сема 'количество' будет заключаться только в именной синтаксеме. В случае же предикатов с приставкой *на-* наблюдается рекуррентность сем — количественная глагольная приставка и количественная именная синтаксема: *нарвать цветов, напилить дров, накупить конфет, натаскать воды*.

- (c) 1) *И деда с бабкой не забывает: воды натаскает, **дров напилит**, молока отнесет, даже полы помоеет.* [Письма о наболевшем (2003) // «Сельская новь», 2003.09.16]
- 2) *Первый раз пришел из любопытства, **принес конфет** детям.* [Александр Иличевский. Перс (2009)]
- 3) *Следующий день, воскресенье, я провел с Ефимом и Наташей: ходил на базар, **купили помидоров, огурцов, клубники**, запаковали в ящики, чтобы не помялись в дороге, — хотелось снабдить ребят витаминами, ничего этого в своем Харькове они не имеют.* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]
- 4) *Я потом посижу под деревом, а вы мне **нарвете черешен**.* [П. И. Дубровин. Аннет (1950)]
- 5) *Дома коллективно сжарили яичницу из 6 яиц, **напились** сладкого **чаю** с булкой и маслом, и — увы!* [Эмма Герштейн. Мандельштам в Воронеже (по письмам С.Б.Рудакова) (1985-2002)]

Во всех этих случаях именная синтаксема независимо от того, выражена она предметным или вещественным существительным, означает какую-то часть из множества, а не

все множество в целом. Ср.: *купить книги, принести яблоки, рвать цветы, пилить дрова, пить чай.*

Итак, часть из рассмотренных глаголов может сочетаться с разными количественными синтаксемами (*Вин. беспредложный* и *Род. беспредложный*). По данным СоСоСо⁸⁹, наиболее употребительны глаголы *выкупить, купить, нарвать, накупить, принести*, при этом при них частотны следующие существительные: *выкупить задолженность, именьице, помещение; купить билет, бутылку, билеты, квартиру, машину, имение, газету, цветы, краску, книжку, велосипед, материал.*

Согласно данным НКРЯ за последние 40 лет⁹⁰, выявляются следующие показатели (представлены только те глаголы, для которых было найдено хотя бы по одному примеру):

	<i>Вин. ед.</i>	<i>Вин. мн.</i>	<i>Род. ед.</i>	<i>Род. мн.</i>
<i>Выпить</i>	810	-	353/116 ⁹¹	3
<i>Купить</i>	2034	617	428/37	82 (с отр. – 6)
<i>Накупить</i>	12 (соб.)	1	26/2	43
<i>Нарвать</i>	8 (букет – сам.част.)	4	7/1	14
<i>Перепробовать</i>	13 (собирает. и веществ.)	6	-	3
<i>Понакупить</i>	2 (соб.)	-	1/-	-
<i>Понаставить</i>	-	5	-	11
<i>Принести</i>	1909	750	373 (большая часть в отр.констр. – 333)/10	35 (с отр. – 28)

Как видно из статистики, наиболее употребительные глаголы – *выпить, купить, принести*, наименее употребительные глаголы – те, у которых несколько количественных приставок⁹². Что касается сочетания глаголов, в семантику которых входит сема ‘количество’, с синтаксемой *Вин. беспредложный*, то здесь будут преобладать сочетания со словами, обозначающими количественность или меру: для *Вин. ед.* – это собирательные существительные (*куча, множество, уйма, тьма, ряд, масса*), для *Вин. мн.* – исчисляемые существительные во множественном числе (*остатки/рюмки/бутылки вина, коробки/груды барахла*). Что касается синтаксемы *Род. беспредложный*, для *Род. мн.* характерно то же, что и для *Вин. мн.*, а также примеры для выражения неопределенного количества (*банок пять, коробок десять, рюмок восемь*), а для *Род. ед.* – неисчисляемые существительные (*шиповник*,

89 Дата обращения 31.10.2016.

90 Дата обращения 22.05.2021.

91 Первая цифра для обычной формы Р.п., вторая – только для второго Р.п.

92 Исследование по корпусу показало, что часть глаголов с несколькими количественными приставками в корпусе пока вообще не зафиксирована, например, *понарассказать, поперебудить, попеределать* (Дата обращения 05.05.2016).

травы, крапива, вода, чай, цвет) или же контекст с отрицательной частицей *не*, в котором винительный меняется на родительный.

Е. Н. Сорокина [Сорокина 2009] рассмотрела функционирование предложений с глаголами кумулятивного и сативного способов действия и именем в форме Р.п. в роли прямого объекта в художественной, публицистической и устной речи. В словарях данные глаголы часто имеют помету *разг.* и указание на варьирование в управлении В.п./ Р.п. Е. Н. Сорокина проанализировала более 7 000 примеров, извлеченных из НКРЯ, и пришла к выводу, что относительно высокой частотностью во всех типах текстов обладают:

- 1) глаголы перемещения и каузации местонахождения: *натаскать, наносить, насыпать, напустить, навалить, набросать, навести, наловить,*
- 2) речевой деятельности *наговорить,*
- 3) созидательной деятельности: *натворить, настроить, навязать,*
- 4) глаголы приобщения: *накопить, нажать, закупить,*
- 5) физиологического действия: *наестся, напиться, наглотаться, нанюхаться, нахлебаться,*
- 6) интеллектуального восприятия: *наслушаться, посмотреься, нахвататься.*

При этом частотность употребления глаголов кумулятивного и сативного способов в устном корпусе в несколько раз ниже, чем в подкорпусах художественных и нехудожественных текстов. Таким образом, варьирование в управлении В.п./Р.п. не имеет стилистических ограничений в сфере функционирования и представляет собой системное языковое явление.

При глаголе *повыбить* число существительного может различать значение приставки и развести два значения глагола. *Повыбить*, по толково-словообразовательному словарю Т. Ф. Ефремовой, значит выбить все или многое, т. е. действие, распространенное на ряд объектов: *повыбить перинки, зубы, стекла, окна*. Второе значение этого глагола, согласно словарю Т. Ф. Ефремовой, – выбить в какой-либо степени, другими словами, ударяя очистить: *повыбить перинку, диван, ковер* (очистить от пыли). Данное значение используется также в метафорическом употреблении применительно к людям. Для этого значения характерны сочетания с существительными *sg-tantum*:

- 1) *Надеюсь, в мореходке основательно **повыбили** из вас **байронизм**?* [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)]
- 2) *Из тебя бы в солдатах **дурь-то повыбили бы**, а он-то дома пятерых таких, как ты, стоил.* [Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат (1896)]

В первом примере действие (*повыбили*) направлено на многих, что в предложении выражено лексически (*из вас*, т. е. из вас многих), а во втором – действие исходит от многих

субъектов, но направлено на одного (другими словами: многие бы повыбили дурь из тебя). Во втором случае также есть значение продолжительности воздействия.

Сходное значение есть у глаголов *пообтесать*, *пооболванить*, *пообокрасть*. Приставка *по-* привносит значение 'воздействие в какой-то степени', при этом направленное от многих: *Одно осталось: пообтесать как-нибудь этого болвана да пристроить куда-нибудь в глухую провинцию на службу.* [А. Ф. Кошко. Очерки уголовного мира царской России. 1 (1926)]; *Пообокрали его, да спасибо немного нашли* (пример из толкового словаря Даля).

Таким образом, анализ показал, что разное значение глагола (дистрибутив или результатив), а также и СВ, обуславливается выбором того или иного числа существительного. Именно число будет грамматическим показателем разных значений одного глагола, поскольку сама глагольная основа не содержит в себе какого-либо указания на это.

3.2 Глаголы с приставкой *с-* со значением каузации соединения и количественные синтаксемы

3.2.1 Глаголы со значением каузации относятся к подклассу из семантического класса релятивных предикатов, требующих восполнения в определенном смысле (тип *С*), они характеризуются лексической функцией каузации соединения целого из частей и предполагают сочетание со свободной партитивной синтаксемой *из + Род.* (тип *а*), т.е. образуют синтаксическое сочетание типа $C \leftrightarrow a$ (глагол релятивной семантики требует восполнения в определенном смысле и взаимодействует со свободной формой). К таким предикатам относятся глаголы с приставкой *с-*: *складывать*, *собирать*, *слагать*, *составлять*. Согласно данным НКРЯ, партитивная синтаксема *из + Род.* должна быть выражена либо существительным во мн.ч., либо количественно-именным словосочетанием с количественным словом (*несколько*, *много*):

- 1) *Событие сложено из многих мгновений, но не по результату смотрим, а по проявлению качеств твоих в каждый момент.* [Интернет-ресурс, URL: <http://forum.i-am-you.ru/index.php/topic/1519-круг-сансары/>⁹³]
- 2) *Нет к этому дарования, вдобавок я считаю своего рода дерзостью, если автор, а так поступают многие, слагает из нескольких своих соображений эссе...* [Интернет-ресурс, URL: http://www.libtxt.ru/chitat/gesse_german/55897-magiya_knigi/26.html⁹⁴]
- 3) *Одна радость и даже страсть Жданова были песни; особенно некоторые он очень любил и всегда собирал кружок песенников из молодых солдат и, хотя сам не умел петь, стоял с ними и, заложив руки в карманы полушубка и зажмурившись, движениями*

93 Дата обращения 25.04.2016.

94 Дата обращения 24.04.2016.

головой и skull выражал свое сочувствие. [Л. Н. Толстой. Рубка леса. Рассказ юнкера (1855)]

Согласно данным НКРЯ за последние 40 лет⁹⁵, выявляются следующие показатели (для глаголов в индикативе):

	из + Род.ед.	из + Род.мн.	по + Дат.ед.	по + Дат.мн.
<i>складывать</i>	1	10	-	2
<i>собирать</i>	3	19	16	57
<i>слагать</i>	1	3	-	1
<i>составлять</i>	-	6	-	2

Как видно из таблицы, самый частотный глагол – *собирать*, а самая частотная синтаксема – *из + Род.*, заполненная существительным во мн.ч. Только с глаголом *собирать* употребляется синтаксема *по+Дат.* (тип *b*). Для синтаксем *по+Дат.ед.* в корпусе было найдено 16 примеров (*по зернышку, по кирпичику, по колоску* и т.д.). Для *по + Дат. мн.* примеров больше и возможны другие глаголы (*составлять по докладам, слагать по частям, складывать по крупицам*), хотя большая часть из них для глагола *собирать*:

- 1) *Другая— поэтический моноспектакль по новой книге стихов Анны Макагон «Я счастье собираю по осколкам».* [Поклонники приходят и уходят, роли остаются (2002) // «Культура», 2002.03.25]
- 2) *Он собирал по крупицам события его биографии, все мифы о нем и искры правдивости.* [Александр Иличевский. Перс (2009)]
- 3) *Материал этот я кропотливо собирала по крохам в течение двадцати лет жизни за пределами России и просуммировала его, руководствуясь пушкинским «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей».* [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975-2003)]

Дистрибутивная синтаксема в данных примерах выражает значение составления разрушенного целого из частей⁹⁶, и при отсутствии показателя второго множественного (характерного для дистрибутивной конструкции) синтаксема *по+Дат.мн.* в этих примерах синонимична партитивной синтаксеме *из+Род.*, таким образом, *по+Дат.* приобретает дистрибутивно-партитивное значение.

В примерах ниже дистрибутивное значение сохраняется и поддерживается вторым множественным (*с проезжающих, с нас*):

95 Дата обращения 30.05.2021.

96 Ср. для другого значения глагола *составлять* – составлять текст, содержащий совокупность определенных сведений: каждый день он составлял донос – каждый день составлял по доносу: *Он каждый день составлял по доносу на своих врагов: Вершину, Рутиловых, Володина, сослуживцев, которые, казалось ему, метили на то же самое место.* [Ф. К. Сологуб. Мелкий бес (1902)]. В этом примере речь идет о повторяемости ситуации во времени.

- *Федор собирал по рублю с проезжающих по сломанному мосту за то, что удерживал мост на своих могучих плечах.* [Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)]
- *Еще помнил, как в Одессе в ремесленной школе кто-то собирал с нас по гривеннику на общество защиты животных и вручал значок – птичку, а потом оказалось, что деньги собирались на какое-то революционное дело.* [Рейнов Н., Володин Б. Воспоминания // «Химия и жизнь», 1970]

Существуют также пословицы типа *собирать с бора по сосенке, с мира/миру по нитке*. В данном случае подразумевается *с каждого бора, с каждого в миру* (под миром на Руси подразумевали в первую очередь сельскую общину).

По данным СоСоСо⁹⁷, эти глаголы малоупотребительны и сочетаются с следующими существительными: *складывать из пальчиков, камня, камней; собирать из полосочек, полосок, собирать по кусочкам, осколкам*; для глаголов *слагать* и *составлять* нет примеров.

Итак, анализ показал, что подобные глаголы в сочетании с обусловленной синтаксемой *по+Дат.* (тип *b*) образуют синтаксическое отношение типа $C \leftrightarrow \rightarrow b$ (т. е. глагол релятивной семантики, требующий восполнения в определенном смысле, взаимодействует с обусловленной синтаксемой).

3.2.2 Приставка *с-* может также модифицировать основное значение производящего слова и привносить значение ‘доставить из разных мест в одно, соединить с помощью названного действия’: *сгрести, сдвинуть, склеить, скооперировать, согнать, созвать, спаять, сплести, схлестнуть*. Эти глаголы относятся к типу *B* (релятивной семантики, требующие восполнения смысла в определенной форме). Данные глаголы употребляются с обусловленной синтаксемой *в + Вин* (тип *b*), обозначающей результат каузации соединения.

- 1) *Потом Гришка с Костиком вышли в сад, сгрести в кучу сухие прошлогодние листья и разожгли костер.* [М. С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)]
- 2) *Звучная рифма намертво спаяла их в одно целое.* [Леонид Юзефович. Казароза (2002)]
- 3) *Захватить в свои руки деревню при помощи коллективизации, согнав крестьян в колхозы?* [Б. Г. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина (1980)]
- 4) *Разумеется, такие тончайшие стеклянные ниточки как бы сплетены в «жгуты» — по 3000 волоконце.* [обобщенный. Новости // «Химия и жизнь», 1970]

Как видно из примеров, объекты объединения в целое тоже выражены существительными во мн.ч. (*листья, их, крестьян*). В примере 4) перераспределение валентности на поверхностном уровне, но на глубинном это объект действия – *ниточки сплетены*. Интересно

97 Дата обращения 01.11.2018.

также, что с глаголом *сплести* употребляется существительное определенной формы (*сплести нити в жгуты, в кресты*).

Согласно данным НКРЯ⁹⁸, частотнее (примерно в 80% случаев) синтаксема *в + Вин* будет выражена собирательным существительным в ед.ч. (*куча, груды, целое, строй, шеренга*). Кроме того, данные собирательные существительные могут быть во мн.ч., что отражает реальное положение дел (*куч, шеренг может быть несколько*). При этом синтаксема может быть образована существительным во мн.ч., особенно в случае причастных форм (см. пример 4).

Для конструкций с такими синтаксемами и глаголами характерно: 1) для обозначения частей – по большей части обязательно мн.ч., 2) для обозначения целого – ед.ч., поскольку речь идет о каузации соединения целого из частей.

3.3 Глаголы с приставками *раз-* и *из-* со значением каузации разделения и количественные синтаксемы

При глаголах, обозначающих разделение предмета на части или уничтожение, принесенное приставками *раз-* и *из-* (тип *С* – релятивной семантики, требующие восполнения определенного смысла), валентность на результат будет заполняться обусловленной синтаксемой *в+Вин.* существительного во множественном числе (тип *b*):

- 1) *Я изорвал в клочки письма глупой собачонки.* [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего (1835)]
- 2) *Однажды отец поймал его в саду за игрой, вырвал из рук его инструмент и разбил в щепки о голову мальчика, несмотря на отчаянный крик: «Бей меня сколько хочешь, отец, но пощади скрипку!»* [Петр Алешковский. Седьмой чемоданчик (1997-1998)]
- 3) *Ветки на деревьях вздрагивали, когда роняли снег, который вдруг рассыпался в брызги.* [Юрий Петкевич. Явление ангела (2001)]

Согласно данным CoCoCo⁹⁹, данные глаголы не частотны и употребляются с следующими существительными: *изорвать в клочки; рассыпаться в куски*.

При глаголах с приставкой *раз-*, обозначающих разделение, синтаксема *на+Вин.*, называющая части целого, обозначает результат каузации:

- 1) *Правительственные учреждения рассыпаются на кружки, сановники вешиваются в ряды своей сословной братии...* [В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 66-75. (1904)]

98 Дата обращения 15.03.2018.

99 Дата обращения 02.11.2016.

- 2) *Вместе с производителями образуют вроде как секту, **разделяются на касты**, а главное — узок их круг и страшно далеки они от литературы.* [С. Гедройц. С. Витицкий. Бессильные мира сего. Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. К. И. Чуковский. Стихотворения // «Звезда», 2003]
- 3) *Члены этих союзов, по степени доверия к ним его членов, **разделялись на братьев, мужей и бояр**.* [Н.Э. Гейнце. Аракчеев (1898)]
- 4) *Что-то врезалось в край частокола, **разлетелось на куски**, острый осколок впился мне в щеку.* [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)]

По данным СоСоСо¹⁰⁰, данные глаголы сочетается с следующими существительными: *рассыпаться на части, сотни, дуэты; разделяться на манеры; разлететься на части.*

При данных глаголах валентность на результат может также заполняться синтаксемой *в+Вин.*, образованной существительным в единственном числе, но в этом случае это будут, как правило, вещественные существительные, для которых нерелевантно противопоставление по числу, таким образом, 'множество' будет выражаться лексически:

- 1) *Это был реабилитационный полет Черевичного: весной он **разбил в дым** «Пе-8»: сразу сдохли два мотора на одном крыле, и он, на колесах, садился в тундре, разнес все, чудом уцелели люди.* [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1943-1946)]
- 2) *Удивительно, как генерал Грипенберг не **разбил в пух** наши обходные отряды и не принудил Козачковского к отступлению при первой встрече!* [Ф. В. Булгарин. Воспоминания (1846-1849)]

Эти примеры содержат регулярный сдвиг в референции – т. н. «универсальная молотилка» (см. [Lewis 1975], [Pelletier 1975], [Татевосов 2010]). С. Г. Татевосов так описывает это правило: «исчисляемая именная группа, обозначающая индивид, начинает обозначать образующую его неисчисляемую совокупность» [Татевосов 2010: 106]. Согласно данным СоСоСо¹⁰¹, эти глаголы встречаются с следующими существительными: *разбить в кровь; рассыпаться в прах.* Однако выражение *разбить в кровь* отличается от схожих выражений тем, что изначальный объект не превращается в кровь, тем не менее оно было образовано, с одной стороны, по аналогии, а с другой – становится видна только кровь.

¹⁰⁰ Дата обращения 02.11.2016.

¹⁰¹ Дата обращения 02.11.2016.

3.4 Роль числа существительного в различении значений приставки *пере-* и вид глагола

Особого внимания требует приставка *пере-*: у этой приставки, кроме тех значений, что были рассмотрены выше (действие, исходящие от многих субъектов, и значение полноты, накопления, достижения некоего результата или уничтожение действием, при этом охват действия – ряд объектов), выделяется также ряд значений, когда она в самом широком смысле обозначает повторение действия, направленного на определенный, известный слушающему предмет: 1) рефактивное значение, т. е. повторение некоторой предшествующей ситуации¹⁰²; 2) повторение с улучшением результата, т. н. реконструктив; 3) выполнение действия заново.

Если субъект повторного действия совпадает с субъектом первого действия (один и тот же субъект выполнил дважды (или несколько) раз одно и то же действие с одним и тем же объектом), значение у приставки *пере-* следующее: повторение либо всей ситуации (итеративная множественность), либо отдельных компонентов ситуации (мультипликативная множественность): *пересмотрел книгу – пересмотрел книги*. В первом примере *пересмотрел книгу* значение глагола – 'посмотрел во второй раз', во втором же *пересмотрел книги* — 'просмотрел много книг'.

Во втором значении – 'просмотрел много книг' – подразумевается некий результат, поэтому нормально употребление глагола в совершенном виде, а мн.ч. существительного выражает неопределенное множество:

- 1) *Полиция Муссолини пересмотрела книги и газеты, изъяла рукописи и переписку*» [Н. Н. Берберова. Железная женщина (1978-1980)].
- 2) *Затем я пересмотрел тысячи людей, тысячи сердец, разъезжая и разыскивая по многим местам*. [А. С. Грин. Сердце пустыни (1923)]

В первом значении – 'посмотрел во второй раз' – предикат нормально существует в обоих видах — *пересмотрел / пересматривал книгу*.

- 1) *В общем, пересмотрел сейчас первый фильм на языке оригинала – столько лет прошло, а радуется невероятно*. [коллективный. Форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008-2010)]
- 2) *Фильм о том, что у каждого должна быть мечта или Добрая сказка про нашу жизнь... Пересматривала эту комедию не раз и не два*. [коллективный. Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008-2011)]

При таком значении глагола возможно также употребление существительного во мн.ч., но множественность должна быть ограничена: *пересмотрел статьи Виноградова*.

- 1) - *Олег Иванович, накануне нашей встречи я пересмотрела фильмы Тарковского, в том числе и "Ностальгию" с вашим участием, и отчетливо поняла, какой глубокий*

¹⁰² Это значение привлекало внимание многих исследований, см., в частности, работы [Sekaninová 1963], [РГ 1980], [Flier 1985], [Janda 1986], [Мусинова 2005], [Стойнова 2012, 2013] и др.

сакральный смысл заложен в них. [К НЕМУ ПРИЛЕТАЛИ АНГЕЛЫ // Труд-7, 2007.04.04]

- 2) *Если говорить о туфлях, то пересмотрите фильмы с участием Мэрилин Монро: в моде такие.* [Ермакова Мария. ЭТОЙ ВЕСНОЙ МОЖНО ВСЕ, // Труд-7, 2001.03.05]

Здесь речь идет об определенном количестве, будь то единственное число или множественное в значении ограниченного количества, поскольку посмотреть во второй раз можно то, что уже известно. Это подчеркивается также на лексическом уровне: *этот, первый* (из трилогии) *фильм, фильмы Тарковского, фильмы с участием Монро*. Характерным для этих примеров является также то, что субъект повторного действия совпадает с субъектом первого действия: один и тот же субъект выполнил дважды (или несколько) раз одно и то же действие с одним и тем же объектом.

Такое явление, как совмещение в одной лексеме этих двух значений приставки *пере-*, довольно редкое. Так, в Словоуказателе к IV тому «Семантического словаря» под ред. Шведовой (2007) из 541 глагола с приставкой *пере-* были выявлены следующие глаголы, способные соединять эти два значения в одной лексеме: *перечитать, перемыть, перепеленать, перестирать*. См. пример из «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина, в котором актуализируется второе значение, так как Бомарше предполагает, что Сальери читал «Женитьбу Фигаро»:

Бомарше

Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,

Как мысли черные к тебе придут,

Откупори шампанского бутылку

Иль перечти "Женитьбу Фигаро"»

Для подобных глаголов характерно, что в качестве объекта может выступать существительное в сочетании с местоимений *весь*: *перечитать всего Чехова, перемыть всю посуду и перестирать все белье*.

При глаголе *перемыть* недопустимым оказывается существительное, обозначающее мелкий предмет, в ед.ч.: **перемыть ложку/вилку – vs. – перемыть ложки/вилки*.

Если фактор совпадения/несовпадения субъекта повторного действия не имеет значения, но объект определенный (как правило, выражен ед.ч.), то приставка *пере-* означает 'повторение с улучшением результата', т. е. реконструктив: *перепаковать чемодан, переписать диктант, перепроверить ответ, перерешать задачу, переделать упражнение, перестелить/перестлать постель* и т. п. В этом значении объект также может быть во мн.ч., но количественность должна быть ограничена: *перепроверил ответы в контрольной работе*. Кроме того, если множественность неопределенная, то значение приставки иное: *переписать книги* – 'составить

список'. Корпусные данные показывают, что для значительного количества примеров (примерно для 70% примеров) характерно употребление СВ (связано это с тем, что для этих глаголов присущ акцент на результат).

Когда субъект при предикате, обозначающем повторное действие, не совпадает, или он не определен, а объект определенный, то приставка *пере-* обозначает 'сделать что-то заново', например, *переоткрыть* – это открыть заново. См. примеры из НКРЯ¹⁰³:

- *Полвека спустя стереотипию «переоткрыл» Александр Тиллох, а Фирмен Дидо усовершенствовал процесс, но широкое распространение она получила только после работ Чарльза Стенхоупа.* [В. В. Шилов. Чарльз Стенхоуп (2004) // «Информационные технологии», 2004.06.28]
- *Через несколько лет уже американские эмбриологи Кинг и Бриггс провели опыты, подобные экспериментам Лопашова, и «переоткрыли» метод, чем и прославились.* [Елена Жемердеева. Атака клонов (2003) // «Спецназ России», 2003.01.15]
- *Буквально накануне были переоткрыты законы Менделя <...>* [Игорь Лалаянц. Стволовые клетки — виват!: запрет на клонирование Христа? // «Знание — сила», 2003]

Для данного глагола также характерно употребление существительных в ед. ч. или во мн. ч. в значении ограниченной множественности. Для глаголов с приставкой *пере-* в значении 'сделать что-то заново' характерно употребление в обоих видах.

Итак, у приставки *пере-* есть значения, при различении которых решающими факторами являются совпадение/несовпадение субъекта повторного действия и определенность/неопределенность объекта, которая в русском языке выражается через категорию числа.

§ 4 Взаимодействие вида глагола и числа существительного

В данном параграфе будет рассмотрено два вопроса: взаимодействие частного, контекстного значения вида с семантикой категории числа существительного и роль категории числа в различении типов предиката для тех глаголов несовершенного вида, которые способны в одной лексеме соединять несколько семантических типов предиката.

4.1 Частные значения вида и семантика категории числа

Глагольный вид во взаимодействии с именными средствами служит для аспектуальной характеристики высказывания.

103 Дата обращения 06.03.2016.

Категориальное значение вида реализуется в разных контекстных условиях. В «Русской грамматике» [РГ 1980: 602-611] описываются следующие типы ситуаций и характерное для каждой из них категориальное грамматическое значение вида:

1) Для ситуации единичного (неповторяющегося) действия характерно употребление как СВ (конкретный целостный факт, ограниченный пределом), так и НСВ (не ограниченный пределом конкретный процесс). Данный тип употребления глаголов СВ называется конкретно-фактическим (в следующих разновидностях: потенциальная, перфектная, ограниченно-длительная), а НСВ – конкретно-процессным (в коннотативной и подчеркнуто-длительной разновидности).

2) Ситуация повторяющегося (в частности, обычного, типичного) действия может передаваться как НСВ (неограниченная повторяемость), так и СВ (как ограниченный пределом целостный факт, дающий представление о других подобных фактах). Данный тип употребления глаголов НСВ называется неограниченно-кратным (разновидности: потенциальная (потенциально-узуальная и потенциально-качественная) и наглядно-примерная), а СВ – наглядно-примерным (разновидности: потенциальная и перфектная).

3) Ситуация постоянного отношения передается лишь глаголами НСВ.

4) Ситуация обобщенного факта также передается лишь при помощи глаголов НСВ. Такой тип употребления глаголов НСВ называется обобщенно-фактическим (разновидности: негативная, ограниченно-кратная, перфектная, аннулированного результата).

Основным частным значением СВ является конкретно-фактическое значение. Для НСВ чаще всего говорят о двух основных значениях — конкретно-процессном и неограниченно-кратном. Таким образом, в самом широком смысле глагол несовершенного вида обозначает длительное, многократное действие, процесс, а совершенного – однократное действие, результат. Рассмотрим взаимодействие этих частных видовых значений с категорией числа существительного на следующих видовых парах: 1) *читать – прочитать*, 2) *привезти – привозить*, 3) *воскресить – воскрешать*.

В паре *читать – прочитать* при глаголе НСВ в конкретно-процессном значении употребляется существительное в ед. ч. (*читать лекцию*), в неограниченно-кратном значении – во мн. ч., при этом речь идет о неопределенном множестве (*читать лекции*). При глаголе СВ в конкретно-фактическом значении существительное может быть как в ед. (*прочитать лекцию*), так и во мн. ч. (*прочитать лекции*), но в значении ограниченного множества (например, курс лекций). Статистика для пары *читать – прочитать*, согласно данным НКРЯ за последние 40

лет¹⁰⁴, следующая (глагол в индикативе, расстояние 1 до существительного, заполняющего валентность на объект):

глагол	ед.ч.	мн.ч.
читать	2 844	2 250
прочитать	12	-

Статистика показывает, что, во-первых, примеров с НСВ во много раз больше, чем для СВ, а во-вторых – примеры с ед.ч. существительного частотнее для обоих видов. Частично это объясняется семантической особенностью глагола *читать*, который может одновременно означать Действие и Деятельность. Кроме глагола *читать*, можно выделить еще ряд подобных глаголов. Данное явление будет рассмотрено в п 4.2.

Для пары *привезти – привозить* при глаголе СВ, как и в предыдущей паре, существительное может быть как в ед., так и во мн. ч. (*привезти решетку/решетки*). Значение вида — конкретно-фактическое. Что же касается глагола НСВ, то для конкретно-процессного значения, в отличие от предыдущей пары, возможно употребление существительного в обоих числах (*привозить выставку/выставки*); а для неограниченно-кратного характерно существительное во множественном числе (если у существительного есть парадигма по числу), либо вещественное или собирательное. Единственное число возможно, но многократность будет выражаться другими средствами, и чаще единственное число будет иметь «экземплифицирующее (партикуляризирующее)» значение:

- 1) *Каждый, привозивший покойника, должен был являться с ярлыком, а кто привозил мертвеца без ярлыка, против того священники должны были начинать иск.* [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск шестой: XVIII столетие (1862-1875)]
- 2) *Рыбаки с озера, когда привозили рыбу к графскому столу, легко различали из своих челнов, какого цвета пояса и шаровары у часовых, стоящих на сторожевой вышке башни.* [А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895)]

Статистика для пары *привезти – привозить*, согласно данным НКРЯ за последние 40 лет¹⁰⁵, следующая (критерии поиска те же, что и для предыдущей пары):

глагол	ед.ч.	мн.ч.
<i>привезти</i>	924	311
<i>привозить</i>	230 ¹⁰⁶	217

Статистика показывает, что, в отличие от предыдущей видовой пары, в корпусе больше примеров с СВ, чем НСВ, при этом для НСВ примеров с существительным в ед. и мн.ч. примерно одинаковое количество, а при СВ примеров с ед.ч. во много раз больше, чем со мн.ч.

104 Дата обращения 30.05.2021.

105 Дата обращения 31.05.2021.

106 Сюда же входят примеры с собирательными и вещественными существительными (*импорт, продукция, молоко* и др.).

Связано это с тем, что результативное значение СВ тяготеет к полюсу определенности, поэтому предпочтительное употребление с ед.ч. существительного.

В паре *воскресить* — *воскрешать* в случае СВ возможно сочетание как с ед., так и со мн.ч. (*воскресить людей/человека*), при этом с существительным во мн. ч. на первый план выступает акциональность¹⁰⁷. В случае же НСВ речь идет не о действии, а о некотором умении, свойстве, даре. При сочетании глагола со мн.ч.: значение несовершенного вида – потенциально-качественное, т. е. обозначается потенциальная возможность осуществления действия как свойство субъекта действия (*воскрешал* = мог *воскрешать*). При сочетании с ед. ч.: значение несовершенного вида конкретно-процессное, а существительное имеет конкретно-референтный статус, и единственное число отражает реальное положение дел во внеязыковой действительности:

- 1) *Сейчас он занят важнейшим делом: он **воскрешает** куклу наследника Тутти* [Ю. К. Олеша. Три толстяка (1924)].
- 2) *Она не хочет ничего, кроме смерти. И Господь **воскрешает** ребенка. И мать вся в слезах счастья, благодарит Господа.* [Александр Иличевский. Перс (2009)]

Статистика для пары *воскресить* — *воскрешать*, согласно данным НКРЯ за последние 40 лет¹⁰⁸, следующая (те же критерии поиска):

глагол	ед.ч.	мн.ч.
<i>воскресить</i>	34	6
<i>воскрешать</i>	12	18

Статистика показывает, что, как и в предыдущей видовой паре, в корпусе больше примеров с СВ, чем НСВ (и примеров с существительным в ед. и мн.ч. примерно одинаковое количество), а при СВ примеров с ед.ч. во много раз больше, чем со мн.ч., поскольку результативное значение тяготеет к значению определенности, которая в русском языке выражается чаще всего через ед.ч.

Взаимодействие значения количества и акциональности проверялось на формах повелительного наклонения (как наиболее прототипических контролируемых действиях): на поэтическом подкорпусе в НКРЯ были проверены формы повелительного наклонения для *воскресить/воскрешать*. Статистика показала, что для НСВ было найдено всего 6 вхождений, а для СВ – 42 вхождения. При этом при СВ в 29 случаях существительное в ед.ч. Все это подтверждает выводы о том, что СВ и ед.ч. связаны с акциональностью, а значит, с семантическим типом Действие.

107 Под акциональностью в коммуникативной грамматике понимается подкласс глаголов со значением действия, характеризующийся активностью и целенаправленностью, потенциальной наблюдаемостью и способностью к конкретно-временной локализации, при этом действия совершаются, как правило, лицом или живым существом [КГРЯ (1998) 2004: 60–62]. Аналогично понимание семантического класса Действие у Ю. Д. Апресяна (см. [Апресян 2009: 40]).

108 Дата обращения 05.05.2021.

Другим примером взаимодействия вида глагола с числом существительного — ограничение на употребление существительных в единственном числе при глаголе несовершенного вида. Так, взаимодействие именных и глагольных категорий в сфере количественности, в частности, может происходить при смысловом согласовании. Смысловое согласование выражается в двух типах словесной сочетаемости – семантической и лексической. Семантическая сочетаемость слова – это его способность вступать в сочетания с целыми классами слов, объединяемых общностью смысла. Например, глаголы, описывающие различные состояния человека, будут сочетаться лишь с такими словами, которые обозначают человека. Под лексической сочетаемостью слова понимается его способность вступать в сочетания только с некоторыми из слов из какого-либо семантического класса.

На примере глагола *бить* можно рассмотреть роль категории числа в различении значений 'разбивать, раскалывать, уничтожая или приводя в негодность что-л. бьющееся' (*бить посуду*) и 'ударив чем-л. по чему-л. или обо что-л., расколоть' (*бить яйцо*). В отличие от второго значения, в первом глагол НСВ *бить* употребляется, как правило, с существительным во мн.ч. или с собирательным: *бить посуду, бить тарелки, бить чашки*. В этих примерах глагол *бить* означает либо многократное повторение действия, либо намеренность совершения (например, как проявление эмоций):

- 1) *...Но вернемся к боли любовной, которой, в отличие от Цветаевой и Ахматовой, не довелось изведать удачливой Надежде Яковлевне, — даже в те минуты, когда она в припадке ревности била тарелки.* [Л. К. Чуковская. Дом поэта (фрагменты книги) (1972-1976)]
- 2) *И когда казалось ему, что нет разницы между ним и скулящим обывателем, тогда он делался сам себе противен и тогда тошнило его, и он беспричинно злился на Марию Петровну и даже иногда бил тарелки.* [К. К. Вагинов. Козлиная песнь (1928)]

В случае сочетания с существительным в единственном числе (не собирательном): *бить чашку / бить тарелку* — многократности быть не может (если только она не поддержана контекстом: *каждый раз, когда я била чашку...*), «намеренное» разбивание чашки или тарелки также должно быть оправдано (например, оно может служить специальным сигналом):

- 1) *Это сейчас не машинка у меня бренчит, а тетка моет посуду, это ее характерное позвякивание чашек о кран; если она била чашку, что случилось, а чашки у нее были дорогие, то ей, конечно, было очень жаль чашки...* [Андрей Битов. Похороны доктора (1979)]
- 2) *Когда перед началом фильма бьют тарелку (это киношная примета на удачу!) и передают по куску всем, я всякий раз забываю талисман удачи в гримерной.* [Садчиков

Михаил. ДМИТРИЙ НАГИЕВ: СНИМАЮСЬ В ПАРОДИИ НА '9 РОТУ' // Труд-7, 2006.11.16]

Подобных ограничений нет у глагола совершенного вида: *разбить тарелку/тарелки, чашку/чашки*. См. примеры из НКРЯ¹⁰⁹:

- 1) *А если хулиганы **разобьют фары или лобовое стекло**, то платить за это придется клиенту из оставленного залога.* [Денис Литошик. Автомобиль напрокат\Тариф на час (2002) // «Автопилот», 2002.05.15]
- 2) *Тогда он ударил ее чашкой, из которой она пила, и **разбил чашку** прямо об лицо!* [Вера Хлудова. Вся прелесть жизни тайная... (из дневника) // «Наука и жизнь», 2008]
- 3) *Недавно Совка играла — бегала и **разбила вазу**, я конечно поругалась на нее чуть-чуть, а потом сказала — на счастье!* [Кошки форева! (2008)]

Категория числа существительного в русском языке связана с категорией определенности/неопределенности. Как правило, единичность связывают с определенным количеством (см., в частности, [Чеснокова 1992: 9]). Множественность может быть и определенной, и неопределенной, и описывать приблизительное количество. Однако форма ед.ч. может обозначать единичный предмет или класс однородных предметов (ед.ч. в переносном значении). В случае переносного значения ед.ч. класс предметов имеет признак «неопределенность» (см., в частности, [Лазуткина 2014: 140-149]).

В результате, к несовершенному виду будут тяготеть существительные, обозначающие неопределенное количество, а к совершенному – существительные в ед.ч. или обозначающие определенное, ограниченное количество¹¹⁰.

4.2 Роль категории числа существительного в разграничении типов предиката глаголов НСВ

Есть глаголы, которые связаны только с одним типом предиката, но есть те, которые внутри связаны с разными таксономическими категориями, или Т-категории (термин Е. В. Падучевой)¹¹¹. Для некоторых семантических классов взаимодействие именных и глагольных категорий в сфере количества является показательным. Поскольку семантические классы могут пересекаться друг с другом по горизонтали и вертикали, то границы между ними могут оказаться размытыми. Особенно размыты границы между Действиями, Деятельностями и Занятиями.

¹⁰⁹ Дата обращения 06.03.2018.

¹¹⁰ Ср. рассуждение Ю. П. Князева о том, что одним из грамматических способов выражения определенности/неопределенности в русском языке является взаимодействие категории глагольного вида с категорией числа существительного: объект при НСВ естественнее всего интерпретировать как неопределенный, а при СВ – как определенный (см. подробнее в [Князев 1996б]).

¹¹¹ См. подробнее § 5 Первой главы.

Прежде чем говорить о разграничении этих семантических типов, нужно определить, что представляют собой эти семантические классы.

К Действию относят глаголы, в толковании которых обнаруживается семантический примитив 'делать', а время существования ситуации, называемой данным глаголом, укладывается в один раунд наблюдения [Апресян 2009: 40]. Первый актанта действия — Агенс, целенаправленно изменяющий мир, т. е. формы существования, положения, состояния, свойства и отношения различных объектов, в число которых включен и он сам. Главный тип Агенса — человек и существа и сущности высшего порядка, которые в языковой картине мира наделены суверенной волей (Бог, боги, ангелы, судьба, Провидение, дьявол). Действия являются самым многочисленным классом. Кроме того, они обладают наиболее полным набором семантических грамматических категорий, грамем в каждой категории и значений каждой грамемы, а также наибольшим богатством управляющих свойств (многоактантностью), наиболее широкой сочетаемостью, наибольшим словообразовательным потенциалом и самой разветвленной полисемией.

К Деятельности относятся глаголы, обозначающие совокупность разнородных и разновременных действий, но имеющих общую конечную цель, при этом время существования ситуации растягивается на несколько раундов наблюдения [Апресян 2009: 40-41].

К Занятию относятся глаголы, обозначающие действие, непосредственной целью которого является выполнение самого этого действия [Апресян 2009: 42].

Все три семантических типа различаются целью обозначаемых действий, гетерогенностью и гомогенностью, а также раундом наблюдения, т. е. в зависимости от интерпретации цели можно разграничить Действие, Деятельность и Занятие. Действия локализованы во времени, у них нет ограничений по виду. У Деятельности и Занятия нет актуальной временной локализованности, поэтому будет ограничение на образование видовой пары.

Есть особые глаголы, которые могут обозначать разные семантические типы, например, *писать, читать, лепить, шить, вязать, рисовать* etc. Эти глаголы означают действие, протяженное во времени, и имеют валентность на объект, которая может заполняться по-разному: а) существительным в ед.ч., б) существительным во мн.ч., в) классами существительных, г) не заполняться на поверхностном уровне, т. н. кванторное заполнение валентности. В зависимости от способа выражения объекта, на которое направлено действие, одна и та же морфологическая форма глагола будет обозначать разный семантический тип предиката — Действие, Деятельность или Занятие.

Поскольку целью Занятия является само действие, то возможно так называемое кванторное заполнение валентности, или, как еще обозначают такой тип конструкции, абсолютное употребление глагола:

- *Ага, так вот зачем все это было — чтоб я писал.* [Ordinamenti (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]
- *Дай спокойно почитать!* (пример из [Апресян 2009: 42])
- *Мне нравится шить, вязать, но бывают проблемы с выкройками, техникой.* [Интернет-ресурс, URL: <http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=546126>]¹¹²
- *Малыш сидит и читает.* (пример из [РГ 1980: 613])

Что касается противопоставления Действия и Деятельности, то в зависимости от того, выражен ли объект формой множественного или единственного числа, один и тот же глагол будет организовывать семантически различные предикаты.

Из прошедшего, настоящего и будущего времени самым нейтральным, т. е. немаркированным, является настоящее. Оно может иметь значения актуальное, узуальное и вневременное, или обобщенное. И самым ярким оказывается противопоставление обобщенного значения, с одной стороны, и актуального (в первую очередь), с другой, именно здесь проявляется разграничение семантических типов Действие и Деятельность. Что касается противопоставления узуального и актуального значения, то оно не будет проявляться на выборе формы числа объекта, поскольку *писать книгу / рисовать картину / строить дом / реставрировать картину* etc. может мыслиться (и это частотнее) как протяженное действие:

- *Я ей строю дом в живописнейшей местности, на берегу Угрюм-реки.* [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5-8 (1913-1932)]
- *Голос в синей рассказывал о том, что он пишет книгу смертей, которая будет посвящена Пушкину, Лермонтову, Есенину и другим.* [К. К. Вагинов. Труды и дни Свистонова (1928-1929)]
- *Мы строим дом. Теперь я легко могу отличить облицовочный кирпич от рабочего, появилась масса совершенно специфических знаний и навыков.* [Евгения Ленц. Женские роли — и их исполнители (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.03]

Что же касается противопоставления актуального и обобщенного, то эти значения по-разному будут взаимодействовать со множественным или единственным числом объекта. Если при глаголе в настоящем времени объект употреблен в единственном числе (но не в родовом значении), то на первый план выступает акциональность, ситуация может мыслиться как наблюдаемая, соответственно, возможно и употребление глагола в настоящем актуальном:

[я вижу, как] он *пишет статью / читает газету / лепит кувшин из глины / шьет пиджак / вяжет свитер / рисует картину / строит дом / возводит крышу / реставрирует картину...*

112 Дата обращения 06.03.2018.

Примеры из НКРЯ:

- Она **пишет статью**, радуется, что хорошо получилось, перепечатывает ее на машинке, после чего берет розовые кружева и старательно пришивает кружевную рюшечку к каждой странице. [Марианна Баконина. Девять граммов пластила (2000)]
- Шум чего-то пересыпаемого, раздробляемого, свет, вдруг вспыхнувший за окнами, не дают мне уснуть. Это, должно быть, ночная смена принимается за работу. Нужно спать! Я сплю, а надо мной **строят дом**. [В. А. Каверин. Открытая книга (1949-1956)]

Таким образом, в этих примерах имя существительное имеет конкретно-референтный статус, а глагол относится к семантическому типу Действие, поэтому и возможно употребление в актуальном настоящем. Действие допускает оба вида: *написать статью / построить дом / слепить кувшин / связать свитер / отреставрировать картину / возвести крышу* etc. Отдельные глаголы допускают перфективацию посредством ограничительного способа действия: *пописать статью / повязать свитер / полепить кувшин / порисовать картину*.

- Авообще прям легче на душе стало - голосование закончилось, можно передохнуть. **Пойду напишу статью** на следующий год. Много напишу, очень много. [Интернет-ресурс, URL: <http://radiokot.ru/?show=comments&id=742>]¹¹³
- Пошла отдыхать. **Полежу и повяжу свитер**, а то у меня их целых два в производстве, нужно довязывать, скоро похолодает. [Интернет-ресурс, URL: http://www.galya.ru/catd_new_page.php?id=1944762]¹¹⁴

По-другому эти глаголы взаимодействуют с объектом во множественном числе: *Он пишет книги (писатель) / читает газеты / лепит кувшины / вяжет вещи (зарабатывает себе на жизнь этим) / рисует картины (художник) / строит дом / возводит мосты / реставрирует картины...*

Примеры из НКРЯ:

- **Пишет статьи**, говорит постоянно о честности, а как взяла в прошлом году у меня рубль взаймы, так до сих пор не отдает. [А. П. Чехов. Конь и трепетная лань (1885-1886)]
- Выходцы из Средней Азии **строят дома, метут улицы, подстригают газоны**, они за копейки делают работу, которую россияне не хотят делать даже за большие деньги. [Светлана Лолаева, Андрей Рябов. Средняя Азия в русском и российском восприятии // «Неприкосновенный запас», 2009]

113 Дата обращения 07.03.2018.

114 Дата обращения 07.03.2018.

В последнем примере обобщенно-личная семантика и гномическое время указывает на нелокализованность во времени. Сюда же примыкают примеры, где единственное число употреблено в родовом значении:

- *Ломаем ли мы старый дом, строим завод, пишем статью — прежде всего мы строим человека.* [Александр Терехов. Страх перед морозом // Библиотека «Огонек», 1989]
- *Кто строит дом, кто станок; кто **отвешивает хлеб** покупателям, кто **нянчит ребенка**, а кто **пишет книжку**.* [В. Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска (1953)]
- *Когда мы **строим дом, разбиваем сад**, так хочется, чтобы всем было уютно и хорошо.* [Екатерина Баранова. Дом построен для певца! (2003) // «Сад своими руками», 2003.03.15]

Общим для этих примеров является то, что существительное имеет общереферентный статус, и на первый план выступает качественность, т. е. глагол означает характеристику и относится к семантическому типу Деятельность. Употребление в актуальном значении невозможно (в актуальном времени предикат будет относиться к семантическому типу Действие). Недопустимой оказывается также перфективация (будь то при помощи парного глагола СВ или посредством ограничительного способа действия).

Таким образом, при объекте, который мыслится вполне определенным, осязаемым (или наблюдаемым), глагол будет употребляться в настоящем актуальном. Вневременное настоящее требует при себе объект неопределенный, выраженный именем во множественном числе либо в родовом единственном.

Это же подтверждает особый контекст — имя собственное, поскольку этот тип существительных может иметь как конкретно-референтный, так и общереферентный статус.

Игорь читал «Правду»¹¹⁵.

В данном случае прямой объект, выраженный именем собственным, может иметь как конкретно-референтный статус объекта (конкретный выпуск газеты «Правда»), так и общереферентный.

В первом случае у предиката будет эпизодическое значение. Следовательно, эта конструкция допускает употребление в настоящем актуальном времени: [Я вижу здесь и сейчас, как] *Игорь читает «Правду»*. Кроме того, допускается перфективация как при помощи парного глагола СВ, так и посредством ограничительного способа действия *Игорь прочитал / почитал «Правду» и лег спать*.

115 Пример взят из статьи Х. Р. Мелига [Мелиг 2008: 149], однако он упоминает его вскользь.

Во втором случае, когда у собственного существительного общереферентный статус, мы имеем дело с качественной предикацией, обозначающей характеристику Игоря: он имеет обыкновение читать газету «Правда». В данной интерпретации не будет ни настоящего актуального, ни парного глагола СВ, ни ограничительного способа действия. См. в частности пример из «Анны Карениной» Л. Н. Толстого, где выбор определенной газеты характеризует и самого героя:

- *Степан Аркадьич получал и читал либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось большинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика, собственно, не интересовали его, он твердо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство и его газета, и изменял их, только когда большинство изменяло их, или, лучше сказать, не изменял их, а они сами в нем незаметно изменялись.* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)].

Средством разграничения типов предиката являются слова *бывало, случалось, обыкновенно* и др., которые маркируют неактуальную временную локализованность предиката:

- 1) *<...> своим цветущим лицом и завитыми длинными русыми волосами напоминал собой несколько тех архангелов, которых обыкновенно плохие живописцы рисуют на боковых иконостасных дверях.* [А. Ф. Писемский. В водовороте (1871)]
- 2) *И она сидела, как часто бывало, одна дома, читала книжки, когда в передней раздался звонок, пробудивший ее от мечтаний к реальности.* [Н. В. Кожевникова. Шура и Настенька (1988)]
- 3) *Ей-ей не совру, скажу вам: сидит, бывало, читает книжку, а надо лбом у нее (вот это самое место) точно что летает... ей-богу, не вру!* [Г. И. Успенский. Кой про что (1885)]

Предикаты Действия, Деятельности и Занятия различаются в составе фазисных и модальных структурно-семантических модификаций модели предложения. Известно, что для акциональных глаголов характерна фазисная модификация: *начать писать, закончить вязать, продолжить реставрировать*. Частотным в этом случае будет именно единственное число:

- *Садитесь писать книгу — это упражнение столь необходимое вашему уму.* [Е. Ахматова (перевод из Э. Булвер-Литтона). Кенелм Чиллингли, его приключения и взгляды на жизнь (1873)]
- *Эта мысль ему так понравилась, что он пожалел о невозможности начать писать книгу с конца.* [В. В. Набоков. Защита Лужина (1929-1930)]

С глаголами семантического типа Деятельность фазисные глаголы обозначают не какую-то фазу действия, а становление качества: *он рано начал писать книги*. Здесь речь идет о том, что у него рано пробудился писательский талант, т. е. он стал писателем. Примеры из НКРЯ¹¹⁶:

- *20 лет я преподавал в разных университетах — в Венеции, Милане, Палермо, начал писать книги, а потом спохватился, что итальянские фотографы не читают книжки, и тогда решил показывать им снимки.* [«Сложно объяснить итальянским политикам, что фотография — это культурное наследие» (2011.03.23) // Интернет-ресурс, URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/23/lifestyle/562949979916483.shtml>¹¹⁷, 2011]
- *Вскоре он женился на миловидной шатенке, умной, способной своей сокурснице, и перестал писать стихи.* [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996]

Сходно с этими примерами и употребление семантического типа Занятие с фазисными глаголами: *Когда он перестал писать, я подождал немного и сделал официальный запрос в дирекцию универсама «Маяк».* [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976-1999)]

С квалитативностью связана модальность: при модальных модификациях предиката частотным становится множественное число. Например: *он может писать книги – он может написать книгу*. Так, из 105 примеров¹¹⁸ на конструкцию *мочь + писать + существительное в В. п.* получаем следующее соотношение между существительными в единственном числе и существительными во множественном: 30 к 75.

- *Ну, так как же, нужно кому-нибудь писать книги, печатать их, пропагандировать, агитировать, организовывать массы?* [Б. В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1912)]
- *На вопрос нашей классной (коммунистки с большой буквы "К") как, мол, мы можем писать такие слова, я в ответ и спросила, а как Вы можете читать чужие записки.* [Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)]
- — *Вам только надобно бы посмотреть на народ в его собственной исключительной обстановке, — твердил он Ступиной, — и вы бы, я уверен, могли писать очень хорошие рассказы, сцены и очерки.* [Н. С. Лесков. Некуда (1864)].

Согласно данным НКРЯ, из первых 150 примеров¹¹⁹ на *рисовать + существительное в В. п.* только в 13 глагол употреблен в актуальном значении.

116 Дата обращения 15.05.2020.

117 Дата обращения 07.03.2018.

118 Дата обращения 28.04.2018.

119 Дата обращения 15.05.2018.

Таким образом, при рассмотрении взаимодействия различных типов предиката с количественными синтаксемами значимыми становятся способы заполнения прилагательной объектной позиции: а) для Занятия характерно кванторное заполнение («синтаксический нуль», именной компонент с кванторным местоимением); б) для Действия — предпочтительно существительное в единственном числе; в) для Деятельности — предпочтительно существительное во множественном числе. Единственное число существительного связано с акциональностью, наблюдаемостью, актуальным значением, возможностью перфективации, с фазисной модификацией. Множественное число или единственное в значении множественного связано с квалитативностью, ненаблюдаемостью, обобщенным значением, запретом на перфективацию, с модальной модификацией.

§ 5 Конструктивно обусловленная количественность

В § 10 1-ой главы настоящего исследования уже говорилось о генитивных и нумеративных предложениях. В «Синтаксисе» А. А. Шахматова предложения с количественным значением попадают в «односоставные номинативные» (*Три часа утра*), «односоставные генитивные» (*Гостей-то, гостей*), «односоставные двучленные безличные» (*Всякого сброда есть среди народа, Денег у меня хватает, хватило бы терпения, В Москве ведь нет невестам перевода*) и «количественно-именные двусоставные несогласованные предложения» (*Человек пять мужиков сидело по лавкам*) [Шахматов 2001]. Предложение *Рыбы в Мсте бездна, особливо головлей* квалифицируется Шахматовым как двусоставное неполное с пропущенным бытийным сказуемым [Там же: 145].

Признание возможности безглагольных предложений и возможности количественных синтаксем выполнять самостоятельно функцию сказуемого привело лингвистов к выводу о наличии в русской синтаксической системе квантитативных моделей предложения с генитивным подлежащим. К таким предложениям относится и пример из Тургенева – *Рыбы в Мсте бездна, особливо головлей*. Далее в главе будет использоваться термин «квантитативные предложения» в соответствии с концепцией коммуникативной грамматики.

5.1 Квантитативные предложения

Квантитативные предложения характеризуются наличием синтаксемы *Род. беспредложный количественный* в качестве преддицируемого компонента и числительного или другого количественного слова в качестве преддицирующего и обозначают количественную характеристику названного предмета. Таким образом, к базовой модели относятся двусоставные предложения типа *Театров здесь три; Народу – толпы; Картошки – полведра* и др.

Для выделения отличительных особенностей количественных предложений необходимо проанализировать ее структурные синтаксические единицы – предикцируемый (субъект) и предикцирующий (предикат) компоненты.

Исходя из примеров в НКРЯ, можно отметить, что в качестве субъекта в количественной модели предложения могут выступать:

1) абстрактные существительные: *Наиболее реальных причин для подобной постсоветской экономической интеграции две*. [Екатерина Григорьева, Елена Загородняя, Игорь Моисеев. Кремлевская мечта. Четыре президента сочинили новый экономический союз (2003) // «Известия», 2003.02.24];

2) одушевленные существительные:

(а) антропонимы: *Победителей оказалось двое*. [Весенний призыв (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06];

(б) зоонимы: *Песцов шестьдесят два, оленей четыре, медведь один*. [Н. Н. Шпанов. Старая тетрадь (1935-1950)];

3) неодушевленные существительные: *В 2000-м таких фильмов было девять, а в 1999-м – лишь четыре*. [Иван Даммов. Союз Траволты с пианисткой. Кино (2001) // «Известия», 2001.10.18].

О. К. Матвеева указывает, что в позиции субъекта могут находиться и другие части речи [Матвеева 2016: 68]:

4) местоимения: *Нас двое* (Л. Улицкая), *Вас всего пятеро* (М. Петросян);

5) прилагательные: *Талантливого мало* (А. Н. Толстой), *Русских в Дании мало* (А. Городницкий);

6) причастия: *Убитых было десять, раненых четырнадцать...* (А. Гайдар).

Стоит отметить, что прилагательные и причастия в этих примерах представляют собой субстантивированные формы, поэтому их можно отнести к группе 2) и 3), не выделяя в отдельную.

Вопрос заполнения количественного компонента рассматривался во многих работах (см. список работ, указанный в § 9 Первой главы), наиболее распространенные: 1) числительные (количественные и собирательные), 2) количественные слова типа *много, мало, немного, несколько*; 3) сравнительные степени типа *больше, меньше*, 4) существительные с количественной семантикой, например, *десяток, бездна, горсть*, 5) различные синтаксемы, например, *в обрез (времени в обрез), по горло (дел по горло)*, 6) фразеологизированные словосочетания: *с гулькин нос, видимо-невидимо* и т. п. Для последнего типа О. К. Матвеева указывает, что такие примеры имеют яркую эмоционально-экспрессивную окраску и характерны для разговорной речи [Матвеева 2016: 76].

Большинство исследователей генитивных и нумеративных конструкций пишут о том, что в качестве глагольного компонента используются разного рода бытийные глаголы (*быть, стать, появиться, остаться/оставаться, оказаться, явиться, представиться, иметься, насчитываться, набираться/набраться, прибывать, убывать* и др.). Однако примеры из НКРЯ показывают, что, кроме указанных, в этих конструкциях могут употребляться глаголы с пространственным значением (*прийти, выехать, собраться, заехать, прибежать* и т. п.), глаголы физического восприятия и передачи (*дать, купить, выпить, съесть*), глаголы активного физического действия (*скакать, прыгать, пританцовывать*). Г. А. Золотова указывает, что в этой конструкции употребляются также глаголы (*не*) *хватать* и *недоставать* [Золотова (1988) 2001: 29] (см. анализ этих глаголов выше, п.1.3.1).

Итак, для этой модели характерны регулярные модификации. Во-первых, обусловленная синтаксема *Род. беспредложный количественный* может употребляться как предцизируемый компонент в моделях с глаголами бытия (а) без количественных слов, (б) с количественными словами [Золотова (1988) 2001: 28-29]:

- (а) 1) *Нашло гостей со всех волостей* (поговорка).
- 2) *Что-то, граждане, воров нынче развелось* (М. М. Зощенко).
- (б) 1) *Всех офицеров скакало семнадцать человек* (Л. Н. Толстой).
- 2) *Черепаш-то должно было подойти целых четыре* (М. А. Булгаков).

Во-вторых, для квантитативных предложений характерна экспрессивная модификация, в которой количественно характеризуется состояние, признак лица, предмета, среды с помощью интонации и частиц – *Народу! Книг-то! То-то было радости!* [Золотова (1988) 2001: 29]. Эта экспрессивная модификация как раз исследовалась как особый тип – генитивные предложения.

В НКРЯ в случайном порядке было выбрано около 250 примеров для квантитативных предложений¹²⁰. Анализ показал, что для этой модели можно выделить следующие отличительные особенности:

(1) В случае наличия второй формы Р.п. предпочтение отдается второй форме (*народу, чаю, сыру*, а не *народа, чаю, сыра* и др.): *Народу – толпы; Чаю – два стакана; Сыру – три головки*.

(2) Количественное значение выражает именно синтаксема *Род. беспредложный количественный*, глагол при этом семантически недостаточен и приближен к бытийным, употреблен в 3 л. ед. ч., либо в ср. р., либо используется краткая форма причастия на *-но, -то*.

(3) Числительное не управляет формой ед. ч. Р. п. существительного при малых числительных (*театров три*, а не **театра в городе было три*). Но при этом сохраняется корреляция по роду там, где она возможна (*коров две, причин две*). Эти «рассогласовательные»

120 Дата обращения 05.05.2018.

формы по числу служат маркером того, что в позиции субъекта либо 1) нечленимая, недискретная множественность, либо 2) некоторая часть из множества, тогда в предикате указывается конкретное количество, составляющее эту часть.

5.2 Дистрибутивная конструкция

Дистрибутивные конструкции делятся на два больших типа – монодистрибутивные и полидистрибутивные (подробнее см. § 9 Первой главы, п. 9.3). В основе как первого, так и второго типов дистрибутивных конструкций находятся дистрибутивы с приставками *из-*, *о-/об-*, *пере-*, *по-*, *раз-*, *с-*. Данный способ выражения дистрибутивного значения был рассмотрен ранее.

В этом разделе речь пойдет об именных синтаксемах *по+ Вин.* или *по + Дат.*, образованных количественным словом или количественно-именным сочетанием. Г. А. Золотова относит данные синтаксемы к обусловленным, они употребляются в полидистрибутивных конструкциях, поэтому могут добавляться к разным ролям в предложении (дистрибутивное значение будет добавочным, модификационным).

Данные синтаксемы могут заполнять валентность на субъект (а). С одной стороны, сюда относятся дистрибутивные предикаты с указанными выше приставками. А с другой стороны, дистрибутивная синтаксема может заполнять субъектную валентность при предикатах, описывающих некий результат, или тяготеющих к бытийным предикатам (типа *сидеть*, *лежать*, *стоять*):

- (а) 1) *Рыбы почти не осталось – мужики ставили сети, **попадало** в них **по паре** карасиков, а на удочку вообще не клевало.* [Роман Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009]
- 2) *В завитках крупных листьев **собралось по** доброму глотку росы.* [Золотова (1988) 2001: 144]
- 3) *Распорядись так, чтобы теперь **падало по** пятисот голов в день.* [Н. В. Устрялов. Под знаком революции (1927)]
- 4) *На одном кресле **сидело по** два человека, народ теснился в проходах, в двери напирала толпа.* [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]
- 5) *В каждом отсеке **лежат по две, по три монеты** — темные кружочки разной степени сохранности и привлекательности, в зависимости от того, когда и как охотно отдала их здешняя земля.* [Дина Рубина. Окна (2011)]
- 6) *То есть у некоторых прилавков **стояло по два-три человека**, но это же не очередь!* [А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)]

Анализ данных НКРЯ¹²¹ показал, что при отсутствии подлежащего, выраженного именем существительным в И.п., частотнее (соотношение примерно 1 к 2) будет употребление формы

121 Дата обращения 07.03.2018.

единственного числа предиката. Сюда примыкают конструкции, в которых дистрибутивные синтаксемы употреблены в качестве субъектно-объектного компонента, а именно различного рода страдательные модификации: *Всем дано по десятку пальцев, а всякий хочет больше взять своими-то руками.* [М. Горький. В людях (1914)]; *Каждому было выдано по две лопаты.*

Г. А. Золотова также отмечает, что данные синтаксемы могут употребляться в качестве предизирующего компонента (*у нас в руке по два пакета; в каждой комнате по два окна; билеты в театр по две тысячи*). Ср. примеры из НКРЯ¹²²:

- 1) ***Мы сидели по трое**, а виш ходили по нашим телам, как им было сподручнее, и вскоре я подцепил натуральный сыпной тиф, правда, в легкой форме.* [Борис Васильев. Оглянись на середине // «Октябрь», 2003]
- 2) *Во время англо-бурской войны английские **солдаты** в дозорах **стояли по трое**, и пока прикуривали первый и второй, бурский снайпер успевал перезарядить свое ружье и уложить как раз третьего.* [Юрий Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003]
- 3) *У двух дверей **стояли по двое** белые **рынды** с топориками на плечах, неслышно переминались.* [А. Н. Толстой. Петр Первый. Книга первая (1930)]
- 4) *В пирогах, выдолбленных из пальмовых стволов, — пишет Волконский, — **зробицы сидели по четверо**.* [Николай Митрофанов. Уголок ада в Океании // «Наука и жизнь», 2009]

В данных примерах валентность на субъект заполнена существительным или местоимением во множественном числе. Согласно правилам грамматического согласования, форма предиката – также множественное число.

Синтаксемы *по+ Вин.* или *по + Дат.* употребляются при глаголах, т. е. в качестве компонента словосочетания. В этом случае количественно-дистрибутивное значение может накладываться на другие семантические валентности, при этом дистрибутивное значение будет сильнее, нежели другая семантическая роль, хотя значение ее и сохраняется.

Дистрибутивные синтаксемы могут заполнять, например, валентность на объект, особенно при предикатах с приставками *со-* и *при-* (b). Ср. примеры из НКРЯ¹²³:

- (b) 1) *Там нам налили чаю, **принесли по два яйца**.* [В. Н. Гельфанд. Дневники 1944-1946 гг. (1944-1946)]
- 2) *«Как думаешь, пан писарь, нужно бы для именитого гостя дать приказ, чтобы с каждой хаты **принесли хоть по цыпленку**, ну, полотна, еще коего чего... А?»* [Н. В. Гоголь. Майская ночь, или Утопленница (1831-1832)]
- 3) *Стюардесса **принесла всем по бутылочке кока-колы**.* [Коллекция анекдотов: психиатры (1970-2000)]

122 Дата обращения 08.03.2018.

123 Дата обращения 10.03.2018.

Характерно для этого употребления то, что в данных примерах дистрибутивные синтаксемы коррелируют с Вин. и Род. объекта без дистрибутивного значения: *дать яблоки – дать яблок – дать по яблоку*; *стюардесса принесла всем по бутылочке кока-колы – стюардесса принесла каждому бутылочку кока-колы*. При этом дистрибутивное значение будет выражаться лексически (*каждому, всем*).

При глаголах с приставкой *раз-* данные синтаксемы могут заполнять валентность на результат (с). Ср. примеры из НКРЯ¹²⁴:

- (с) 1) *Составили списки, разбили по сорок человек и отправили*. [А. И. Солженицын. Случай на станции Кочетовка (1962)]
- 2) *Нас разбили по взводам, в зависимости от местожительства, но это до сих пор ни в чем не улучшило своевременной и без толкотни раздачи пищи*. [В. Н. Гельфанд. Дневники 1941-1943 гг. (1941-1943)]

Ср. схожий случай — при глаголе *собирать* валентность на средство на поверхностном уровне может выражаться именной синтаксемой *по + Дат.*, образованной существительным с предлогом *по* (d). Ср. примеры из НКРЯ¹²⁵:

- (d) 1) *Он собирал по крупницам события его биографии, все мифы о нем и искры правдивости*. [Александр Иличевский. Перс (2009)]
- 2) *А если ты сам ее собирал — с бору по сосенке, из маршевых необстрелянных рот, из частей, раздробленных в окружениях, сохранивших свои знамена и потерявших свои знамена?* [Г. Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)]

Близок к этому употреблению также пример, когда дистрибутивные синтаксемы заполняют валентность на способ действия, обозначают меру этого действия (ср. *говорить/писать/делать/пить в час по чайной ложке*). (е). Ср. примеры из НКРЯ¹²⁶:

- (е) 1) *Их выдавать нам будут по ломтю...*
[В. Ф. Перелешин. Перспектива (1987.07.15)]
- 2) *Жизнь по капле пью... и все ж
Видно дно в сосуде,
Только там, где ты живешь,
Не стареют люди.*
[И. В. Елагин. Товарная станция (1939-1986)]
- 3) *– Я предлагаю изготовить лекарство из лунного света, – сказала Фея Ночных Фиалок, – для этого надо собрать лунный свет в чашечку, поставить его в холодное место, чтобы он загустел, а потом принимать по две капли три раза в день.* [Татьяна Рик. Лекарство от плохого настроения // «Мурзилка», 2002]

124 Дата обращения 10.03.2018.

125 Дата обращения 07.03.2018.

126 Дата обращения 22.04.2018.

Как видно из примеров, дистрибутивное значение связано здесь с порцией, частью, а также с повторяемостью во времени (ср. примеры 2 и 3) и повторяемостью участников (ср. пример 1: *каждый получит по ломтю*).

Дистрибутивная синтаксема *по + Вин.* также может заполнять валентность на срок и время (f). Г. А. Золотова пишет, что данная синтаксема употребляется при глаголах в качестве дистрибутивно-темпорального распространителя [Золотова (1988) 2001: 213]. Ср. примеры из НКРЯ¹²⁷:

- (f) 1) *Из-за специфики нашей работы мы **по десять месяцев** в году **не бывали** дома, а машину я всегда брал с собой, она у меня участвовала в программе.* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]
- 2) *В довоенные годы Мария Ивановна Тарковская с детьми **по несколько месяцев жила** в доме номер 8 по улице Энгельса.* [Иваново. Детство (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]
- 3) *Я к примеру наблюдаю
все научные статьи
в размышлениях витаю
по три дня и по пяти...*
[Д. Хармс. Ванна Архимеда (1929.10.01)]

Как видно из примеров, кроме значения времени, срока, в данных предложениях есть значение повторяемости: в примерах 1 и 2 – периодичность во времени, а в примере 3 – повторяемость условия (*каждый раз, когда читаю научные статьи, пребываю в размышлениях в течение трех дней*).

Наконец, дистрибутивная синтаксема *по + Дат.* может заполнять локативную валентность при глаголах с приставкой *раз-* (g):

- (g) 1) *Толпа на месте происшествия **разбрелась по вагонам** — досыпать.* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]
- 2) *Детки немедленно **разбрелись по комнатам**, но скоро запросили чего-нибудь поесть.* [Вильям Смит. Американец в России — оказывается это очень просто и даже интересно! // «Знание-сила», 2014]
- 3) *Вскоре стали слышны голоса, кто-то пел про клен, который шумел над речной волной, потом деревья расступились, и мы увидели костер и вокруг него наших, хотя многие уже **разбрелись по палаткам** спать.* [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]

Г. А. Золотова отмечает, что в данном значении дистрибутивная валентность *по + Дат.* может даже употребляться изолированно, самостоятельно в качестве заголовков: «*По пуду в день*», «*По крупицам*» [Золотова (1988) 2001: 144].

127 Дата обращения 22.04.2018.

Дистрибутивную конструкцию с *no* некоторые исследователи рассматривают как диагностику неаккузативности (см. [Pesetsky 1982, Babyonyshev 1996, Cetnarowska 2002, Harves 2002] и др.). Однако эту идею последовательно опровергает Ю. Л. Кузнецова [Кузнецова 2010: 189-199], показывая, что в НКРЯ есть примеры, противоречащие критерию, выдвигаемым диагностикой. Затем она рассматривает всю дистрибутивную конструкцию и ее основные характеристики в рамках грамматики конструкций [там же: 201 и далее]. В частности, она показывает, что, кроме наличия объемлющего множества выбора, параметра дистрибуции и повтора, есть еще требования, необходимые для реализации дистрибутивной конструкции: 1) счетность множества и 2) отсутствие заранее заданных устойчивых отношений между параметром дистрибуции и его коррелятом.

С первым требованием связаны ограничения на заполнение дистрибутивной синтаксемы. Речь идет о существительных *sg-* и *pl-tantum*, которые изначально являются несчетным множеством: ее не могут заполнять абстрактные существительные, вещественные имена, имена пар и наборов.

Для второго требования показано, что устойчивые отношения могут быть связаны:

- с ограничением на способ заполнения дистрибутивной конструкции (имена родства, особенно моно-реляционные, такие как *мать* и *отец*, и имена частей-целых, особенно таких моно-реляционных частей тела, как *голова*, *нос*, *рот*, *живот*);
- с ограничением, связанным с семантикой предиката (предикаты с презумпцией обладания, такие как *беречь* или *потерять*, и предикаты, описывающие разновидности отношения субъекта к контрагенту, такие как *любить*, *ненавидеть*, *ценить*, *уважать*);
- с ограничением, связанным с семантикой конструкции в целом (запрет на употребление динамических предикатов, запрет на отрицание при позиционном глаголе).

Ю. Л. Кузнецова разбирает примеры, когда приведенные ограничения снимаются. Она рассматривает примеры с изменением референтного статуса: если моно-реляционные имена употребляются не в конкретно-референтном статусе и на первый план выходит квалитативность, т. е. реляционные имена начинают обозначать множество свойств, то они вполне могут употребляться в дистрибутивной конструкции: *каждой женщине достается по мужчине, а каждому ребенку – по отцу* [Кузнецова 2010: 206]. В случае моно-реляционных частей тела ограничение снимается, 1) если речь идет о фантастическом животном, у которого может быть много голов, носов и т. д. и 2) когда эти части тела уже отделены от владельца (например, отрублены).

Ю. Л. Кузнецова разбирает другие примеры частей [Кузнецова 2010: 208]:

(69) ??От каждого поезда отцепили по первому вагону.

(70) ?? У каждого светильника сломалось по выключателю.

Исследователь пишет, что здесь невозможна дистрибутивная конструкция, поскольку речь идет об уникальных, присоединенных частях объектов. Если же речь идет об общем множестве, из которого только будут выбираться функциональные части, запрета на дистрибутивную конструкцию не будет (*поставил на каждый провод по выключателю, прибавка по вагону*) [Кузнецова 2010: 208].

Однако нам кажется здесь подойдет иное объяснение. Если рассмотреть первый пример, то запрет связан с категорией определенности/неопределенности (*первый вагон*). Если же объект неопределенный, то употребление дистрибутивной конструкции окажется возможным, ср.:

> В НН составы не четырехвагонные разве? – Четырех, но могут ходить пятивагонные, да и ходили (новые составы, пока из них не **отцепили по вагону**). [Интернет-ресурс, URL: <http://transphoto.ru/photo/816499/128>]

Категорией определенности/неопределенности можно объяснять также запрет на употребление монореляционных существительных в тех случаях, когда они однозначно прочитываются как определенные, и возможность их употребления, когда их статус неопределенный, нереферентный. Именно поэтому, когда речь идет об общем множестве, из которого только будут выбираться функциональные части (т. е. конкретная часть пока не определена), также возможна дистрибутивная конструкция.

Наконец, Ю. Л. Кузнецова рассматривает три особых контекста, которые специальным образом перестраивают дистрибутивную ситуацию, – локативный параметр, бытийная и хабитуальная интерпретации глагола. Все три специальных контекста Ю. Л. Кузнецова рассматривает для тех случаев, когда дистрибутивная синтаксема заполняет субъектную валентность, т. н. неканоническое подлежащее.

В качестве локативного контекста она рассматривает следующую конструкцию: *в/на/возле/около/у ... каждого X V по Y*, где *в/на/возле/около/у ... каждого X* – локативный параметр, *V* – предикат, *по Y* – дистрибутивная конструкция. В данном типе конструкции вместе с дистрибутивной синтаксемой, как пишет Ю. Л. Кузнецова [Кузнецова 2010: 212], возможно употребление позиционных предикатов (*стоять, сидеть, лежать, висеть*) и невозможно динамических: *Возле каждого окна сидело/стояло по мальчику – vs. – ??Возле каждого окна пело/прыгало по мальчику*. Данное явление она связывает с тем, что у динамических глаголов обнаруживается презумпция нахождения в контексте локативного параметра, которой нет у позиционных. При погружении в ситуацию дистрибуции эта связь

препятствует построению множества выбора. Наличием связи между локативным параметром и участником также объясняется запрет на отрицание при позиционном глаголе, в отличие от утвердительных примеров: *В каждом углу валялось по куртке* – vs. – **В каждом углу не валялось по куртке*.

Но если посмотреть на схему конструкции с локативным параметром, то она отвечает схеме бытийного предложения локатив+предикат+субъект, предложенную Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяевым [Арутюнова, Ширяев 1983]. Поскольку бытийность предполагает статику, в этих конструкциях невозможно употребление динамических предикатов. При этом возможно употребление статических глаголов (положения в пространстве), поскольку семантическое согласование между предикатом и семантикой синтаксемы (количество предполагает бытийность, которая в свою очередь предполагает статику) не нарушается. Этим же можно и объяснить невозможность отрицания глагола со значением положения, поскольку в этом случае отрицается бытие вещи, что входит в противоречие с количественной семантикой дистрибутивной синтаксемы.

Подобное объяснение согласуется и с объяснением Ю. Л. Кузнецовой, рассматривающей бытийность и хабитуальность как особые ситуации, в которых возможна дистрибутивная синтаксема в роли субъекта. Таким образом, при бытийной и хабитуальной интерпретации возможно употребление в дистрибутивной конструкции агентивных глаголов, поскольку они частично теряют свою агентивную семантику, а участники образуют единое множество, из которого возможен выбор (он еще не определен).

Итак, анализ показал, что дистрибутивная множественность — это вторичная множественность, имеющая двойную обусловленность, которая проявляется в особой синтаксической конструкции. В основе монопредикативных конструкций находится дистрибутивный глагол. Полипредикативные конструкции могут образовывать как дистрибутивные глаголы, так и дистрибутивные синтаксемы (которые могут выступать в трех синтаксических ролях: в изолированном употреблении, в качестве компонента предложения и в качестве компонента словосочетания при глаголе). При этом дистрибутивное значение во втором типе может накладываться на другие роли (субъектную, объектную, темпоральную, локативную, результата, меры и способа действия), однако оно не будет вытеснять основного значения, но будет надстраиваться над ним. Кроме того, на дистрибутивную конструкцию накладываются бытийность, квалитативность и категория определенности/неопределенности.

5.3 Выбор согласования сказуемого в конструкции с количественно-именным подлежащим

Другим примером реализации категории количества на уровне предложения будет наличие/отсутствие согласования в числе между словами (или словосочетаниями), обозначающими субъект, и предикатом.

Если обратиться к НКРЯ¹²⁹, то более частотными будут конструкции, которые можно схематически изобразить следующим образом: локатив+предикат+количественно-именное сочетание. Данная схема отсылает к схеме бытийного предложения Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяева, о которой речь шла в предыдущем разделе. Кроме того, как правило, к началу текста будут тяготеть предложения с предикатом в среднем роде единственном числе.

Бытийное предложение связано еще с одной темой — выбор перспективы, т.е. точки зрения (или фокуса внимания), с которой рассматривается данная ситуация. Для разграничения бытийных и декларативных предложений В. Б. Борщев и Б. Х. Парти [Борщев, Парти 2002] предложили рассматривать ситуацию либо с точки зрения МЕСТА, либо с точки зрения ВЕЩИ. В данной работе вместо ВЕЩЬ используется ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО (далее ДЛ). Если в фокусе внимания находится МЕСТО, то все происходящее будет мыслиться как единое нерасчлененное представление о действии, следовательно, важно будет само действие, а не субъект действия. Поэтому здесь и будет происходить «обезличивание» субъекта и, соответственно, ДЛ будет мыслиться как обобщенная, собирательная множественность субъекта. Отсюда выбор формы единственного числа. Что касается противопоставления личного/неличного субъекта, то эти конструкции скорее будут нейтральны к нему, так как важно само действие.

- *Восьмой раз на Черноморском побережье Кавказа в Сочи проводится «Пленэр – открытый воздух общения» для детей художников Юга России. <...> В Сочи **выехало пять лучших воспитанников** школ искусств и детских художественных школ из Астрахани, Ахтубинска, Харабали и Икрыного. [Интернет-ресурс, URL: <http://www.astrakhan.ru/?content=news-item&id=36229>¹³⁰]*
- *В Ульяновске на ул. Скринского, 7 произошел пожар жилого дома. <...> **На место происшествия выехало еще две пожарные машины.** [24.12.2010 11:23 / Происшествия / Евросми]*

129 Дата обращения 06.03.2018.

130 Дата обращения 06.03.2018.

- *Случилось так, что в прошлом году в воскресную школу пришло пять девочек...*
[Интернет-ресурс, URL: <http://orthodox.etel.ru/2004/35/8newucheb.shtml>¹³¹]

В этих примерах нам дается МЕСТО и что в нем происходит, сами ДЛ не так уж важны.

Когда же в фокусе внимания выступает именно ДЛ, то важно именно поведение его в ситуации, связанные с ним действия или его состояния. Следовательно, не происходит «обезличивание» субъекта, важно, что он активно действует, что он личный, отсюда множественность мыслится как расчлененная, дискретная.

- *Проехав еще около получаса, мы поравнялись с прекрасным садом, и внезапно из-за густых низких пальм навстречу нам **выехали пять всадников** на маленьких арабских лошадаках. Все они, встретясь с нами, сошли с лошадей, встали на колени и поклонились И., коснувшись земли своими тюрбанами.* [К. Е. Антарова Две жизни]
- *Вчера ко мне **пришли пять солдаток** за советом — что им делать? — В волость ходили. Наругали, накричали. Нет, говорят, вам пособия, потому что за вашим обществом недоимок много.* [А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872-1887 гг.). Письмо первое (1878)]

Кроме того, на наличие/отсутствие согласования в числе между количественно-именным сочетанием и предикатом накладывается скрытая категория определенности/неопределенности, которая в русском языке тесно связана с бытийностью. Если предикат стоит в единственном числе, то субъект неопределенный: пять лучших воспитанников, две пожарные машины, пять девочек вообще, неизвестно кто они или какие они.

Во многих артиклевых языках выбор определенного артикля определяется дальнейшим контекстом, иными словами то, о чем говорят, известно слушающему именно по контексту, в котором употребляется данное существительное. Точно так же и в русских конструкциях. Множественное число сигнализирует об определенном субъекте, но эта определенность часто обуславливается последующим контекстом.

Влажным утром 1876 года, во время сбора винограда,

***Выехали из Яффо пять всадников** на конях:*

Штампфер и Гутман, Зерах Барнет и Йозель Мойше Саломон,

А с ним сабля в ножнах.

[Баллада о Йозеле Мойше Соломоне // пер. Тхарлева]

Здесь на определенность указывается дальнейшее перечисление имен собственных, кто именно выехал, отсюда *пять всадников* становятся определенными.

131 Дата обращения 06.03.2018.

Но чаще всего определенность субъекта подразумевается, исходя из экстралингвистических факторов, в этом случае это, как правило, рассказ о событии из личной жизни и до собственно рассказывания истории известны ее участники:

- *Однажды к нам в Международный союз музыкальных деятелей **пришли две женщины**, одна из которых была в монашеском облачении. Их проводили в мой кабинет. При знакомстве оказалось, что это настоятельница возрождаемого Новодевичьего монастыря мать Серафима со своей помощницей. Так я узнала эту удивительную русскую женщину. [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)]*
- *Старт конно-лыжному переходу был дан 23 февраля рано утром от Ивановского кавалерийского клуба имени С.М. Буденного. На улице шел снег и дул порывистый ветер. На Тейково **выехали пять всадников**, к седлам были привязаны по две веревки слева и справа, за которые держались лыжники. Командиром группы был назначен товарищ Теврюков. [М. Кузьмин Во славу конников Красной армии]*

Количественно-именное словосочетание может включать в себя собирательное числительное (*двое, трое, пятеро, семеро* и т. п.)¹³². Собирательность – это множественность, мыслимая как целое. К тому же собирательные числительные связаны с одушевленностью. Рассмотрим частотность примеров, где такое количественно-именное словосочетание сочетается с глаголом в ед. числе и с глаголом во мн.ч.¹³³:

числительное	глагол в ед.ч.	глагол во мн.ч.
двое	2825	7923
трое	1977	5382
четверо	857	1733
пятеро	378	550
шестеро	227	302
семеро	156	256
восьмеро	4	10
девятеро	5	6
десятеро	2	17

Как видно из таблицы, количество примеров с глаголом во мн.ч. для всех собирательных числительных больше, для малых числительных разница в несколько раз больше. Примечательно, что в примерах с глаголом в ед.ч. примерно в 75% случаев глагол находится в

132 В русском языке существует запрет на образование количественно-именного словосочетания, состоящего из собирательного числительного и личных имен типа **двое Вась*. Т. Е. Янко объясняет это тем, что собирательные существительные сочетаются только с личными именами, которые обозначают индивида, воплощающего в себе некоторый признак. Они служат маркером семантической оппозиции 'лицо'- 'имя'- 'тело', поэтому не способны сочетаться с именами собственными, именованьями ролей, функций и тел. В таких контекстах предпочитается количественные числительные [Янко 2002: 176-180].

133 Дата обращения 21.04.2018.

препозиции для всех собирательных числительных. Что касается примеров с глаголами во мн.ч., то для малых числительных вариантов с препозицией и глаголом примерно такое же количество, что и с постпозицией ($\approx 45\%$ к 55%), а с большими числительными (пятеро и далее) – примеров с глаголом в постпозиции больше: соотношение примерно 60% к 40% .

Итак, анализ показал, что со множественным числом так или иначе в системе языка связаны агентивность, индивидуальность, сосредоточенность на ДЛ и определенность, а с единственным числом — неагентивность, неиндивидуальность, сосредоточенность на МЕСТЕ и неопределенность. Причем речь идет о дискретной множественности. Собирательные или мыслимые как собирательные тяготеют к полюсу с единственным числом.

5.4 Мена падежей в отрицательной конструкции. Фактор количественности

5.4.1 Достаточно традиционным является вопрос мены В.п./Р.п. объекта и И.п./Р.п. субъекта при отрицании¹³⁴. В самой системе языка заложена возможность употребления как В.п., так и Р.п. при глаголе в объектном значении. В отношении мены И.п./Р.п. субъекта, с точки зрения категории количества, интересно отметить несколько фактов:

- Ед.ч. субъекта является фактором, мешающим замене на Р.п. субъекта в отрицательных предложениях при форме предиката в ср.р. ед.ч. (*Нового сотрудника не принято – пример Е.В. Падучевой [Падучева 1997]).
- Мн.ч. субъекта для конструкции «стоять/висеть/сидеть + целеполагающий субъект» – фактор, требующий употребления генитивной конструкции. Примечательно, что в данном случае согласования по числу с предикатом не будет.
- Вынуждает употребление генитивной конструкции также наличие частицы *ни* и словосочетаний *ни один, никакой, ни единый, ни малейший* и под.

Рассмотрим примеры из НКРЯ¹³⁵ на глаголы, в семантике которых содержится сема ‘количество’:

1) <i>Один только орготдел штаба,</i>	<i>Третий пехотный полк наш</i>
<i>наверно, сотни людей насчитывал.</i>	<i>не насчитывает и трехсот</i>
[А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания»,	<i>штыков.</i> [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая (1928-1940)]

134 История изучения вопроса очень давняя, см. в частности [Томсон (1908) 2006; Карцевский 1928; Кузнецова 1963; Keil 1971; Падучева (1974) 2007, (1996) 2008, 2005; Chvany 1975; Birkenmaier 1979; Gladrow 1979; РГ 1980; Babby 1980; Граудина 1980; Ицкович 1982; Апресян 1985; Гловинская 1986; Красильникова 1990; Шелякин 1990; Арутюнова, Ширяев 1983; Граудина, Ицкович, Катлинская 2001; Борщев, Парти 2002; Guigaud-Weber 2003; Малышева 2004; Лутин 2008, Никитина 2014] и мн.др.

135 Дата обращения 07.08.2020.

2000]

- 2) *Так, экипаж «Т-34-85» с новой башней уже был «полноценным» и, как положено, **насчитывал пять человек**, хотя танкисты иногда отказывались от стрелка-радиста и воевали вчетвером (три башнера плюс механик-водитель).* [Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008)]
- 3) *Поначалу в ее штате **числилось три десятка человек**.* [Александр Волков. Приватизация космоса // «Знание-сила», 2013]
- 4) *Начинали фактически с нуля — в штате **числилось девять человек**, а первая прибыль составила 122 тысячи рублей.* [Вячеслав Чворо. Объединять, чтобы двигаться вперед! (2004) // «Континент Сибирь» (Новосибирск), 2004.12.17]
- ...армия в Маньчжурии была довольно слабая, **не насчитывала ста тысяч человек** и была разделена на несколько отдельных отрядов, которые перекрывали разные участки, где, по мнению русского командования, японцы могли высадиться на берег.* [Григорий Зеленко. Россия в Маньчжурской операции // «Знание - сила», 2005]
- Никаких** политических **вин** за ними **не числилось**, и небольшими группами они стали покидать лагерь.* [А. И. Делианич. Вольфсберг-373 (1945-1960)]
- Больных и раненых** в деле почти **не числилось**, забот у Таи пока не было... [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)]*

Как видно из примеров, в отрицательных предложениях при количественных предикатах В.п. и И.п. последовательно заменяется на Р.п. Таким образом, замена на Р.п. поддерживается количественной семантикой: некоторое количество, часть, совокупность.

Кроме того, вопрос мены В.п./Р.п. объекта и И.п./Р.п. субъекта оказывается связан с классификацией падежей: Р.п. относится к синтаксическим или семантическим падежам?

Е. Курилович относил Р.п. к синтаксическим падежам, поскольку в приименной позиции он заменяет другие синтаксические падежи: *убийство врага* образовано от *убивать врага* (Р.п. заменяет В.п.), а *уход племса* – от *племс уходит* (Р.п. заменяет Им.п.) [Курилович 1962:195-196].

В древнерусском языке Р.п. мог употребляться при глаголах совершенного и несовершенного вида самых разных тематических классов. На примерах в исторических памятниках письменности А. В. Малышева ([Малышева 2004]) показывает, что данные падежи не были полными семантическими дублетами, они могли маркировать аспектуальные

противопоставления: Р.п. маркировал подготовительную стадию, отсутствие результата, имперфективные, дуративные и хабитуальные значения, а В.п. – результирующую стадию, результативные и перфективные значения (см. §4 Первой главы).

Еще одним доказательством того, что замена на Р.п. поддерживается количественной семантикой, является историческое развитие Р.п. Именно эта дополнительная количественная семантика и привела к специализации объектного Р.п., что в ходе развития языка, особенно после оформления категории вида в русском языке, привело к сужению контекстов его употребления, по крайней мере в литературном языке.

В современном русском литературном языке вне контекста отрицания Р.п. с количественно-объектным значением возможен только при глаголах совершенного вида определенных тематических классов: глаголы физического восприятия и передачи (*дать, купить, выпить, съесть*), перемещения (*принести, привезти, доставить*), глаголы, обозначающие приготовление еды (*заварить, испечь, сварить*), глаголы со значением ‘поместить куда-нибудь, во что-нибудь’ (*налить, насыпать*).

А. П. Томсон [Томсон 1902], А. М. Пешковский [Пешковский (1935) 2001], А. В. Бондарко [Бондарко 1992] рассматривали, в частности, оппозицию В.п./Р.п. как средство выражения категории определенности/неопределенности. Они считали, что неопределенность выражает Р.п., а определенность – В.п.:

Он написал отцу, что матери плохо живется в Н., она болеет, устала, и чтобы отец прислал ей вызов и денег на дорогу. Деньги она отдаст, вернувшись в Ленинград и продав что-нибудь из мебели. [В. Ф. Панова. Володя (1959)]

В первом предложении *деньги* упоминаются в первый раз, поэтому объект выражается Р.п. Во втором предложении, при повторе существительного – уже форма В.п. для объекта.

В русском языке определенность/неопределенность связана с категорией количества: множественное число связано с неопределенностью. Таким образом, мена В.п./Р.п. как выразитель определенности/неопределенности соответственно также доказывает, что Р.п. предпочитается в том случае, когда есть добавочное количественное значение.

В отношении мены В.п./Р.п. объекта при отрицании правило формулируется следующим образом: при наличии отрицания при переходном глаголе В.п. прямого объекта заменяется на Р.п. Его сформулировал еще М. В. Ломоносов в своей грамматике. Однако уже в XIX веке началась активная экспансия В.п., которая продолжается до сих пор. Выдвигались несколько предположений выбора того или иного падежа в отрицательной конструкции: Р.п. свидетельствует о безразличии к объекту; В.п. связан с независимым существованием объекта, Р.п. входит в непосредственную сферу отрицания, т. е. неразрывно связан с глаголом; В.п. маркирует конкретные объекты (конкретно-референтные имена, имена собственные), Р.п. –

объекты отвлеченной семантики, является показателем неопределенности. Однако многие исследователи сходятся в том, что нет единой устойчивой нормы употребления того или иного падежа в предложениях с отрицанием, в большинстве примеров допускается употребление обоих падежей без существенной семантической разницы. Можно говорить о развитии тенденции вытеснения Р.п. из сферы беспредложного глагольного употребления, «связанную с отмиранием объектной функции РП и кристаллизацией прямообъектного значения ВП» ([Лутин 2008: 355]).

В современном русском языке тенденциямены В.п./Р.п. объекта при отрицании сохраняется для непредметных имен: *не видеть повода, не заслуживать уважения, не вызывать сомнений, не иметь признаков, не представлять угрозы, не терять оптимизма, не понимать мотивов, не превышать ошибок измерений, не замечать красот, не уступать позиций* и др. Предпочтение Р. п. характерно и для фразеологизированных конструкций: *не оправдал надежд, не знает оправданий, не имеет права, не вижу беды, не дает покоя, не играет роли, не имеет значения, не знает границ* и др. Закрепление Р.п. мн.ч. для существительных, не относящихся к *sg-tantum*, можно объяснить также попыткой избежать омонимии форм Вин. п. мн.ч. = Род. п. ед.ч.

5.4.2 Особым контекстом являются глаголы перцептивного восприятия типа *видеть* и *слышать*, а также ментальной сферы типа *знать, любить*. Эти глаголы обозначают такое «действие», которое не членится на фазы, а изменение состояния выражается другим производным глаголом или словосочетанием.

Уже в неотрицательных контекстах они проявляют свои особенности.

Для перцептивных глаголов типа *видеть* и *слышать*, если речь идет о реальных объектах, то независимо от формы числа объекта, на которое направлено действие, практически во всех случаях существительное будет иметь конкретно-референтный статус, а глагол — значение либо актуальное, либо узуальное:

- 1) *Я слышу пение; оно несется из окон соседнего дома.* [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]
- 2) *Видит корабли, и рвы, и дымы; слышит выстрелы пушечные.* [К. К. Вагинов. Звезда Вифлеема (1922)]
- 3) *Прошел версту, прошел другую, видит мост* через овраг, за мостом дорога на две стороны расходится. [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874)]

Когда же речь идет об объекте не из реального мира, то глаголы *слышать* и *видеть* обозначают характеристику субъекта, становясь квалитативными, ср.: *видеть картину/картины — видеть призраков, слышать звук/звуки — слышать потусторонние звуки/голоса*. Причем для квалитативного значения характерно именно множественное число

объекта, поскольку при единственном будет подчеркиваться акциональность: *Она увидела в зеркале призрака.*

То же характерно для глаголов, обозначающих чувство человека. Эти глаголы могут означать не конкретное состояние человека, а его характеристику. В данном случае предпочтение тоже будет отдаваться существительным во множественном числе, кроме того, значение может усиливаться за счет таких слов, как *всегда, весь/все, никогда, никто* etc.:

- 1) *Очень рад; я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь.* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]
- 2) *Любит всех, любит врагов своих, кажется, мухи не обидит, а вот может убить.* [Д. С. Мережковский. Александр Первый (1922)]

При соединении с абстрактным или вещественным существительным глаголы типа *любить, видеть, знать* становятся вневременными, качественными: *Сельдерей любит соль.* [Это полезно // «Даша», 2003]. См. также пример из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: *Но если б не страдали нравы, / Я балы б до сих пор любил.*

В отрицательных контекстах качественность также должна быть поддержана, маркируется она тем, что предпочтение отдается Р.п., тем самым отрицание распространяется на всю конструкцию, а не только на глагол, частица *не* оказывается связанной по смыслу еще и с прямым объектом:

- 1) *Мертвые уши их не слышат игры на Божьем рояле, и потому жизнь их физиологична, а смерть бесплодна.* [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996]
- 2) *Видно, ислам не любит вольностей ни в чем.* [Михаил Гиголашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко (2006) // «Нева», 2008]

В данных примерах Р.п. привносит количественное значение: *никакой игры, никаких вольностей.* Данные глаголы приближаются к бытийным, и в отрицательных контекстах отрицается бытие вещи в мире. *не слышат игры* = *не знают Божьего слова, живут бездуховной жизнью*; *не любит вольностей* = *не признает, не допускает вольности.* Ср. схожее значение у глаголов *видеть/знать*, употребленных в непрямом значении, при них в отрицательных контекстах существительное также стоит в Род. п. (*не видел ласки* = *не знал ласки* = *не было ласки* (его не ласкали):

- 1) *Не говоря уже о первой женитьбе, где я не видел ласки и нежности.* [Владимир Шахиджаниян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 501-1001) (1999)]
- 2) *Мальчик, приученный своим воспитателем к суровой сдержанности, не знал ласки.* [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950-1951)].

Итак, в качественных конструкциях указанные глаголы теряют свое первоначальное значение, для прямого дополнения предпочтение отдается множественному числу существительного, а в отрицательных контекстах – Родительному падежу, поскольку в русской падежной системе именно он является выразителем количественного значения, а Винительный падеж является маркером конкретных, определенных существительных.

Мена И.п./Р.п. субъекта при отрицании не была обязательной в древнерусском языке, напротив, мена на Р.п. – результат постепенного развития языка. С темой мены И.п./Р.п. субъекта при отрицании связана проблема разграничения декларативных и бытийных предложений, когнитивное представление ситуации, т. е. выбор фокуса внимания (МЕСТО или ДЛ), и роль Наблюдателя/Эксперимента/Субъекта сознания. Для современного русского литературного языка правило формулируется следующим образом: в бытийных предложениях с отрицанием подлежащее выступает в Р.п., при этом в предложении присутствует один из компонентов: отсутствие в Мире (экзистенциальный) или в восприятии, перцептивном пространстве Субъекта сознания (перцептивный). При сохранении И.п. субъекта в отрицательных предложениях отрицается не само подлежащее, а его деятельность, т. е. фокус внимания на ДЛ.

В рамках коммуникативной грамматики русского языка Г. А. Золотовой проблема мены падежей обуславливается не столько семантикой глагола, сколько семантико-синтаксической функцией. При выборе Р.п. глагол оказывается компенсатором, функция которого – восполнять значение всей предикативной конструкции, являясь оператором появления существительных. Глагол теряет свою семантику и приближается к глаголам-связкам и бытийным глаголам.

Нереферентность, неопределенность и мн.ч. имени, таким образом, предопределяет Р.п. с его количественным значением и «неполноценный», утративший свою глагольную семантику предикат, глагол-компенсатор. Поэтому он «пропускает» отрицание и распространяет его действие на имя, будь то подлежащее – при замене И.п. на Р.п., или объект – при замене В.п. на Р.п. В случае мены И.п./Р.п. субъекта можно говорить о существовании грамматического правила, поскольку обязательным условием генитивной конструкции является употребление только «семантически пустых», «слабых» глаголов, т. е. потерявших свое исходное значение. В случае мены В.п./Р.п. объекта речь идет, скорее, об утрачивающейся в современном русском языке тенденции: Р.п. сигнализирует о более тесном взаимодействии имени и глагола, когда отрицание подчеркивается и усиливается (особенно в сочетании с частицей *ни* и отрицательными местоимениями типа *ничто, никакой*).

Все это подтверждает выводы Е. Н. Никитиной [Никитина 2014: 302-303] о том, что Р.п. соединяет свойства синтаксического и семантического падежа: с одной стороны, он маркирует определенную функцию в конструкции, а с другой – связан с определенными ограничениями на категориальную семантику предикативного и именного компонентов, обусловленными значением количественности, свойственным этому падежу.

Выводы по второй главе

1) Материал показал, что количественное значение может быть выражено разным вкладом глагольного и именного компонентов.

В первую очередь, речь идет о базовой модели предложения – количественные предложения. Г. А. Золотова к такому типу относил конструкции, характеризующиеся наличием синтаксемы *Род. беспредложный количественный* в качестве предизируемого компонента и числительного или другого количественного слова в качестве предизирующего. Однако анализ показал, что понимание количественных предложений должно быть расширено: *Студентов – пять => Студентов в группе пять => В группе пять студентов => В группе насчитывается пять студентов => Группа насчитывает пять студентов*. В ходе анализа для этой количественной конструкции были выявлены следующие характерные черты:

(а) Базовое значение – точное количество, однако оно может быть модифицировано в аппроксимативное или дистрибутивное.

(б) В качестве предизируемого компонента может быть не только *Род. беспредложный количественный*, но и синтаксема *Им.п.*, но заполняться она должна неконкретными, неодушевленными существительными, в этом случае в качестве предизирующего компонента выступают неизосемические глаголы.

(в) Глаголы в количественных предложениях с ослабленным лексическим значением, потерявшие отчасти собственно глагольное значение. В семантику таких глаголов входит сема 'количество'. К таковым, например, относятся глаголы типа *числиться, насчитываться, содержаться, иметься* (в каком-то количестве), *достигать, (не) хватать, (не)доставать, равняться, соответствовать, состоять, составлять, слагаться* и под., а также количественного изменения типа *возрасти, повыситься, превысить, преуменьшить, преувеличить, снизить, сократить, увеличить, умножить, уменьшить* и мн. др. Такие глагольные предикаты неизосемичны, т. е. не выражают значения 'действия', 'движения', соответственно, не описывают развития ситуации во времени, даже в случае характеристики динамики процесса, речь идет о заданной ситуации, констатирующей количественное изменение.

(г) К количественным синтаксемам, которые образуют количественную конструкцию предложения, относятся синтаксемы *Им. предикативный количественный, из + Род., в + Вин., на + Вин.* (для обозначения точного количества), *под + Вин., с + Вин., за + Вин., до + Род.* (для обозначения приблизительного количества), *по + Вин.* или *по + Дат.* (для дистрибутивного значения, при этом дистрибутивная множественность требует поддержки – обозначение совокупного множества, из которого производится выборка). В самой именной синтаксеме

количественное значение может выражаться по-разному: либо морфологически – категорией числа, либо лексически.

Сама конструкция *предикат + количественная синтаксема* нацелены на выражение аналитического количества, где основное значение заключено именно в имени, а не в глаголе. При этом в конструкциях со значением количественной характеристики совокупности предметов или измеряемого признака эти глаголы коррелируют с безглагольным обозначением количества: *Население страны достигло двадцати миллионов человек — Население страны около двадцати миллионов человек; Команда насчитывает десять человек — В команде десять человек.* В конструкциях со значением количественной характеристики динамики процесса глаголы в меньшей степени семантически недостаточны, поскольку значение включает не столько идею количества, сколько именно количественное изменение, хотя в некоторых случаях корреляция с безглагольным обозначением количества относительно возможна (ср. *скачок на 5 пунктов*).

2) Анализ также показал, что, кроме основного значения в семантике корня, количественное значение у глагола может быть деривационным – заключаться в семантике приставки или в переносном значении глагола (например, *сыпать вопросами, ронять слова, бросаться обвинениями*). Анализ показал, что такие глаголы сохраняют свое глагольное значение и участвуют в выражении количественного значения в предложении наравне с количественными синтаксемами. Они сочетаются с синтаксемой *Род.* и *Тв.* объектно-количественного значения и *на+Вин.* со значением частей целого в результате каузации.

3) Кроме указанных выше, была выявлена также группа отыменных глаголов, которая имеют валентность на множественный субъект. При этом множественность может выражаться морфологически (число существительного), лексически (собирательное существительное), синтаксически (однородные подлежащие, количественно-именные сочетания, сочетание именной синтаксемы *Им.п.* с синтаксемой *с + Твор.*).

4) В результате, были заполнены пропуски в таблице из п. 1.1 (жирным выделено то, что было добавлено):

Колич. знач.	Именные синтаксемы	Глаголы, сочетающиеся с количественными синтаксемами	Тип синт. отношения
I. синтаксемы со значением количественной характеристики предмета или действия	1) <i>Род. беспредложный</i> количественный (тип <i>b</i>)	- глагол типа <i>С достигать</i> , вспомогательный, с Род. количественной характеристики предмета, процесса (<i>достигать тридцати сантиметров, миллиона экземпляров</i>); - глаголы типа <i>С (не) хватать, (не)доставать</i>	$C \leftrightarrow b$
	<i>Род. беспредложный</i> количественный (тип <i>c</i>)	- глаголы с количественными приставками типа <i>В</i> : с приставкой <i>на-</i> в значении 'накопление результата': <i>надергать, накупить, наловить, напилить, напридумывать, нарасказать, нарвать, нарубить, насочинять, настрелять, натаскать, нахватать, нацедить</i> и мн. др; с несколькими количественными приставками, где <i>по-</i> усиливает другие приставки: <i>понаварить, понакупить, понарасказать, пообъездить, поистрелять</i>	$B \rightarrow c$
	2) <i>Твор. объектно-количественного</i> значения (тип <i>c</i>)	- глаголы типа <i>В полниться, наполняться</i> , а также глаголы с приставками, привносящими количественный оттенок полноты типа <i>В (засыпать, усыпать, завалить, забросать, заставить</i> и др.), употребляются с <i>Твор. объектно-количественного</i> значения (<i>наполниться туманом, страстью, набить дровами, забросать цветами, завалить книгами, покрыться паутиной</i>)	$B \rightarrow c$
	3) <i>под + Вин., с + Вин., за + Вин.</i> (тип <i>b</i>), <i>до + Род.</i> (тип <i>a</i>) для обозначения приблизительного количества	[Способны вступать в синтаксические отношения и с глаголами закрытой типа <i>A</i> , и глаголами открытой семантики типа <i>B</i> и <i>C</i> . Значение приблизительного количества заключено именно в именной синтаксеме, которая и формирует аппроксимативную конструкцию.] -для <i>до + Род.</i> : 1) глаголы <i>насчитываться, числиться, иметься, содержаться</i> – в бытийных предложениях; 2) переходные глаголы	все типы синтаксических отношений
	4) * <i>Им. предикативный</i> количественный (тип <i>b</i>) (в отдельный тип в словаре не выделен, но о нем идет речь в разделе	[<i>В количественных конструкциях, сюда, как правило, относятся глаголы типа насчитываться, числиться, иметься, содержаться</i> – в бытийных предложениях]	$C \leftrightarrow b$

	об обусловленной синтаксеме <i>Род.</i> <i>количественный</i> в таких конструкциях, как <i>книг – сотни, всех болезней четыреста четыре</i> и т.п.)		
II. синтаксемы со значением меры	1) <i>Род. беспредложный</i> в конструкциях, выражающих оценку соответствия (тип <i>b</i>)	- глаголы, выражающие оценку соответствия типа <i>C</i> с <i>Род. меры</i> соответствия (<i>стоит тысячи бойцов</i>)	$C \leftrightarrow b$
	2) <i>до + Род.</i> для характеристики размера предмета или исчисляемую меру величины, предел (тип <i>a</i>) при этом синтаксема должна быть выражены количественно-именным сочетанием	- глаголы с ослабленным лексическим значением типа <i>B</i> , такие как <i>дойти / доходить, довести / доводить, дорасти / дорасти, достичь / достигать, нарастить / нарастить, прибывать</i> (до какого-то уровня); - конкретного физического действия типа <i>B</i> , например: <i>жарить, нагреть / нагревать, накалить / накалять, прогреть / прогревать, раскалить / раскалять</i> и т. п.;	$B \leftrightarrow \rightarrow a$
	3) <i>до + Род.</i> для выражения полноты, исчерпанности действия и для обозначения каузированного интенсивностью действия состояния, качества (тип <i>a</i>) при этом синтаксема должна быть выражена непердметным существительным или прилагательным	- глаголы, образованные приставочно-постфиксальным способом при помощи приставки <i>до-</i> и постфиксом <i>-ся</i> , они имеют значение ‘ <i>довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом</i> ’ (тип <i>B</i>): <i>добежаться, доболтаться, довоеваться, договориться, доиграться, докататься, докричаться, докупаться, докуриться, дописаться, допрыгаться, доскакаться, дотанцеваться, доторговаться, дочесаться, дочитать, дошутиться</i> и др;	$B \leftrightarrow \rightarrow a$
	4) <i>до+ Род.</i> для обозначения конечной точки меры расстояния, степени экспрессивности действия (отнесена к типу <i>c</i> , в отличие от Словаря). Как правило, в данном случае синтаксема заполняется	- при глаголах уничтожения типа <i>B</i> (<i>вытравить, изломать, изничтожить, искоренить, искрошить, истребить, истрепать, погибнуть, разорить, разрушить, съесть, уничтожить</i> и др.), изъятия, перемещения типа <i>B</i> (<i>выкорчевать, вынести, вытащить, переместить, перенести, переставить, перетащить, подобрать, убрать</i> и др.): <i>вынести до последнего листа, уложить до последнего человека, вынести до</i>	$B \rightarrow c$

<p>существительным в ед. числе, часто в сочетании с прилагательным <i>последний, единый</i>.</p>	<p><i>зернышка, подобрать до крошки.</i></p>	
<p>5) <i>от + Род.</i> для обозначения отправной точки меры расстояния</p>	<p>[В III функции, т. е. присловное употребление в качестве компонента словосочетания, синтаксема употребляется только в присубстантивной и приаъективной и приадвербиальной позиции.]</p>	
<p>6) <i>Дат. беспредложный</i> для обозначения отправного предмета сопоставления или высший в иерархии (тип <i>b</i>)</p>	<p>- глаголы, выражающие отношения соответствия, иерархии между предметами или явлениями (<i>равняться, соответствовать</i>)</p>	<p>$B \leftrightarrow \rightarrow b$</p>
<p>7) <i>Вин. беспредложный</i> для обозначения меры (тип <i>c</i>)</p>	<p>- глаголы типа <i>C</i> <i>весить</i> и <i>стоять</i> с <i>Вин. меры</i> (<i>стоит копейку, весит тонну</i>)</p>	<p>$C \leftrightarrow c$</p>
<p>8) <i>на + Вин., в + Вин.</i> для обозначения количественного показателя меры изменения признака (тип <i>b</i>)</p>	<p>- глаголы со значением уменьшения, увеличения типа <i>C</i> с синтаксемой <i>в + Вин.</i>, (<i>увеличиться в три раза, возрасти в десять раз, снизиться в пять раз</i>) для синтаксемы <i>на + Вин.</i>: - глаголы, обозначающие собственно протяженность в пространстве типа <i>C</i> (<i>виться, протянуться, тянуться, стлаться, стелиться, растянуться, расстилаться</i> и т. п.); - глаголы, обозначающие разницу в расстоянии типа <i>C</i>, сюда, в основном, относятся глаголы с приставками <i>вы-</i> и <i>от-</i> (<i>отстоять, выдвинуться, выдаваться, выпираться, выситься, выступить, отклониться, отступить, торчать</i> и т. п.); - глаголы, обозначающие направленное перемещение в пространстве типа <i>C</i>, как правило, с пространственными приставками <i>вы-, от-, пере-, про-, у-</i> (<i>выкатывать, вышибать, двигать, отбрасывать, отводить, отвозить, откидывать, относить, передвигать, перекатывать, переносить, перетаскивать, продвигать, проталкивать, сходить, увозить, удалять, утаскивать</i> и др.); ----- - глаголы, обозначающие характеристику</p>	<p>$C \leftrightarrow b$</p> <p>-----</p>

		явлений природы, существование которых невозможно без их звучания, и чей звук распространяется в пространстве типа <i>A</i> (<i>ахать, бахать, бухать, верещать, выть, гудеть, греметь, гроыхать, грохать, грохотать, гудеть, завывать, заливаться, звенеть, звонить, звучать, kloкoтaть, раздаваться, разливаться, свистеть, стонать, тархтеть, ухать, шуметь и т. п.</i>)	$A \leftrightarrow b$
	9) <i>в + Вин., на + Вин.</i> для выражения количественной разницы между действиями (тип <i>b</i>)	- глаголы со значением количественного изменения с синтаксемой типа <i>C на + Вин.</i> , (<i>подняться на пять метров, увеличиться на тысячу тонн, ускорить на неделю, повисить на пять процентов</i>)	$C \leftrightarrow b$
	10) <i>через + Вин.</i> для выражения пространственного и временного интервала (тип <i>a</i>): количественно-именные словосочетания; существительные в ед. или мн.ч.	1) глаголы местоположения, пребывания: <i>валяться, висеть, жить, значиться, идти, лежать, находиться, оказаться / оказываться, покоиться, произрасти / произрастать, пролежать, расположиться / располагаться, сидеть, стоять;</i> 2) глаголы действия: <i>затонуть, затормозить, стянуть, привозить, погасить (кредит), измерять, повторять и др.</i> 3) глаголы, передающие звуковой или зрительный образ: <i>лаять, бурлить, стонать, биться (в окно), слышаться, шмыгать, выть и др.</i>	$A \leftrightarrow a$
III. синтаксемы для обозначения частей, компонентов целого	1) <i>из + Род.</i> для обозначения собственно частей; способ заполнения (тип <i>a</i>): существительные преимущественно во мн.ч., количественно-именные словосочетания	- глаголы <i>состоять, составляться, слагаться</i> , вспомогательные, с партитивной синтаксемой <i>из + Род.</i> (<i>состоять из капель, слагаться из мгновений, составляться из кусков</i>) - глаголы, обозначающие создание, каузирование целого из частей типа <i>C</i> , с партитивной синтаксемой <i>из+Род.</i> (<i>складывать из грошей, собирать из блоков, слагать из строк, составлять из студентов</i>)	$C \leftrightarrow a$
	2) <i>в+Вин.</i> как результат каузации разделения предмета на части или уничтожения (тип <i>b</i>)	- глаголы, обозначающие разделение предмета на части или уничтожение типа <i>C</i> , преимущ. с приставками <i>раз-</i> и <i>из-</i> , с синтаксемой <i>в + Вин.</i> , называющей результат каузации (<i>рассыпаться в пыль, разбить в куски, изорвать в клочья</i>)	$C \leftrightarrow b$
	3) <i>на+Вин.</i> как результат каузации разделения предмета на части или	- глаголы, обозначающие процесс деления типа <i>C</i> , с синтаксемой <i>на + Вин.</i> , называющей части целого, получаемые в	$C \leftrightarrow b$

	уничтожения (тип <i>b</i>)	результате разделения (<i>рассыпаться на камни, разделяться на протоки, разлететься на куски, делить на группы</i>)	
IV. синтаксемы для обозначения совокупности, целого	1) <i>из + Род.</i> от личных имен во мн.ч. или от имени в ед.ч. со значением совокупности лиц (отнесена к типу <i>b</i> , в отличие от Словаря)	при глаголах, которые характеризуют субъект по происхождению или принадлежности к среде, к категории лиц, предметов типа С, например: 1) глаголы и словосочетания со значением 'происхождения': <i>выйти, быть родом, происходить</i> ; 2) каузативные глаголы со значением изменения социального статуса: <i>выбирать / выбрать, выбираться, выдвигать/выдвинуть, выдвигаться/выдвинуться, избирать/избрать, избираться, избраться, призывать / призвать, призываться / призваться, пробиваться (из низов), производить/произвести, разжаловать</i>	$C \leftrightarrow b$
	2) <i>из + Род.</i> для обозначения источника информации как целого, из которого выделяется, извлекается часть (тип <i>a</i>). При взаимодействии с категорией определенности/неопределенности – существительное во мн.ч.	- при глаголах, обозначающих извлечение информации типа С, например: <i>брать, взять (в значении 'извлекать откуда-либо, заимствовать'), выуживать, выяснять, доставать, заимствовать, знать, извлекать, набирать, помнить, постигать, почерпнуть, узнавать, черпать</i> и т. п.	$C \leftrightarrow a$
	3) <i>от + Род.</i> для обозначения целого (тип <i>a</i>)	- глаголы, обозначающие отделение целого от части типа С, преимущественно с приставкой <i>от-</i> (<i>отрезать лопот от буханки, отломить кусок от пирога, отпороть рукав от куртки</i>)	$C \leftrightarrow a$
	4) <i>к + Дат.</i> для обозначения дополняемого частью целого (тип <i>a</i>)	Глаголы с семантикой принадлежности, присоединения типа С, преимущественно с приставкой <i>при-</i> (<i>принадлежать к группировке, присоединиться к компании, добавить к сказанному</i>)	$C \leftrightarrow a$
	5) <i>в + Вин.</i> как результат каузации соединения частей в целое (тип <i>b</i>)	- глаголы, обозначающие соединение частей в целое, преимущественно с приставкой <i>с-</i> , с синтаксемой <i>в + Вин.</i> , обозначающей результат каузации соединения типа В (<i>смешаться в кучу, сгребать в груды, укладываться в строки</i>)	$B \leftrightarrow \rightarrow b$
	6) <i>в + Вин.</i> , выражающаяся именами в форме архаического	<i>в + Вин.:</i> - непереходные глаголы: а) целенаправленного перемещения	$C \leftrightarrow b$

	вин.пад., совпадающего с имен.пад., во мн.ч., [нередко сочетается с <i>из+Род.</i> в фазисной модификации, в этом же значении совпадает с <i>в + Предл</i>]	<p>типа <i>С</i> (<i>идти, пойти, уйти, попасть, определиться, поступить</i>), б) желания или стремления типа <i>С</i> (<i>метить, хотеть, стремиться, готовиться</i>), в) соответствия норме, стандарту (<i>годиться, подходить</i>);</p> <p>- переходные глаголы связаны с семантическим полем выбора, отбора типа <i>С</i> (<i>выбрать, избрать, взять, принять, отдать</i>)</p> <p>-----</p> <p>Для <i>из+Род.</i> см. выше</p> <p>-----</p> <p><i>в + Предл.:</i> <i>бытийные глаголы: служить, быть (в солдатах); сидеть, ходить (в девках); остаться (в дураках)</i></p>	
V. синтаксемы для обозначения дистрибутивного множества	1) <i>по+ Вин.</i> или <i>по + Дат.</i> от количественных слов и сочетаний (тип <i>b</i>)	<p>- глаголы с приставкой <i>с-</i> со значением каузации соединения типа <i>С</i>;</p> <p>- глаголы с приставками <i>из-, о-/об-, пере-, по-, раз-</i></p>	$C \leftrightarrow b$
	2) <i>на + Вин.</i> (тип <i>b</i>) как критерий меры, количественной характеристики (дистрибутив как характеристика вместимости, объема)	(<i>не</i>) <i>хватает</i> типа <i>С</i> с синтаксемой <i>на + Вин.</i> участвует в организации конструкции со значением оценки соответствия между посессивным объектом и его субъектом-посессором либо другой мерой распределения (<i>хватать на каждого, на целое государство, на несколько вечеров</i>)	$C \leftrightarrow b$

5) Второй тип взаимодействия имен и глаголов в рамках категории количества – это взаимодействие категории числа существительного с категорией вида глагола. В этом типе отношений число существительного, во-первых, по-разному взаимодействует с частными, контекстными значениями совершенного и несовершенного вида, а во-вторых – число служит показателем категориального сдвига, о котором писала Е. В. Падучева, для тех глаголов несовершенного вида, которые в зависимости от контекста могут относиться к разным типам предиката.

б) Наконец, третий тип – это взаимодействие в определенных синтаксических условиях: количественные конструкции, отрицательные и противопоставление бытийных и декларативных предложений. Для этого типа взаимодействия характерно проявление скрытых категорий: бытийность, определенность/неопределенность, агентивность/неагентивность.

7) В результате во второй главе были рассмотрены следующие типы множественности: лексикализованная, выраженная морфемными, морфологическими и синтаксическими средствами. Для лексикализованной множественности в отношении семантико-морфологического взаимодействия имен и глаголов будет характерно семантическое согласование между компонентами синтаксической конструкции. С другой стороны, лексикализованное количество работает вне времени, и при взаимодействии именных и глагольных категорий количество и время оказываются противопоставленными. Таким образом, можно говорить о подавлении категорией количества категории времени.

В случае морфологических и синтаксических средств выражения взаимодействия именных и глагольных категорий значение количества, с одной стороны, связано с изменением действия во времени (как, например, в случае приставочных глаголов). С другой стороны, категориально-морфологическое взаимодействие будет характеризоваться рождением нового – переходом количества с течением времени в качество (написал картину – пишет картины). Анализ также показал, что категория количества оказывается сильнее других категорий (в частности, в дистрибутивной конструкции она преобладает, например, над локативным или темпоральным значением).

Именная множественность изначально связана с идеей счета и тем самым с квантором существования (посчитать или измерить можно только то, что существует). Поэтому в тех случаях, где основным носителем значения 'множество' выступает имя, будет подавляться глагольная семантика и соответственно проявляться бытийность, статика, обобщенность, квалитативность.

Внутриглагольная множественность не может существовать сама по себе, она требует поддержки либо в субъекте, либо в объекте, что выражается в обязательной валентности на множественный субъект или на множественный объект. Глагольная множественность связана с повторяемостью (во времени или пространстве), поэтому в тех случаях, где глагол является активным выразителем количественного значения 'множество' и/или не подавляется именем, будет проявляться динамика, агентивность, индивидуальность.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ТЕКСТЕ

Объяснительная направленность современных грамматических теорий предполагает выход за пределы синтаксических конструкций на уровень текста. Это значит, что понятие функции соединяет языковую единицу и текстовую стратегию автора.

Вид и время — это сопряженные категории, значение видо-временной формы глагола зависит от конкретного/неконкретного характера соотнесения высказывания с действительностью, с семантикой и референциальным статусом имен, входящих в предложение. В книге [Булыгина, Шмелев 1997: 112] предложено различать следующие статусы имен: род – класс (абстрактный класс) – индивид, инстант. Соответственно, глагольные категории, взаимодействуя с референциальной семантикой имени, образуют «суперкатегорию» пространственно-временной локализованности, которая соотносит семантику данного высказывания с текстом.

Для интерпретации грамматических категорий в тексте концепция коммуникативной грамматики использует понятие коммуникативного регистра речи. Для монологического текста наиболее характерны три регистра [КГРЯ 2004: 402-405]:

- 1) **репродуктивный** регистр, чья функция заключается в описании языковыми средствами фрагментов или событий действительности, непосредственно воспринимаемые говорящим/наблюдателем;
- 2) **информативный** регистр, коммуникативная функция которого – сообщение об известных говорящему фактах в отвлечении конкретно-временной длительности и пространственной отнесенности к субъекту речи;
- 3) **генеритивный** регистр, характеризующийся коммуникативной функцией обобщения, осмысления информации, соотнесения ее с универсальными законами, проецирования на общечеловеческое время.

В диалогическом тексте, кроме трех указанных регистров речи, используются средства **волюнтивного** и **реактивного** регистров.

Категория количества, выражаемая именными и глагольными средствами, по-разному обнаруживает себя в условиях каждого из пяти коммуникативных регистров речи. Кроме того, на уровне текста категория количества взаимодействует с такими категориями, как акциональность/неакциональность, оценочность, чуждость, что предполагает рассмотрение

предложений с количественным значением на фоне модели субъектной перспективы текста [КГРЯ 2004: 232].

Далее в главе будет продемонстрировано:

- (1) Взаимодействие глагольных категорий вида и времени с референциальным статусом и категорией числа существительного в информативном регистре на уровне тактики текста, когда средства выражения значения категории количества пронизывают все языковые средства.
- (2) Взаимодействие категории числа с видовым значением глагола в условиях совпадения субъекта говорящего с субъектом мнения, что привносит дополнительное оценочное значение и создает комический эффект.
- (3) Взаимодействие глаголов с количественными приставками с категорией числа существительного, когда повтор определенной приставки делает ее знаковой, таким образом она приобретает свой особый смысл и вырастает до символа.
- (4) Выбор согласования/несогласования по числу между подлежащим и сказуемым в начале текста или новой сцены обусловлен дальнейшей стратегией автора.
- (5) Взаимодействие количественно-бытийных предикатов с количественными синтаксемами в рамках квантитативных предложений, которые являются основой жанра текстовых задач в математике, а также взаимодействие неактуализованных и нелокализованных предикатов с референциальным статусом существительного для создания обобщенной ситуации, что является стилеобразующим фактором.

§ 1 Средства предъявления типичного в тексте: характеристика субъекта личного

Существуют тексты, в которых категория количества, служащая для создания образа типичного представителя, является текстовой тактикой и пронизывает все уровни организации текста. Для обоснования этого тезиса рассмотрим входящий в сборник «Неопалимая купина» М. Волошина раздел «Личины», который состоит из шести стихотворений, написанных в 1919 г. Пять из них в качестве заглавий имеют личные существительные («Красногвардеец», «Матрос», «Большевик», «Буржуй», «Спекулянт»). Особенность этих стихотворений состоит в том, что они названы существительными в ед. ч., а в самом тексте обращает на себя внимание преобладание показателей множественности.

Так, в стихотворении «Спекулянт» из 78 существительных 32 употреблены во мн. ч. (например: *Кипеть на всех путях, вползать сквозь все затворы, / Менять все облики, / Все масти, все оттенки; Осуществить мечту о превращении / Веществ, страстей, программ, событий, слухов / В золото, а золото – в бумажки; Пресуществлять за трапезой вино и хлеб /*

Мильонами пудов и тысячами бочек / В озера крови, в груди смрадной плоти и др.). Из существительных в ед. ч. 2 существительных употреблены в Род. ед. ч. с количественным значением (*в три дня, в два года*); 17 существительных входят в перечислительные ряды (*Быть торговцем, попом и офицером, / То русским, то германцем, то евреем; Играть на бирже / Землей и воздухом, водою и огнем*), что является синтаксическим выразителем множественности. Из оставшихся 6 имен собственных предполагают соотнесение с одним единственным, уникальным объектом (*Робин, Ростов, Одесса, Россия, Европа, Босфор*).

Кроме того, в тексте много лексических средств, имеющих квантификационное значение. Сюда относятся числительные (*один, два, три, четыре, сорок, сто, тысяча, миллион*), существительные (*град, пуд, гряда*) и прилагательное (*тучнейший*), в семантику которых входит идея количества, а также определительное местоимение *весь*, служащее выразителем квантора всеобщности:

- 1) *Менять все облики, / Все масти, все оттенки; Владеть всей властью магии.*
- 2) *При всех режимах быть неистребимым, / Всепроникающим, всеядным, вездесущим*

Во втором примере кванторное местоимение входит в состав сложного прилагательного.

Наконец, здесь используются глаголы, предполагающие множественность: *кишмя кишеть, расплзтись* – множественный субъект; *менять, жонглировать* – множественный объект; *замызгать, заплевать, загадить* – как правило, весь объект полностью. Также употреблен глагол *удорожить*, означающий количественное изменение, который предполагает валентность на синтаксему со значением количественного показателя меры изменения признака, в данном тексте глагол взаимодействует с синтаксемой *в + Вин.* (*Удорожить в четыре, в сорок, во сто*).

Примечательно, что в стихотворении нет глаголов в изъявительном наклонении, большинство употребляются в инфинитивной форме, при этом из 27 инфинитивов 11 СВ и 16 НСВ (*кишеть, шнырять, шмыгать, кипеть, вползать, менять, быть каким-то, жонглировать, творить, зажигать, удорожать, пускать, сделать, владеть, играть на бирже, осуществить мечту, замести, рождать, превратить, осуществить, пресуществлять, распродать, замызгать, заплевать, загадить, опозорить, расплзтись*), остальные в именных глагольных формах (*везущий, оставив, ошмыганные*) или в качестве отглагольных прилагательных (*неистребимый, всепроникающий, всеядный, вездесущий, неуловимый, неосязаемый, былой, разверстый*).

Весь текст написан средствами информативного регистра, в рамках которого инфинитивные предикаты позволяют разорвать временные связи между отдельными событиями и представить деятельность спекулянта как обобщенный образ разных спекулянтов, совершающих разные действия в разных местах. Таким образом, смысл названия можно

прочитывать следующим образом: быть спекулянтом – это значит совершать подобные действия, в результате которых погибает империя.

Идея множественности в данном тексте связана с образом мелких паразитов, червей, насекомых, крыс – того, что существует в массе.

Второе стихотворение, в котором глаголы также представлены инфинитивами, а название, соединяясь с остальным текстом, начинает прочитываться как определение этого понятия, – «Красногвардеец». В этом стихотворении представлена судьба от успешного парадного начала до бесславной смерти в канаве.

Хотя ед. ч. настраивает на то, что перед нами судьба одного человека, тем не менее сам текст указывает, что существительное *красногвардеец* представляет собой имя класса, за которым стоит понятие множества, что позволяет поэту употреблять это существительное с глаголом *толпиться* (предполагающего множественный субъект) и словосочетаниями *врываться толпой, слоняться оравой*.

В стихотворении существительные в ед. ч. также имеют переносное значение – единственное «экземплифицирующее» (*Щупать замок штыком / Высаживать дверь прикладом*). Множественность выражается, кроме того, НСВ, поскольку описывается не однократное, а повторяющееся действие. Условием употребления единственного в значении множественного и НСВ как повторяющегося действия является информативный регистр, позволяющий говорящему обобщить разрозненные факты и представить их как типовое действие.

Наконец, значение множественности в «Красногвардейце» выражается мн. ч. существительных и дистрибутивной синтаксемой (*Забравши весь хлеб, о «свободах» / Размазывать мужикам. / Искать лошадей в комодах / Да пушек по коробкам*). После глагола *искать* существительное *лошадь* во мн. ч. прочитывается как Вин. одушевл., в то время как форма *пушек* может быть интерпретирована как Род. количественный.

В этом тексте 23 глагола в форме инфинитива, из которых 15 в НСВ и 8 в СВ. Преобладание НСВ указывает на многократность для одного человека и в то же время множественность субъектов (любой красногвардеец).

В стихотворении «Матрос» употребляются разные формы сказуемого, и композиция текста обнаруживается именно при смене формы сказуемого. Первые десять строк – это портретная характеристика матроса, написанная средствами информативно-описательного регистра, следующие четыре – характеристика его взглядов. Обе части представлены именными сказуемыми. Глагольные сказуемые появляются после союза *когда*, с которого начинается следующая часть композиции, содержащая характеристику деятельности матроса. Эта часть (19 строк) написана средствами информативного регистра, поэтому формы глаголов

изъявительного наклонения пр.вр. ед.ч. могут прочитываться и как общефактическое значение НСВ, и как прошедшее многократное. Несмотря на то, что первые три части связаны с ед.ч., последние два глагола в четвертой части идут во мн.ч. (*возьмем, передадимся*). Хотя текст представляет собой некий сюжет, из 22 глаголов только 5 в СВ, а 17 в НСВ.

Множественность будет задаваться в тексте тем, что матрос является частью экипажа (*Когда ж / Весь черноморский экипаж / Сорвал приезжий агитатор, / Он стал большевиком*), поэтому весь отрывок с преобладанием НСВ указывает на множественный субъект (так поступали все матросы). Условием совмещения общефактического и многократного значений НСВ оказывается информативный регистр, исключая описываемую ситуацию из актуального времени.

В стихотворении «Большевик» рассказывается о судьбе конкретного человека – М. Ф. Барсова (это задается уже в посвящении). Множественность будет связана с «другими». Она представлена формами мн.ч. существительных (*матросы, буржуи, пушки, добровольцы*), а также лексически (*стадо буржуев, вражеская рать*).

Особое внимание заслуживает следующий контекст:

Всем обращавшимся к нему

Он заявлял спокойно волю:

– *«Буржуй здесь мой, и никому*

Чужим их резать не позволю».

Автор употребляет сначала личное существительное в ед.ч. (*буржуй*), а затем в анафорической функции использует личное местоимение мн.ч. (*их*), в результате ед.ч. существительного в первом случае прочитывается в переносном значении как ед. «экземплифицирующее».

Схожее употребление присутствует в стихотворении «Буржуй». Весь текст описывает процесс создания определенного социального класса от момента «небытия» (*Буржуя не было, но в нем была потребность*) до того, как он начал действовать. Автор напрямую предьявляет нам, что буржуй – это собирательный образ, собранный, слепленный из разных «кусочков»:

Его [буржуя] слепили наскоро: из лавочников, из купцов,

Помещиков, кадет и акушерок.

Глагол с приставкой *с-* в значении ‘соединиться с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ сочетается с синтаксемой *из + Род. мн.* со значением ‘части, компоненты целого’. Кроме того, процесс создания буржуя как класса описывается глаголами СВ в перфектном значении, поскольку важен акцент на результате (*Тогда он сам поверил в свое существованье / И начал быть*).

В следующей части описываются действия, которые совершал буржуй. Из 19 глаголов 11 НСВ в неограниченно-кратном значении и 7 СВ в наглядно-примерном. Такое совмещение значений СВ и НСВ возможно благодаря информативному регистру, поскольку описываются действия многих субъектов (всех тех, кого отнесли к классу буржуев).

Наконец, в заключительной строфе прочтение личного существительного *буржуй* как имени класса предьявляется через определительное местоимение *каждый*, которое само указывает на обобщенный субъект, а также через местоимение мн. ч. *те*, которое подчеркивает, что за существительным в ед. ч. стоит множественный субъект:

*Так мыслит **каждый** сознательный буржуй.*

*А **те** из них, что любят русское искусство,*

Прибавляют, что, взяв Москву, они повесят сами

Максима Горького

И расстреляют Блока.

Все эти средства информативного регистра нацелены на создание обобщенного образа типичного буржуя, с одной стороны. С другой, выбор формы ед. ч. может быть связан с тем, что буржуй был воплощением концепта «общего врага», таким образом, все стихотворение становится описанием технологии пропаганды демонизации или дегуманизации врага в действии: продвижение идеи формирования общественного мнения через создание образа врага как агрессора, чтобы объединить вокруг себя союзников на борьбу с этим врагом.

Таким образом, каждое из пяти стихотворений описывает определенный социальный тип. При этом личные существительные, выраженные существительным в ед. ч., имеют родовой референтный статус. Данные стихи можно сравнить со стихотворением М. Цветаевой «Читатели газет».

Уже само название задает идею множественности через существительные во мн. ч. Далее в тексте она также выражается мн. ч. существительных, в том числе и окказиональных (*жеватели мастик, господа, глотатели пустот, клеветы, растраты, хвататели минут, чесатели корост, сыновья, смесители кровей, писатели газет, други*). Повтор существительных с одним и тем же суффиксом (*-тель*) при этом зрительно задает ряд. Кроме того, идея множественности выражается синтаксически через перечислительные ряды (*жвачный тик, газетный костоед; Кто – чтец? Старик? Атлет? Солдат?; ни черт, ни лиц, ни лет*) и через параллелизм конструкций (*Газет – читай: клевет, / Газет – читай: растрат. / Что ни столбец – навет, / Что ни абзац – отврат...*).

Значение количества выражается также через квантор всеобщности – определительное местоимение *каждый* (*и каждый – со своей газетой*) и сочетание местоимения *что* с частицей *ни* в значении «каждый» (*что ни столбец, что ни абзац*, т. е. каждый столбец или абзац).

В стихотворении немного глаголов, по сравнению с именами, – всего 13 (если не считать повтор глагола), из них 8 в НСВ и 5 в СВ, при этом НСВ не имеет значения описания конкретного факта, напротив, значение общефактическое, не привязанное к конкретному временному срезу.

Таким образом, М. Цветаева также стремится описать обобщенный образ, но обобщенность задается референциальным статусом класса, поэтому выбираются формы мн. ч., при этом поэтесса показывает разные типы, так или иначе связанные с газетами, – читатели газет и писатели газет. Выбор мн. ч. имеет еще одну функцию – подчеркнуть противопоставленность лирического я поэта и тех, о ком говорит.

Наконец, перечислительный ряд завершается еще одним классом – редактором газет:

Стою перед лицом

– Пустее места – нет! –

Так значит – нелицом

Редактора газет-

ной нечисти.

В этой строфе М. Цветаева графически разрывает прилагательное *газет-ной*, чтобы предьявить множественность – *редактора газет*, которую она задает уже в заглавии стихотворения и проводит эту идею через всю композицию текста. Поэтому ед. ч. существительного *редактор* прочитывается как единственное «экземплифицирующее».

В условиях генеритивного регистра возможны формы как ед., так и мн. ч. существительного в функции субъекта, однако формой ед. ч. подлежащего выражается еще большая степень абстрактности и обобщенности. В генеритивном регистре степень обобщения максимальная, поэтому оно не впускает аппроксимативную синтаксему.

Самый типичный пример этого регистра – пословицы и поговорки:

- 1) *Умный рассудит, а глупый осудит.*
- 2) *Умный человек — хозяин деньгам, а скупой — слуга.*
- 3) *Жадный глаз только сырой землей насытится.*
- 4) *Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу.*
- 5) *Драчливый петух жирен не бывает.*
- 6) *Горбатого исправит могила, а упрямого дубина.*
- 7) *Сытый голодного не разумеет.*
- 8) *Дареному коню в зубы не смотрят.*

Существительные в ед. ч. имеют родовой референциальный статус, глаголы как СВ, так и НСВ в настоящем или будущем времени не имеют конкретной пространственно-временной локализации. В генеритивном регистре субъект – максимально обобщенный, а предикат вневременного, или всевременного, характера.

В пословицах предпочтение отдается ед.ч., особенно для субъектной позиции. Так, были взяты 199 поговорок про дурака на сайте «Сборник народной мудрости»¹³⁶. В качестве субъекта в Им.п. существительное *дурак* (Им.ед.) употреблено в 84 пословицах, *дурень* (Им.ед.) – в 2 пословицах, *дура* (Им.ед.) – в 4, *дураки* (Им.мн.) – только в 8 пословицах, *дурни* и *дуры* не встречаются ни в одной пословице. Множественное число субъекта не дает той же степени обобщенности, как у ед.ч., оно скорее предполагает дистанцированность, а не включенность говорящего:

- 1) *Дураки на Руси в почете.*
- 2) *Дураки о добыче спорят, а умные разделили ее.*
- 3) *Дураки дают — умные берут.*
- 4) *Дураки часто осмеивают умных, умные же всегда дураков жалеют.*

Единственное существительное, которое довольно часто встречается в форме Им.мн. в качестве субъекта в пословицах, – это *люди*. Так, на том же сайте¹³⁷ было найдено 44 пословицы, где *люди* – субъект в Им.мн. Однако в данном случае речь идет об ослаблении лексического и приобретении отвлеченного значения (прономинализация), поэтому *люди* в пословицах – это скорее формальное подлежащее (как например, *тап* в немецком или норвежском языках), поэтому предложения с *люди* приближаются к неопределенно-личным предложениям:

- 1) *Люди пишут не пером, а умом.*
- 2) *Люди ссорятся, а воеводы кормятся.*
- 3) *Люди заставили, на ум наставили.*
- 4) *Люди говорят, зря не скажут.*

Итак, в информативном и генеритивном регистрах нет привязанности к определенной ситуации с конкретным хронотопом, поэтому значение числа у существительных будет переносным. В информативном регистре автор принципиально исключает себя из описываемой ситуации, поэтому в соединении со множественностью возникает отчуждение и отрицательная

136 Интернет-источник: <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-duraka/>, дата обращения: 12.08.2021.

137 Интернет-источник: <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-lyudej/>, дата обращения: 12.08.2021.

оценка. В генеритивном же степень обобщенности ситуации еще больше, поэтому форма ед. ч. включает также и говорящего: каждый, и я в том числе.

§ 2 Категория количества в описании места

2.1 Множественность в описании пространства

Множественность в описании пространства встречается в текстах, где речь идет, с одной стороны, о больших перекрестках, вокзалах, перевалочных пунктах, куда съезжается множество людей, а с другой – в описании мест сражения, где также участвуют большие массы народа. Пространственное значение связывает количественность, бытийность, локализованность.

2.1.1 У М. Волошина в раздел «Личины» одно заглавие представлено топонимом («Феодосия»). Если в стихах «Красногвардеец», «Матрос», «Большевик», «Буржуй», «Спекулянт» М. Волошин стремился описать конкретный тип, личину, порожденную революционным временем, то идея стихотворения, названного топонимом «Феодосия», другая: описать конкретное место в определенном временном срезе. Феодосия в тот период представляла собой оживленную перевалочную базу, поскольку здесь был международный порт, и сюда привозили разный товар, а также прибывали корабли с демобилизованными солдатами с Кавказского фронта. Чтобы передать этот образ, М. Волошин использует разные языковые средства с квантитативным значением.

Стихотворение композиционно можно разделить на две части. Первая часть (33 строки) – это описание столпотворения разных людей в Феодосии. Множественность передается обилием форм мн. ч. существительных (*дальние черноморские страны, солдаты, орехи, турчанки, рабы, народы, пароходы, бурки, халаты, пулеметы, итыки, румынские большевики, трапезундские солдаты, «семерки», «тройки», толпы, понятия, остатки*) и количественно-именными словосочетаниями, состоящими из существительного с количественным значением во мн.ч. и существительного в Род. п. мн. ч. (*Толпы одесских анархистов, / И анархистов-коммунистов, / И анархистов-террористов: / Специалистов из громил; Остатки большевицких сил*).

Кроме того, идея множественности выражается лексически: числительными (*сто, пятьдесят*), входящими в количественно-именные словосочетания; глаголами с количественной приставкой (*навезли, смешались*); переносным значением существительных – синекдоха, т. е. обозначение целого через его часть (*Мелькали бурки и халаты, / И пулеметы и итыки*); наконец, «Семерки», «Тройки», «Румчерод», / И «Центрослух», и «Центрофлот» – все это обозначение властей, т. е. множественный субъект. Кроме того, идея количества поддерживается через описание товарно-денежных отношений (*товар, продавать, торг, обозначение цены: сто рублей за пуд, пятьдесят за пару*).

Наконец, количественное значение поддерживается на синтаксическом уровне: перечислением однородных членов предложения (*Мелькали бурки и халаты, / И пулеметы и итыки, / Румынские большевики / И трапезундские солдаты, / "Семерки", "Тройки", "Румчерод", / И "Центрослух", и "Центрофлот", / Толпы одесских анархистов, / И анархистов-коммунистов, / И анархистов-террористов: / Специалистов из громил*); сочетанием глагола с количественной приставкой *навели* с синтаксемой *Род. количественный* (*Солдаты навели товару*), при этом предпочтение отдается второй форме Род.п. на -у, усиливающей количественное значение; синтаксемой *из + Род. мн.* со значением принадлежности к некой группе, классу (*из громил*).

Множественность поддерживается также видом: из 16 глаголов в этом отрывке 13 в НСВ, которые в условиях информативного регистра могут прочитываться и как общефактическое значение, и как прошедшее многократное.

Вторая часть (оставшиеся 20 строк) посвящена конкретному историческому факту – турецкий крейсер привез раненых солдат с Кавказского фронта, и в честь них был дан банкет. Множественность задается практически сразу: *Сменял оратора оратор*. Глагол *сменять* в значении ‘заменять другим’ уже в своей семантике предполагает множественность, которая здесь выражается сочетанием синтаксемы *Вин. беспредложный* с синтаксемой *Тв. беспредложный* со значением субъекта в страдательной модификации. Благодаря этой рамке оставшиеся строки прочитываются как повторяющееся действие: каждый выступающий начинал свою речь и заканчивал таким образом. В результате значение ед. ч. (*красноречивый агитатор*) начинает прочитываться как единственное «экземплифицирующее», а НСВ – в наглядно-примерном значении. Эта идея поддерживается также на лексическом уровне – определительным местоимением *каждый*, указывающим на обобщенный субъект (*И каждый с пафосом трибуна / Свой тост эффектно заключал*).

Несмотря на то, что в заключительных строках стихотворения субъект единичный, конкретный (*почтенный турок*), глаголы НСВ означают не единичное действие, а повторяющееся во времени: каждый раз, когда заканчивалось выступление, он вставал и произносил эти слова. Такое прочтение возможно благодаря информативному регистру, который был задан предшествующим контекстом.

Итак, все языковые средства в стихотворении «Феодосия» нацелены на создание образа особого локуса, в котором все смешалось и в котором движутся толпы людей.

Ту же стратегию видим в другом стихотворении М. Волошина – «На вокзале». Оно также входит в сборник «Неопалимая купина» и написано в 1919 г.

Вокзал – это тоже такое место, где пересекается большое количество людей. В первой строфе описывается, как люди спят вповалку на вокзале. Множественность задается уже с

первых строк синтаксически – перечислительными рядами локативных синтаксем: *на + Предл.*, *среди + Род.*, *в + Предл.* При этом данные синтаксемы, в основном, заполняются существительными во мн. ч. (*На узлах, тюках, одеялах / Среди корзин, сундуков, ларей, / На подсолнухах, на окурках, / В сермягах, шинелях, бурках, / То врозь, то кучей, то в ряд, / На полу, на лестницах спят*). Тем не менее все эти локативные синтаксемы характеризуют один вокзал. Далее описывается множественный субъект: *одни – другие*; однородные подлежащие: *тиф, холера, проказа, ненависть и любовь*; *Едят их поедом жадным / Мухи, москиты, вши*; личное местоимение во мн. ч.: *они*. Все глаголы в первой строфе – это глаголы НСВ в наст. вр. Благодаря обилию деталей, передающих зрительный образ, вся строфа может прочитываться в репродуктивном регистре как наблюдаемая ситуация.

Во второй строфе происходит обобщение до типичного подобного места, и это обобщение снова задается перечислительным рядом локативных синтаксем – *по + Дат.* с локативно-дистрибутивным значением, *у + Род.* с локативным значением, *из + Род.* с локативно-директивным значением (для характеристики лица по его происхождению из названного места), при этом синтаксемы заполняются существительными во мн. ч.: *Так спят они по вокзалам, / Вагонам, платформам, залам, / По рынкам, по площадям, / У стен, у отхожих ям: / Беженцы из разоренных, / Оголодавших столиц, / Из городов опаленных, / Деревень, аулов, станиц, / Местечек...* Количественное значение также выражается множественным субъектом, который, с одной стороны, выражается мн. ч. (*они, беженцы, мужики*), с другой – количественно-именным словосочетанием (*тысячи лиц*), наконец, синтаксически – однородными подлежащими, а также сочетанием синтаксем *Им. и с + Твор.* (*И социальный мессия, / И баба с кучей ребят, / Офицер, налетчик, солдат, / Спекулянт*). В последней строке строфы – еще больший уровень обобщения – *вся Россия*. Значение усиливается кванторным местоимением *весь*. Таким образом, глаголы НСВ в третьей строфе задают ситуацию обобщенного факта, и весь отрывок – характеристика России в этот сложный период времени.

Благодаря тому, что во второй и третьей строфах задается это обобщение, то и первая строфа может прочитываться как описание не конкретного, наблюдаемого, а любого вокзала вообще. И значение НСВ тогда будет не конкретно-процессное, а общефактическое. Такое совмещение значений возможно благодаря информативному регистру.

В результате локативная синтаксема *на + Предл.*, заполненная существительным в ед. ч. (*На вокзале*), в названии стихотворения может толковаться как описание конкретного вокзала, но может трактоваться и по-другому – на каждом/любом вокзале.

2.1.2 В качестве примера описания места сражения возьмем описание полтавской битвы в поэме А. С. Пушкина «Полтава» и бородинского сражения в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино». Для таких текстов характерно, что место описывается с максимально далекой

дистанции, когда охватывается все поле боя, при этом используются средства для описания множества, как существительные во мн.ч., так и в ед.ч. «экземплифицирующее (партикуляризирующее)».

Например, в описании полтавской битвы: *Полки ряды свои сомкнули. / В кустах рассыпались стрелки. / Катятся ядра, свищут пули; / Нависли хладные штыки. / Волнуясь, конница летит; / Пехота движется за нею / И тяжелой твердостью своею / Ее стремление крепит.* Здесь из 11 существительных 7 во мн.ч., 4 существительных в ед.ч., при этом два из них собирательные (*пехота, конница*) и два – абстрактные, не имеющие мн. ч. (*твердость, стремление*). Кроме того, в данном отрывке 3 глагола СВ в перфектном значении (акцент на результате) и 5 НСВ в неограниченно-кратном значении. В другом отрывке, напротив, используется ед.ч.: *Швед, русский – колет, рубит, режет. / Бой барабанный, клики, скрежет, / Гром пушек, топот, ржанье, стон, / И смерть и ад со всех сторон.* Несмотря на то, что здесь из 13 существительных 10 в ед.ч., но при этом 2 из них употреблены в переносном, «экземплифицирующем (партикуляризирующем)» значении (*швед, русский*), 5 описывают различные звуки, присущие бою (*скрежет, гром, топот, ржанье, стон*), а 2 – абстрактные (*смерть, ад*). Все три глагола в НСВ в неограниченно-кратном значении.

То же характерно и для описания бородинской битвы: *Сквозь дым летучий / Французы двинулись, как тучи, / И все на наши реду. / Уланы с пестрыми значками, / Драгуны с конскими хвостами, / Все промелькнули перед нами, / Все побывали тут. / Вам не видать таких сражений!.. / Носились знамена, как тени, / В дыму огонь блестел, / Звучал булат, картечь визжала, / Рука бойцов колоть устала, / И ядрам пролетать мешала / Гора кровавых тел.* В этом отрывке из 19 существительных 12 во мн.ч., существительное *картечь* – собирательное, означающее мелкий снаряд; *булат, рука* употреблены в ед.ч., но значение переносное – «экземплифицирующее (партикуляризирующее)». Множественность выражается также мн.ч. определительного местоимения (*все*), количественно-именным словосочетанием (*груда тел*). Из 12 глаголов 4 СВ, три из которых в наглядно-примерном, перфектном значении (*двинулись, промелькнули, побывали*), а один означает фазисную модификацию (*устала*), 8 НСВ в неограниченно-кратном.

Все эти средства относятся к информативно-описательному регистру, служат для создания образа большого множества, сконцентрировавшегося в одном месте (на поле сражения), но при этом такая множественность не статичная, полки постоянно движутся, мелькают, поэтому для таких текстов характерна перцептивная лексика, связанная как со зрительным восприятием, так и слуховым.

2.2 Средства создания типичного в описании места (на материале «Невского проспекта» Н. В. Гоголя и «Петербурга» А. Белого)

Тема Петербурга является традиционной для русской литературы, к ней обращаются многие писатели и поэты, поэтому будет интересно сравнить те языковые средства, которые используют разные авторы для создания образа Петербурга. Рассмотрим особенности построения текста на примере рассказа «Невский проспект» Н. В. Гоголя и романа «Петербург» А. Белого.

В рассказе «Невский проспект» Н. В. Гоголь дает общую картину Невского проспекта, его так называемых «посетителей». Эта картина создается средствами информативного регистра:

«Как чисто подметены его [Невского проспекта] тротуары, и, боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, легкий, как дым, башишечок молодой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая по нем резкую царатину, — все вымещает на нем могущество силы или могущество слабости».

Рассказ начинается с множественного числа — *сколько ног*, но потом переход к единственному: *сапог солдата, башишечок дамы, сабля прапорщика*. Единственное число здесь отражает не реальное положение дел, а имеет дополнительное значение — единственное «экземплифицирующее (партикуляризирующее)». В этих случаях единственное число используется для собирательного и/или экспрессивного обозначения множества людей или артефактов.

Далее при описании «посетителей» Невского проспекта у Н. В. Гоголя, в основном, используются существительные во множественном числе: русские мужики, спешащие на работу; лица, имеющие свои занятия, свои заботы, свои досады; старики и старухи; мальчишки в пестрядевых халатах, с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках; губернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках; гувернантки, бледные миссы и розовые славянки; нежные их родители, идущие под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами; поговорившие с доктором, узнавшие о здоровье, почитавшие афишу; мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками; мамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках etc. Все это множественное «родовое». Еще ярче значение множественного «родового» проявляется при употреблении имени собственного во множественном числе для обозначения типичного представителя: английские Джонсы и французские Коки. Этот эффект поддерживается глаголами НСВ в неограниченно-кратном значении: еще спят; мылят; пьют кофей; иногда переходят; делают набег; идут под руку; идут величаво; присоединяются к их обществу etc:

«В двенадцать часов на Невский проспект делают набег губернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностью изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах. Гувернантки, бледные миссы и розовые славянки, идут величаво позади своих легеньких, вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее; короче сказать, в это время Невский проспект — педагогический Невский проспект».

Или другой пример:

«На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову...»

В повести используется и другой прием для передачи повторяемости события, его типичности, каждодневности: *«Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент».* Здесь существительное в единственном числе (единственное «экземплифицирующее») поддерживается глаголом СВ в наглядно-примерном значении для описания ситуации обычного, повторяющегося действия. Множественность же выражается кванторным местоименным наречием *иногда*.

Излюбленный прием Н. В. Гоголя — это синекдоха, т. е. обозначение целого через его часть. Так, он описывает «обитателей» Невского проспекта через части тела или предметы их одежды: *здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболь или уголь; встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не изобразимые; тысячи сортов шляпок, платьев, платков; встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда etc.*

Особенно интересен в этом отношении пример с описанием различных улыбок: *«Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпика и поднимете ее вверх»* — уникальные улыбки (сами существительные в единственном числе), соединяясь в перечислительный ряд, также образуют множественность.

Наконец, Н. В. Гоголь использует сочетание неопределенного местоимения *какой-нибудь* с существительным в единственном числе: *«Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого понытчика, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий чудак, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкой в руках, какой-нибудь артельщик...»*. Здесь усиливается значение типичности глаголом СВ в наглядно-примерном значении.

Итак, Н. В. Гоголь, ставя перед собой задачу описать Невский проспект в течение одного, но не конкретного, дня, показать, «какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня», использует для этого различные языковые средства: 1) синекдоху; 2) сочетание существительного в единственном числе (единственное «экземплифицирующее») с глаголом СВ в наглядно-примерном значении, т. е. единственный как типичный пример (форма будущего СВ); 3) сочетание неопределенного местоимения с существительным в единственном числе и глагол СВ в наглядно-примерном значении; и наконец 4) сочетание существительных во множественном числе с глаголами НСВ в неограниченно-кратном значении, т. е. передается идея многоактности, повторяемости.

Тему Невского проспекта и его «посетителей» продолжает А. Белый в романе «Петербург». Он использует те же приемы, что и Н. В. Гоголь:

Сосредоточенно побежали там лица; тротуары шептались и шаркали; растирались калошами; плыл торжественно обывательский нос. Носы протекали во множестве: орлиные, утиные, петушиные, зеленоватые, белые; протекало здесь и отсутствие всякого носа. Здесь текли одиночки, и пары, и тройки-четверки; и за котелком котелок: котелки, перья, фуражки; фуражки, фуражки, перья; треуголка, цилиндр, фуражка; платочек, зонтик, перо.

Здесь и прием синекдохы (*носы протекали во множестве*), и сочетание существительных во множественном числе с глаголом НСВ в неограниченно-кратном значении (*здесь текли одиночки, и пары, и тройки-четверки*).

В романе А. Белого Невский проспект предстает как огромное, многоногое существо, многоножка, как называет его автор: *«Ползучая многоножка ужасна. Здесь, по Невскому, она пробегает столетия. <...> Нет такого предела у людской многоножки; и ничто ее не сменяет; ее звенья меняются, а она — та же вся; где-то там, за вокзалом, завернулась ее голова; хвост просунут в Морскую; а по Невскому шаркают членистоногие звенья — без головы, без хвоста, без сознания, без мысли; многоножка ползает, как ползла; будет ползать, как ползала»*. Множественность выражается лексически — *многоножка*.

Несмотря на схожесть некоторых приемов, текстовая тактика у Н. В. Гоголя и А. Белого различается. Так, А. Белый стремится изобразить не только типичное, но и те изменения,

которые произошли с обитателями Невского проспекта: «...и хотя на Невском Проспекте та же все была циркуляция людской многоножки, однако состав многоножки изменялся разительно; опытный взор наблюдателя уже давно отмечал появление черной шапки косматой, нахлобученной, завезенной сюда с полей обгащенной кровью Манджурии: то на Невском Проспекте зашагал многоречивый субъект, и понижился вдруг процент проходящих цилиндров; <...> появились также на Невском беспокойные выкрики противоправительственных мальчишек, несшихся что есть дух от вокзала к Адмиралтейству и махавших красного цвета журнальчиками». Здесь также существительное в единственном числе с глаголом СВ, но уже не в наглядно-примерном, а в перфектном значении: автор, вместе со своим героем Аблеуховым-старшим, фиксирует изменение социального состава пешеходов на Невском проспекте.

В этом отрывке на себя обращает внимание использование ед.ч. для существительного *субъект*. См. также другой отрывок, где в ед.ч. употребляется также существительное *протестант*:

Вот туда-то со всех концов Петербурга пробирались субъекты; их состав был составом двоякого рода; состав вербовался, во-первых, из субъекта рабочего, космоголового — в шапке, завезенной с полей обгащенной кровью Манджурии; во-вторых, тот состав вербовался из так вообще протестанта: протестант в обилье шагал на длинных ногах; он был бледен и хрупок...

В романе *протестант* встречается 11 раз, из них только в одном случае во мн.ч., субъект – 29 раз, из них во мн.ч. только 6 раз. А. Белый использует ед.ч. для обозначения особого социального слоя¹³⁸, а также дистанцированности.

А. Белый использует еще одно языковое средство Н. В. Гоголя — сочетание существительных во множественном числе с глаголами НСВ: «...черные фигурки выливались из магазинов, дворов, парикмахерских, перекрестных проспектов; и в магазины, дворы, боковые проспекты черные фигурки убегали спешно обратно; голосили, ревели, топтались...». Но здесь значение НСВ конкретно-процессное, т. е. действие обозначается в его развитии и течении (репродуктивный регистр). И это значение тоже предполагает некоторого наблюдателя, т. е. того, с чьей точки зрения ситуация подается. Здесь это Николай Аполлонович Аблеухов, который становится свидетелем этого людского волнения.

И в других случаях также всегда есть тот, с чьей точки зрения представлена ситуация: будь то Николай Аполлонович Аблеухов (как в двух предыдущих примерах) или, как в другом

138 Ср. схожее употребление слова *элемент*, характерное для 1890-1920 гг.: 1) *Пугачевщина была последней попыткой казачества поднять и повести против государства народные низы. С неудачей этой попытки казачество сходит со сцены как элемент, вносивший в народные массы анархическое и противогосударственное брожение.* [П. Б. Струве. Интеллигенция и революция (1909)]; 2) *Но вышло так, что многотысячная полуграмотная масса, среди которой сотни преступного элемента и отпетых сорвиголов, осмысленно заковала себя в железные цепи дисциплины.* [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5-8 (1913-1932)].

примере — Александр Иванович Дудкин: *«Бороды, усы, подбородки: то изобилие составляло верхние оконечности человеческих туловищ. Протекали плечи, плечи и плечи; черную, как смола гущу образовали все плечи; в высшей степени вязкую и медленно текущую гущу образовали все и плечо Александра Ивановича моментально приклеилось к гуще...»* Именно наличие наблюдателя, конкретного героя и обуславливает другое значение вида у глаголов, и соответственно — ситуация описывается не типовая, а наблюдаемая в конкретный временной промежуток.

У Н. В. Гоголя тоже есть наблюдатель, на это указывают глаголы (*увидите, встретите*), но, в отличие от «Петербурга» А. Белого, этот наблюдатель — обобщенно-личный, т. е. любой, кто захочет посмотреть, и я в том числе. Отсюда ситуация не конкретная, а типовая.

Итак, в романе «Петербург» А. Белый использует те же языковые средства, что и Н. В. Гоголь (например, прием синекдохи), но значение, которое они несут, зачастую другое. Если в «Невском проспекте» существительное в единственном числе (единственное «экземплифицирующее») сочетается с глаголом СВ в наглядно-примерном значении, то в «Петербурге» с глаголом СВ в перфектном значении. Если у Н. В. Гоголя существительные во множественном числе сочетаются с глаголами НСВ в неограниченно-кратном значении, то у А. Белого с глаголами НСВ в конкретно-процессном. Наконец, наблюдатель в «Невском проспекте» — обобщенно-личный, а в «Петербурге» — конкретный (герой либо повествователь). В результате А. Белый не столько продолжает петербургский текст, сколько, стилизуя свое произведение в духе литературы XIX века, создает новый смысл.

Таким образом, различность языковых приемов у писателей обусловлена авторской позицией. Н. В. Гоголь хочет показать и описать галерею характеров. А. Белый же хочет показать, что в людском потоке нет характеров, он безлик и однообразен. Подход Белого — это техника экспликации литературного приема: он использует языковые средства для создания художественного текста и одновременно демонстрирует читателю механизм их действия. Белый сознательно продолжает петербургский текст, заданный Гоголем, использует те языковые средства, которые были у Гоголя, но демонстрирует, в каких случаях эффект будет иным, тем самым обнажая механизм действия этих языковых средств.

§ 3 Согласование/несогласование по числу между подлежащим и сказуемым в интродуктивных предложениях

Во второй главе было рассмотрено согласование/несогласование по числу между подлежащим, выраженным количественно-именным словосочетанием, и сказуемым. Данная конструкция в зависимости от согласования или несогласования по грамматическим категориям

подлежащего и сказуемого относится к декларативным или бытийным предложениям соответственно. Все это связано с выбором перспективы, т. е. точки зрения (или фокуса внимания), с которой рассматривается заданная ситуация – с точки зрения ДЛ или с точки зрения МЕСТА. Когда писатель вводит в произведение новую сцену, он выбирает и фокус внимания.

(1) *Последняя телега поравнялась с ними. На ней сидело несколько женщин, и старый Хомяк глядел с нее своими оловянными глазами. Староста подошел к телеге.* [В. Г. Короленко, Федор Бесприютный]

(2) *Из передней Маруся вошла в приемную, где уже сидело множество больных. Большинство жаждущих исцеления составляли, разумеется, дамы. Они заняли всю находящуюся в приемном зале мебель, расселись группами и беседовали.* [А. П. Чехов, Цветы запоздалые]

(3) *В один прекрасный вечер на террасе этого отеля, за белым мраморным столиком, сидело двое русских. Они пили пиво и играли в шашки. Оба старательно лезли "в дамки" и беседовали об успехах лечения. Оба приехали сюда лечиться от большого живота и ожирения печени.* [А. П. Чехов, Патриот своего отечества]

В этих примерах схема предложения отвечает структуре бытийного типа — локатив + бытийный глагол + субъект. Выбор формы ср.р. ед.ч. для предиката, с одной стороны, обусловлен согласованием с количественным словом (*несколько, множество*) или собирательным числительным (*двое*). Однако, как было показано во второй главе, при таких количественно-именных словосочетаниях может быть и предикат во мн.ч. Выбор формы ед.ч. обусловлен тем, что в фокусе внимания МЕСТО, а описываемые герои выступают как часть репродуктивного контекста.

Коммуникативная стратегия автора еще больше проявляется в абсолютном начале текста, т. н. сильной позиции текста¹³⁹. В этой позиции особенно отчетливо проявляются скрытые категории, что примечательно для согласования/несогласования по числу между подлежащим, выраженным количественно-именным словосочетанием, и сказуемым.

Возьмем разные начала романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

Черновые наброски (1929 — 1931 гг.)

На закате **двое вышли** на Патриаршие пруды. Первый был лет тридцати, второй — двадцати четырех.

139 В композиции текста, т. е. его сильных и слабых позициях, проявляется эстетическая структура произведения. Неоднородность и многоплановость структуры текста хорошо изучены и описаны, см., например, труды И. В. Арнольд [Арнольд 1978], М. М. Бахтина [Бахтин (1976) 2004], Ю. М. Лотмана [Лотман 1994, 1998], В. А. Лукина [Лукин 2005], В. Н. Топорова [Топоров 1983], Б. А. Успенского [Успенский 1995] и многих других.

Великий канцлер

В час заката на *Патриарших Прудах* [*курсив авторский*] появилось двое мужчин. Один из них лет тридцати пяти, одет в дешевенький заграничный костюм...

Незавершенная рукопись романа

В час майского заката на Патриарших Прудах появилось двое мужчин. Один из них был лет тридцати пяти, одет в дешевый заграничный костюм....

Князь тьмы

Весною, в час заката на Патриарших Прудах появилось двое мужчин. Один из них, тридцатипятилетний приблизительно, был преждевременно лыс....

Мастер и Маргарита, машинописный первоначальный вариант

Весною, в среду, в час жаркого заката на Патриарших прудах появилось двое граждан. Первый из них, приблизительно тридцатипятилетний...

Мастер и Маргарита, основной вариант

Однажды весною, в час небывалого жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина.

Начиная с «Великого канцлера» появляется количественно-именное словосочетание, и вплоть до основного варианта романа глагол везде стоит в единственном числе среднем роде. Данная форма указывает на то, что в фокусе внимания находится МЕСТО, все происходящее мыслится как единое нерасчлененное представление о действии, следовательно, важно само действие, а не субъект действия. Поэтому здесь будет происходить «обезличивание» субъекта и, соответственно, ДЛ будет мыслиться как обобщенная, собирательная множественность. Отсюда выбор формы единственного числа среднего рода.

В основном варианте романа используется форма множественного числа, которая сигнализирует нам о том, что в фокусе внимания — именно ДЛ, важно именно его поведение в ситуации, связанные с ним действия или его состояния. Следовательно, не будет происходить «обезличивания» субъекта, важно, что он активно действует, что он личный, отсюда множественность мыслится как расчлененная, дискретная.

М. А. Булгакову крайне важны его герои, он следит за ними, за тем, что происходит с ними, ему важно удержать внимание именно на ДЛ, а не на МЕСТЕ. Но поскольку это начало романа, сохраняется конструкция бытийного предложения.

Интересно сравнить стратегию М. А. Булгакова со стратегией А. П. Чехова в начале текста рассказов «Степь» и «Свадьба по расчету».

В доме вдовы Мырминой, что в Пятисобачьем переулке, свадебный ужин. Ужинает 23 человека, из коих восемь ничего не едят, клюют носом и жалуется, что их «мутит». («Брак по расчету»)

Из N., уездного города Z-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная бричка <...> В бричке сидело двое N-ских обывателей... («Степь»).

В обоих началах используется глагол при количественно-именном словосочетании в ед.ч. в контексте «ввода» ситуации. Ср., например, в «Браке по расчету» затем идет согласование по мн.ч. (*из коих восемь не едят, жалуется*). Таким образом, герои рассказов в самом начале предстают как часть репродуктивного контекста, поскольку выбранная конструкция с предикатом в ед.ч. при количественно-именном словосочетании имеет функцию характеристики предмета.

Другая стратегия у А. П. Чехова в сценке «О драме»:

Два друга, мировой судья Полуехтов и полковник генерального штаба Финтифлеев, сидели за приятельской закуской и рассуждали об искусствах.

«О драме» представляет собой драматургическую зарисовку, соответственно, в центре внимания находятся герои, которые действуют в течение сценки. Поэтому уже в начале текста количественно-именное сочетание согласуется по числу с предикатом.

Таким образом, в интродуктивных предложениях – в позиции ввода новой сцены или абсолютного начала текста, сильной текстовой позиции – на количественно-именное словосочетание будет накладываться бытийность. В случае выбора формы единственного числа среднего рода бытийность («дефолтное согласование») накладывается и «вытесняет» героя из фокуса внимания. Когда же используется форма множественного числа, бытийность взаимодействует с активностью и личностью, и внимание удерживается на герое.

§ 4 Взаимодействие вида глагола с категорией числа на фоне субъектной перспективы текста

Взаимодействие категории числа с видовым значением глагола может происходить в условиях совпадения субъекта говорящего и субъекта мнения, тогда будет создаваться дополнительный эффект. Так, Е. В. Красильникова отмечает [Красильникова 1999: 28-29], что на выбор формы числа может оказывать влияние фактор известности/неизвестности для адресата, в результате единственное число может заменяться на множественное, ср. пример Е. В. Красильниковой:

- А вот у нас **работают некоторые/ тюрколог там один/ они кончали** вот этот...
- Военный// даже так?

В представленных случаях говорящий выбирает мн.ч., поскольку оно представляет предметы на уровне класса и выступает в качестве немаркированной формы выражения количественных отношений.

Сознательное использование говорящим форм мн.ч. вместо ед.ч. характерно для выражения оценки¹⁴⁰. При этом оценка может быть как положительной, так и отрицательной.

В. З. Санников выделяет две группы примеров транспозиции форм числа [Санников 2002: 86]:

1) речь идет об одном предмете или лице: *Кто это кошельки раскидывает?* (лежит один кошелек); *А у меня там гости// которые меня очень любят* (котенок); *А я все с молодыми людьми/ молодыми людьми* (о прогулке с малышом)¹⁴¹;

2) речь идет о нескольких предметах или лицах в значении 'предметы или лица типа X': *Правильно // Вот люди ходят по Пекинам* (ресторан) / *там по инподромам / куда мне пойти / в какой ресторан / теперь я буду ходить; Какой человек / по Ленам / где-то там плавает; Ох уж эти Африки / Африки / Ужас! И уж лучше не надо больше никаких Африк*¹⁴².

Для создания комического эффекта обычно используется вторая группа. Многие исследователи (А. А. Потеня, Д. И. Арбатский, Л. П. Крысин А. Б. Пеньковский) писали, что в этих примерах для множественного числа характерна отрицательная оценка. Однако В. З. Санников отмечает [Санников 2002: 86-87], что не во всех этих примерах ощущается отрицательная оценка, а там, где такая оценка все-таки есть, она создается зачастую за счет других средств. Он видит здесь снижение, поскольку употребление имени собственного во мн.ч. лишает его уникальности, исключительности.

Первый тип примеров также привлекал внимание исследователей. Например, А. Б. Пеньковский [Пеньковский 1989: 57] называет это дополнительное значение множественным «пейоративного отчуждения» или «отрицательным». Иногда подобное множественное называют «множественным несправедливого пристрастия» (А. А. Потеня, Е. В. Красильникова, Ю. Д. Апресян). Этот же тип разбирает и Д. И. Арбатский, называя его множественным гиперболическим. Ср. следующие примеры (взяты из [Пеньковский 1989: 57, Апресян 1995 II: 142]):

- 1) *Я верчусь как проклятый, а ты по театрам ходишь.*
- 2) *Муж работает, а она по границам разъезжает.*
- 3) *А они тут чай-кофеи распивают.*
- 4) *Я университетов не кончал.*

140 О транспозиции форм числа писали, в частности, [Потеня 1888], [Арбатский 1972], [Крысин 1988], [Пеньковский 1989], [Красильникова 1999], [Санников 2002].

141 Примеры взяты из [Красильникова 1999: 29].

142 Примеры взяты из [Красильникова 1999: 29-30].

В этих примерах категория количества выражается существительными во мн.ч. во взаимодействии с глаголами в НСВ, тем самым создается эффект типовой ситуации, хотя речь идет об одном предмете. Подобные примеры характерны для диалогической речи как реакция говорящего на ситуацию. Эти контексты отличает резкое отчуждение, недовольство и упрек со стороны говорящего.

А. Б. Пеньковский и Ю. Д. Апресян также отмечают, что здесь есть типизация события [Апресян 1995 II: 142], генерализующее обобщение [Пеньковский 1989: 57], что и является основой для отрицательной оценки, пейоративного отчуждения. Более того, А. Б. Пеньковский указывает, что «говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает этот объект из своего культурного и/или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чужой ему и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чужого – мира» [там же].

Но А. Б. Пеньковский не совсем прав. Здесь имеет место изначальное противопоставление поведения, ситуации говорящего и адресата (или просто двух участников, если оценка принадлежит другому человеку). Особенно это хорошо видно в примерах (1) и (2). Я-говорящий вынужден работать, а ты-слушающий в это время развлекаешься (*по театрам ходишь, по границам разъезжаешь*). Если же считать, что во втором примере оценка дается со стороны, то просто будет противопоставлено поведение двух участников описываемой ситуации (муж и жена в данном случае). И это противопоставление подчеркивается синтаксическими средствами – использован противительный союз *а*.

В примерах (3) и (4) тоже есть подобное противопоставление, но оно не выражено напрямую. (3) предложение очень похоже на предыдущие два, просто противопоставляются «делание» и «ничегонеделание»: Я вынужден/должен делать что-то, а вы тут ничего не делаете, чай распиваете.

Смысл (4) предложения заключается в том, что я-говорящий не имеет высшего образования и противопоставляет себя всем остальным, которые отучились в университете, говоря тем самым, что, может быть, он (я-говорящий) чего-то и не знает, но тоже из себя что-то представляет.

И пейоративная оценка возникает потому, что говорящий осознает себя принципиально «исключенным» из какой-то ситуации, мира в самом широком понимании, поэтому-то он и оценивает отрицательно происходящее, факт, лицо. Здесь нет сознательного исключения предмета из своего культурного и/или ценностного мира.

Сходны с этими примерами конструкция типа *Ну и X пошел (пошла, пошли)*:

- 1) ***Ну и врачи пошли теперь, ничего не понимают!*** [обобщенный. Клуб «Юный

химик» // «Химия и жизнь», 1968]

- 2) – Я вас задушу поцелуями.
– Отстань, Сонька! Чему обрадовалась? **Ну и молодежь пошла!** Крови в вас нет... Точно из папье-маше сделаны. [А. Н. Вербицкая. Ключи счастья (1909)]
- 3) **Ну и заготовитель пошел:** разбойнички, как на подбор... Им бы не заготовками заниматься, а где-нибудь под мостом стоять ночушкой да советским купцам деревянными иглами воротники пристрачивать... [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)]

Как правило, в таком типе конструкции при глаголе *пойти* в бытийном значении используется существительное во мн.ч. или собирательное существительное в референциальном статусе класса. Гораздо реже используется существительное в ед.ч. в статусе рода, при этом в примере (3) после заданной конструкции идет существительное во мн.ч., поддерживающее значение множества. Оценочность возникает из-за отнесения определенной, известной ситуации к типовой, стандартизированной, обобщенной картине.

Для разговорной речи характерно использование различных местоимений. Довольно часто в предложениях с определительными (*всякий, каждый*) и неопределенными (*какой-то, некоторый*) местоимениями также проявляется оценка говорящего. Ср. следующие примеры:

- 1) *Развелось тут всяких... предсказателей.* [Коллекция анекдотов: школа (1970-2000)]
- 2) *С чего ты такой доверчивый стал? Всякую шпану в дом пускаешь. Гони его к черту!* [Ю. К. Олеша. Зависть (1927)]
- 3) – Э-э-э, вы позволите? – с развязной любезностью спросил он, вынимая из серебряного портсигара папиросу.
– Нет, я просил бы вас не курить, – сухо ответил я. – У меня столько народу бывает, что, если каждый будет курить, то дышать будет нечем... [Г. А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей (1930)]
- 4) [№ 5, муж] *Но / вот если мы не будем цеплять таких ребят / как какой-то там Матвей / не знаю тогда о чем вообще говорить.* [Заседание клуба «Новые правые» // Интернет, 2004]
- 5) *Мы не будем писать черной ручкой на экзамене, как некоторые.*
- 6) *Вот тут некоторые... не будем показывать пальцем, хотя это была Маша...*

Важная особенность этих предложений в том, что категория количества соединяется с категорией определенности/неопределенности и выражается за счет местоимений, множественного числа и, как правило, глаголов в НСВ. Оценочность в этих примерах возникает

из-за того, что подчеркивается неопределенность, но при этом как говорящему, так и слушающему известны все участники ситуации.

В примерах 1-3 отрицательная коннотация основана на том, что в значение местоимений *всякий* и *каждый* входит компонент – *какой угодно из всех, любой из себе подобных*, и это значение развивается далее в *неважно какой*, а следовательно, и *не стоящий внимания*. Употребляя эти местоимения, говорящий сознательно отдаляет от себя человека, отчуждает его, говоря, что он *не стоит внимания*, таким образом, возникает отрицательная оценка. А. Б. Пеньковский, рассматривая конструкции с обобщающим определителем *всякий*, отмечает, что это местоимение выполняет функцию «пейоративного отчуждения», а логической основой этого является генерализация, приписывание множества соответствующих признаков конкретным носителям [Пеньковский 1989: 65].

В примерах 4-6 говорящему также известны абсолютно все участники ситуации, но он сознательно отдаляет, отчуждает от себя кого-то или что-то, переводя его в зону неопределенности. Значение местоимения *некоторые* в данном случае будет: мы (я-говорящий и ты-слушающий) знаем, о ком идет речь, но мы специально не будем называть имен. Таким образом, употребление местоимения *некоторые* в данных контекстах – это своего рода фигура умолчания. Впрямую это скрытое значение представлено в примере (6). Сама шутка и возникает из-за того, что говорящий сначала предлагает оставить какого-то участника неопределенным, а затем сам же называет его по имени.

Подобные примеры разбирает и А. Б. Пеньковский в связи с категорией «чуждости». Он также считает, что отрицательная оценка здесь связана с неопределенностью: «Какой-то отрицательно оценивает и отчуждает, представляя определенное неопределенным и тем самым дискредитируя его отличительные признаки» [Пеньковский 1989]. Кроме местоимения *какой-то* А. Б. Пеньковский в том же значении разбирает предложения с *какой-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь*; выделяет также пейоративно-отчуждающее значение в противительных конструкциях с отрицанием *не*: *не откуда-нибудь, а..., не кто-нибудь, а..., не что-нибудь, а..., не как-нибудь, а...*

Оценочность, так характерная для разговорного стиля, встречается также в глаголах с сочетанием приставок *пона-, пооб-*:

- 1) [Папа обиженного мальчика, муж] *Ну давай / выйди! Понаехали тут! В своем дворе детям погулять негде.* [Павел Чухрай. Вор, к/ф (1997)]
- 2) - *Говорят, в Москве осталось всего 10% коренных москвичей... / - Понаоставались тут!* [Интернет-источник: https://vk.com/wall-20845272_3426419]
- 3) *Годы пообтесали замашки маркетологов!*

- 4) *Сколько вас лохов уже пообокрали и поограбляли и сколько еще пообкрадут и пообграбят...* [Интернет-источник: <https://forum.guns.ru/forummessage/20/81871.html>]
- 5) *Ты что думаешь – хрущевок понаставили, автомобилей понакупали, дороги заасфальтировали, так и дворовых уже нет?* [Интернет-источник: <https://xn----7sblqwdegk2n.xn--p1ai/news/7411-princip-propavshego-bez-vesti.html>]

В этих примерах присутствует избыточная количественность: количественные приставки, множественное число в глаголе и существительном, *Род.беспредложный* с объектно-количественным значением. Все это создает отрицательную оценку, поддерживаемую указательным наречием *тут* и количественно-именным сочетанием *сколько вас*.

Итак, при взаимодействии вида глагола с категорией числа существительного на фоне субъектной перспективы текста, когда автор принципиально дистанцируется, исключает себя из описываемой ситуации, может появляться оценочность, чаще всего отрицательная, и «отчуждаемость», противопоставление себя другим.

§ 5 Глаголы с количественными приставками и категория числа существительного

Одним из языковых средств, служащих для выражения категории количества, являются количественные приставки. На повторе глаголов с такими приставками может выстраиваться все стихотворное произведение. Так, в поэме М. Цветаевой «Крысолов» повторяется приставка *пере-* в описании города Гаммельна и его обитателей:

Город грядок
 Гаммельн, нравов
 добрых, складов
 полных —

Мера! Священный клич!
Пересмеялся – хнычь!
Перегордился – в грязь!
 Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.
Переовечил – хлев,
Перемонаршил – бунт:

Zuviel ist ungesund¹⁴³.

В меру! Сочти и взвесь!

Переобедал – резь,
(Лысина – **перескреб**),
Перепостился – гроб,

Перелечил – чума!
Даже сходи с ума
В меру: щелчок на фунт:
Zuviel ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил – плеть,
Но и не **переглядь**!
– Только не **передать**! —

Не **пере-через-край**!
Даже и в мере знай —
Меру: вопрос секунд.
Zuviel ist ungesund.

<...>

Не красоты одной – сало, слышишь? —
Вреден излишек.

Переполнения ж складов – рисом —
Следствием – крысы.

В данном отрывке мы видим обилие глаголов СВ с приставкой *пере-*. Одно из значений этой приставки – доведение действия до излишнего предела, т. е. сделать что-то сверх меры, и это значение усиливается выбором СВ для глаголов. Категория количества здесь взаимодействует с категорией меры: в отрывке напрямую противопоставляются мера и чрезмерность.

Замысел М. Цветаевой – показать, что гаммельнцы – пошлые, праздные, равнодушные люди, с презрением относящиеся к тем, кто беден. Это просто масса, лишенная и – что важнее –

143 Излишество вредно (перевод с нем.).

не приемлющая индивидуальности. Их сытость, жадность и равнодушие чрезмерны, по мысли поэтессы, поэтому они закономерно заслужили наказание в виде нашествия крыс (*Переполнения ж складов – рисом — / Следствием – крысы.*). Постоянное повторение приставки *пере-* делает ее знаковой, таким образом морфема приобретает свой особый смысл.

М. Цветаева использует повтор количественной приставки *пере-* и в стихотворении «Не колесо громовое». Композиционно оно строится на противительной синтаксической конструкции. Все три строфы организованы одинаково: в первой строке приводится предполагаемая неверная гипотеза об излагаемых событиях, которая могла возникнуть у адресата, по мысли адресанта, а во второй – противопоставление этой гипотезы реальному положению дел. Интересно, что обычно в таких конструкциях противопоставляется менее реальная картина (например, сон или иллюзия) более реальной¹⁴⁴. Здесь же противопоставляется более масштабное событие менее масштабному, тем самым возвышается и поднимается в статусе последнее:

Не колесо громовое –
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен –
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом –
Стрелами перекинулись скифы.

Если обратиться к языковым средствам, то во второй строке каждой строфы используется глагол с количественной приставкой *пере-* и постфиксом *-ся*. В первой и третьей строфах употребляется взаимно-возвратный глагол *перекинуться*, который имеет валентность на множественный субъект и на множественный объект. При этом в первой строфе, согласно МАС, он имеет значение «быстро обменяться», и в этом значении имеет ограничение на лексическую сочетаемость: *перекинуться словами, взглядами* и т. п. Множественный субъект выражен собирательным числительным (*двое*), а множественный объект – существительным во множественном числе (*взглядами*).

В третьей строфе глагол *перекинуться* имеет значение «кинуть друг другу», множественный субъект и объект выражены существительными во множественном числе (*скифы* и *стрелами* соответственно).

Во второй строфе употреблен устаревший глагол, необратимо-возвратный – *переведаваться*. Согласно МАС, он имеет значение «свести счеты, посчитаться, сойтись для борьбы». По

144 См. подробнее в [Калькова 2003].

данным НКРЯ¹⁴⁵, этот глагол еще имеет значение «попробовать силу друг друга, помериться силой»:

Уруслан, как ни хотелось ему найти тех двух царевен и переведаваться с Ивашкой силой, решил сначала навестить своих состарившихся родителей, но, приехав в царство Киркоуса, нашел его запустевшим. [Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. (XVI-XVII вв.) (1938)].

В этом же значении употреблен глагол в данном стихотворении: *силою переведались*. Как и другие взаимные глаголы, он имеет валентность на множественный субъект, здесь он выражен существительным во мн.ч. – *души*. Таким образом, строку *Силою переведались души* можно понимать двояко. С одной стороны, оба изведали, почувствовали силу души друг друга, а с другой – померились силами. При этом в нашем сознании, как правило, силой мериться могут только равные (важная для М. Цветаевой тема).

Итак, языковые средства в этом стихотворении М. Цветаева использует для того, чтобы задать две важные для ее поэзии темы. Во-первых, противительная конструкция и взаимно-возвратные глаголы показывают, что для нее только они с Пастернаком вдвоем равны друг другу в силе и мощи и поэтому противопоставлены всем остальным. А эффект отрицания неверной гипотезы нужен поэтессе, чтобы продемонстрировать непонимание со стороны других этого уникального родства, их отстраненность от всех.

Повтор приставки М. Цветаева использует и в стихотворении «Б. Пастернаку», где обилие глаголов с приставкой *раз-/рас-* делает эту морфему знаковой, и она вырастает до символа:

Рас-стояние: версты, мили...

Нас рас-ставили, рас-садили,

Чтобы тихо себя вели,

По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...

Нас расклеили, распяли,

В две руки развели, распяв,

И не знали, что это сплав

Вдохновений и сухожилий...

Не рассорили – рассорили,

Расслоили...

Стена да ров.

Расселили нас как орлов –

Заговорщиков: версты, дали...

145 Дата обращения 09.03.2020.

Не расстроили – растеряли.
По труппам земных широт
Рассовали нас, как сирот.
Который уж – ну который – март?!
Разбили нас – как колоду карт.

Приставка *раз-/рас-* означает разделение предмета на части или уничтожение, в некоторых случаях она даже выделена графически при помощи дефиса: *рас-ставили, рас-садили, расклеили, распяли, развели, распяв, не рассóрили, рассорíли, расслоили, расселили, не расстроили, растеряли, рассовали*. В значении этих глаголов заключена сема 'множество', которая по закону семантического согласования должна повторяться в предложении. Данные глаголы, во-первых, имеют валентность на множественный объект, в данном стихотворении эта валентность заполняется местоимением первого лица множественного числа – *нас*, во-вторых, некоторые из них имеют также локативную валентность, которая тоже повторяет сему 'множество', например – *по концам земли, по труппам: Нас рас-ставили, рас-садили... / По двум разным концам земли; По труппам земных широт / Рассовали нас, как сирот*.

Стихотворение композиционно строится на неопределенно-личных предложениях, которые отсылают к властям как к субъекту всех этих действий, и историческим обстоятельствам, поскольку М. Цветаева в 1925 году, когда было написано это стихотворение, находилась в эмиграции, а Б. Пастернак в России. Обилие этих конструкций в стихотворении нагнетает обстановку, показывает враждебность по отношению к М. Цветаевой и Б. Пастернаку, это поддерживается также на лексическом уровне — в самой семантике глаголов содержится отрицательная оценка: *расклеили, распяли, развели, расслоили, расселили, растеряли, рассовали* и т. д.

На противоположном конце от этой множественности – то целое, которое все пытаются разделить, оно выражено единственным числом существительных, но при этом объединение нескольких в одно – *сплав вдохновений и сухожилий, колода карт*. И тогда объяснение функции неопределенно-личных конструкций в данном стихотворении может быть следующим: мы – это единение равных, похожих, сплав, две руки одного сущего, а они – кто угодно, все, толпа, при этом данная множественность, с одной стороны, враждебна, а с другой – эта толпа не может понять их творчества, вернее никто другой не может понять ее, М. Цветаевой, творчества, недаром поэтесса пишет (подразумевая себя и Б. Пастернака), что они – *сироты*, и они представляют собой именно *сплав вдохновений и сухожилий*.

М. Цветаева для достижения нужного ей эффекта любила экспериментировать с языковыми средствами и создавать определенный звуковой и зрительный образ. Она обнажает внутреннюю форму слова, в том числе и в части слова — в морфеме. При этом для нее это не

языковой эксперимент и не лингвистическая игра, а, как написала М. В. Ляпон, «момент обретения искомого смысла, момент истины, требующий нетривиального словесного оформления» [Ляпон 2010: 25].

Использование приставки *раз-* может создавать и комический эффект на фоне противопоставления единичности – множественности и повторяемости, уникальности – типичности:

- *Если дела пойдут таким образом, я тоже **разбежусь** в разные стороны* [к/ф «Свадьба в Малиновке»].

В этом примере при глаголе с приставкой *раз-*, имеющем валентность на множественный субъект, о которых речь шла во второй главе, используется субъект в ед.ч., что и создает комический эффект. Существуют примеры, когда писатели и поэты прибегают к соединению этих глаголов с подлежащим в единственном числе для достижения такого же результата:

От дам бумажка

Перекинулась к секретарше!

Шесть секретарш – от младшей до старшей!

До старшей

Бумажка дошла в обед.

***Старшая разошлась.** Потерялся след*

[В. Маяковский «Бюрократиада»].

Глагол **разойтись** (НСВ **расходиться**), согласно первому значению в толковом словаре Д. Н. Ушакова, означает относительно многих собравшихся «уйти в разные стороны или в разное время, рассеяться, перестать быть вместе». Глагол **разбежаться** – «бегом направиться в разные стороны» (второе значение в словаре Д. Н. Ушакова). Поскольку глаголы являются акциональными, то сам факт совершения действия предполагает наличие его сознательного исполнителя. И этот личный субъект при этих глаголах должен быть во множественном числе. В приведенных выше примерах личный субъект (местоимение первого лица *я*, *старшая секретарша*) и предикат стоят в единственном числе, отсюда возникает комический эффект, чего и добивается автор.

Особенно интересным, с этой точки зрения, представляются размышления В. Маяковского относительно подобного явления:

Один из способов делания образа, наиболее применяемый мною в последнее время, это создание самых фантастических событий-фактов, подчеркнутых гиперболой.

*Чтобы врассыпную **разбежался** Коган,*

Встреченных увеча пиками усов.

Коган становится, таким образом, собирательным, что дает ему возможность бежать врассыпную... [В. Маяковский «Как делать стихи» [Маяковский 1959: 110]].

В этом примере В. Маяковский анализирует подобный прием – соединение глагола, предполагающего валентность на множественный субъект, с именем собственным *Коган*, которое может быть только уникальным, единственным. Кроме комического эффекта, здесь также происходит «обезличивание» имени собственного, «преобразование» его в собирательный образ, о чем и пишет В. Маяковский.

Подобный комический эффект использует также В. Высоцкий в песне «Милицейский протокол»:

*Товарищ первый нам сказал,
Что вы уймись, что не буйните,
Он говорит, что разойдитесь,
Ну разойтись я, кстати, сразу ж согласился
И разошелся, то есть расходился.*

[В. Высоцкий «Милицейский протокол»]¹⁴⁶.

Как говорилось выше, глагол **расходиться** предполагает множественный субъект действия, и в первых двух строчках он используется по отношению к множественному адресату – местоимению первого лица множественного числа (*нам*). Однако в следующих двух строчках этот глагол соединяется с личным местоимением первого лица единственного числа (*я*). В результате возникает омонимия: в одной глагольной форме «*разойтись*» первое значение (разойтись в разные стороны) соединяется с переносным значением – «дойти до крайней степени в проявлении чего-нибудь, обнаружить что-нибудь в сильной степени», что усиливается также глаголами *уймись* и *не буйните* в первых строках.

Итак, взаимодействие глаголов с количественными приставками с категорией числа существительного может согласовываться с текстовой тактикой и стратегией автора. В одних случаях, как, например, у М. Цветаевой, такая приставка может вырастать практически до самостоятельного слова, символа, в других – за счет несогласования количественной приставки с числом существительного может создаваться дополнительный комический эффект.

146 Взято с сайта – <http://www.karaoke.ru/catalog/song/13051058/> – дата обращения 06.08.15.

§ 6 Категория количества и референциальный статус имен в научном и официально-деловом стилях

Информативный регистр в официально-деловом и научном стилях выполняет стилеобразующую функцию. В рамках этих стилей есть жанры, в которых референциальный статус, выражаемый числом, и предикаты, не имеющие пространственно-временной локализации, обуславливаются самим текстом для создания обобщенной ситуации.

В текстах научного и официально-делового стилей употребляются в основном экзистенциальные, таксономические и характеризующие высказывания. Предикат обычно имеет вневременное, или обобщенное значение, часто выражается пассивом, неопределенно-личной формой глагола или инфинитивом. Для этих стилей характерны также бытийные предикаты с дополнительными характеристиками, которые употребляются только в 3 лице¹⁴⁷:

(1) **локальными**: водиться (*в лесу водятся рыси*), вытянуться (*село вытянулось вдоль озера*), гнездиться (о птицах или насекомых: *трясогузки гнездятся вблизи населенных пунктов; осы гнездятся в дупле*), заключаться (*линза заключается в оправе*), идти (*улица идет через весь город*), лежать (*на реке лежит лед*), помещаться (*в книге поместились отреставрированные старинные фотографии*), произрастать (*кофе произрастает на высокогорье*), пройти (*граница с Норвегией проходит по реке*), простираться (*леса простирались на сотни километров*), протекать (*в овраге протекает ручей*), разместиться (*вдоль улиц разместились особняки XIX века*), расположиться (*город расположился в долине между горных вершин*), распределиться (*участники конференции распределились по аудиториям*), распространиться (*над рекой распростерся туман*), распространяться (*лес распространяется до гор*), расстилаться (*перед домом расстилается лес*), расти (о растениях: *в саду растут яблони и вишни*), растянуться (о протяженном: *фронт растянулся вдоль границы*), фигурировать (*вопрос не фигурировал в программе выступления*) и др.;

(2) **качественными**: венчать (*баиню венчает шпиль*), висеть (*на стене висит объявление*), выдаваться (*скала выдается в море*), выступать (*коралловые рифы выступают над морем*), омывать (*материк омывают моря и океаны*), прилегать (*к дому прилегает лес*), примыкать (*в таких поселках к школе обычно примыкает спортивный комплекс*) и др.;

(3) **количественными**: насчитываться (*в столице насчитываются сотни школ*), числиться (*дети числились турецкими подданными*), иметься (*в глубине леса имеются лианы*), содержаться (*в выбросах содержатся тысячи тонн свинца, цинка, меди, хрома и других металлов*) и др.

147 Список составлялся с опорой на IV том «Семантического словаря» под ред. Н. Ю. Шведовой (2007) и «Толковый словарь русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко (1999).

При подобных типах предиката имена существительные не имеют конкретно-референтного статуса, поэтому значение числа неденотативное, не прямое, а референциальный статус – либо рода (ед. ч. = множество таких же объектов), либо класса (т. н. множественное экзистенциальное), см. примеры из НКРЯ:

- 1) *Последний **векселедержатель** представляет **вексель** и **справку** о задолженности по платежам в областной бюджет в **отдел** доходов облфинуправления. **Отдел** доходов на основании **справки** и реквизитов **векселя** (без его изъятия) **выписывает письмо** о зачете по платежам в областной бюджет и **передает** его в главную **бухгалтерию** облфинуправления. **Векселедержатель** получает **письмо** о зачете в главной бухгалтерии в обмен на **вексель**, предварительно проверенный в **отделе** ценных бумаг облфинуправления на достоверность. [О порядке выпуска и обращения простых векселей администрации Оренбургской области // «Оренбуржье», 1997]*
- 2) ***Построением гнезда** в основном занимается **самка**, а **самец** доставляет ей **мелкие сухие прутики**, **мох**, **лишайник**, **овечью шерсть** и **мягкие перья**. [И. Г. Иерусалимский, В. М. Антонов, Н. И. Епифановский. Певчие птицы и волнистые попугайчики (1977)]*
- 3) *К **поверхностным водоемам** относятся **озера**, **водохранилища**, **болота** и **пруды**. [Водный кодекс Российской Федерации (1995) // , 2004]*
- 4) ***Тысячу лет** тому назад вся северная половина России, отличавшаяся климатом **холодным** и **суровым**, **была покрыта** дремучими **лесами**, многочисленными **озерами** и **болотами**, а в южной половине **залегали** обширные **степи**, местами поросшие **высокою травой**, местами **песчаные** и **солонцеватые**. [Д. И. Иловайский. Краткие очерки русской истории (1860)]*

Такие глаголы узуальные и не употребляются в актуальном времени. Однако они могут встречаться в описательных и информативных контекстах. Существительные при них могут быть в ед. родовом или мн. класса.

При этом ед.ч. предпочитается в тех контекстах, где в фокусе описания какой-то вид растения или животного (*Лисица водится на Уссури в большом количестве; добывают ее ружьем, собаками и отравой.* [М. А. Лялина. Путешествия Н. М. Пржевальского в восточной и центральной Азии (1891)], а мн. ч. используется преимущественно в контекстах, где описывается, например, флора и фауна какой-либо местности (*Из крупных зверей здесь водятся: медведи бурый и чалый – *Ursus leuconyx*, *U. Isabellinus*, архары – *Ovis polii*, тэки [теке – горные козлы] – *Gapra skyn* и, что всего удивительнее приbezлесье, маралы – *Cervus maral* и косули – *Cervus pygargus*.* [Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор

(1870)). Но это не является абсолютным правилом, и в НКРЯ можно найти контрпримеры. Скорее речь идет о тенденции, а не о правиле.

Для научного текста характерно сочетание количественных синтаксем с семантически недостаточными предикатами. Так, в статье В. С. Забурдяева «Проблемы метанообильных шахт, оснащенных современной угледобывающей техникой»¹⁴⁸ значение категории количества выражается следующими средствами: 1) сочетание количественных синтаксем с семантически недостаточными глаголами (*достигать, составлять, равняться*), а также глаголами, обозначающими количественное изменение (*превышать, уменьшать*): *составляло на шахте 100-150м³/мин, достигать 10-15 тыс. т угля, уменьшены в два раза, не должно превышать 1%, равняться 40%, превышало 10 тыс. тонн угля*; 2) сочетанием количественных синтаксем для обозначения диапазона (*от 4095 до 6890 т/сут, при метановыделении от первых единиц до 300м³/мин*); 3) лексически (*с частотой 2,4%, в пределах 0,9-5%, доля от общего числа*). Таким образом, для научного текста характерен уход категории количества в сферу числительных и других лексических средств, а не использование грамматической категории числа.

Рассмотрим динамику употребления форм числа существительного во взаимодействии с глагольными категориями в рамках одного текста – «Договора о Шпицбергене от 9 февраля 1920 года». Договор состоит из преамбулы, девяти статей и приложения.

В преамбуле перечисляются главы государств, участвующие в подписании договора, например: *Президент Соединенных Штатов Америки, е.в. Король Великобритании и Ирландии и Британских территорий за морями, император Индии, президент Французской Республики, е.в. Король Италии, е.в. император Японии, е.в. король Норвегии, е.в. королева Нидерландов, е.в. король Швеции* и т. д. Глава государства, как правило, один, официальное наименование должности – нереферентное имя, поэтому форма числа – ед.ч. Перечисление должностей представляет собой однородные подлежащие, которые согласуются с глаголом во мн.ч. – *назначили и условились о нижеследующем*. Форма СВ прошедшего времени в конкретно-фактическом значении указывает на то, что данный факт имел место один раз в истории и есть результат – договор.

В основном тексте договора раскрываются основные положения, о которых договариваются страны-участницы. После преамбулы вводится имя класса во мн.ч. – *Высокие Договаривающиеся Стороны, суда и граждане Высоких Договаривающихся Сторон* и т. п. Предикаты при имени класса, таким образом, употребляются во мн.ч., и представляют собой следующие типы: 1) перформативный глагол настоящего времени НСВ (*признают*),

148 Забурдяев В. С. Проблемы метанообильных шахт, оснащенных современной угледобывающей техникой // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал), 2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-metanoobilnyh-ugolnyh-shaht-osnashennyh-sovremennoy-ugledobuvayuschey-tehnikoy> (Дата обращения 25.05.2018).

2) сочетание глагола *быть* в форме будущего времени с инфинитивом НСВ в конкретно-процессном значении (*будут пользоваться*).

Во мн.ч. употреблены также следующие существительные со статусом класса: *острова, островки и скалы, дома, склады, заводы, постройки, грузы, установки, собственники земельных участков, укрепления*. Статус класса указывает на множественность типичных объектов. Характерная особенность данных существительных: они обозначают те объекты и субъекты, которые в реальности существуют во множественном числе.

В ед.ч. употребляются существительные *sg-tantum*, как правило, отглагольные (*охота, ловля, сохранение, ввоз, транзит*), собирательные (*комиссия*), а также существительные, которые в рамках текста являются определенными и единичными (*Норвежское Правительство, международная метеорологическая станция, Русское правительство*). В отношении последней группы стоит отметить, что на момент составления текста договора речь шла о единственной такой метеорологической станции. Договор о Шпицбергене предполагал регулирование отношений между Правительством Норвегии, с одной стороны, и с Правительствами других стран-участниц, с другой. Это отношение в тексте договора выражается противопоставлением ед.ч. (для Норвегии) и мн.ч. класса (для других стран). Что касается выделения Русского правительства, то на момент составления договора представителей СССР (России) на обсуждении не было, однако права России на Шпицберген были признаны и зафиксированы в особой статье.

В тексте договора много пассивных конструкций с глаголом *быть* в форме будущего времени и с модальным глаголом *должен* (*будут допущены, не может быть создана, должна быть открыта, будут выработаны, будут признаны, будут урегулированы*) в связи с тем, что в договоре описывается ситуация, которая должна быть приведена к соответствующему виду, установленным в договоре условиям и правилам.

В Приложении к Договору сообщается, что граждане стран-участниц должны в трехмесячный срок подать претензии на земельные участки, и приводится инструкция, как они должны действовать. Поскольку необходимо, с одной стороны, актуализировать ситуацию, а с другой – описать ее максимально обобщенно, в Приложении в основном употребляются существительные в ед.ч. в родовом статусе: *Правительство требующего лица, Комиссар, сообщение, доклад, земельный участок*¹⁴⁹.

149 Ср.: Е. В. Красильникова пишет, что в инструкциях, когда необходимо актуализировать ситуацию, т.е. когда адресат должен соотнести реальный прибор и его описание в инструкции, сам прибор будет практически постоянно обозначаться существительным в единственном числе, а его части – существительным в таком числе, которое соотносится с реальным количеством частей прибора [Красильникова 1999: 34-35].

Итак, взаимодействие глагольных категорий и числа существительного в научном и официально-деловом стилях позволяет создать максимально обобщенное представление ситуации, которое может охватить все возможные вариации и проявления. Лингвистические средства моделируют необходимую картину мира, главными чертами которой являются нивелирование человеческой личности, т. е. субъективности, а также отсутствие второго плана, т. е. точность, не допускающая инотолкования. Данные черты формируют и определенный канон для этих стилей. Несмотря на то, что существует множество жанров (отзыв, научная статья, монография, лекция, отчет, закон, акт, договор, справка, заявление, приказ и т. п.), для всех жанров характерен свой стандарт, типовой образец, шаблон, при этом не только в плане языковых средств, но и формы (расположение строк, определенной информации, шрифт, оформление ссылок и т. п.).

§ 7 Количественность как семантическое условие жанровой цельности

Количественно-бытийные предикаты с количественными синтаксемами составляют основу квантитативных предложений. Такие предложения встречаются в типовой текстовой задаче в математике. Ее структура следующая: 1) условие задачи: описание ситуации, т. е. данных со свойствами и отношения между данными и 2) вопрос задачи: требование дать количественную характеристику компонентам или установить отношения между ними.

Рассмотрим «Ненаглядное пособие по математике» Г. Остера, поскольку в юмористических текстах хорошо предъявлены жанровые характеристики.

Как было установлено в предыдущей главе, к предикатам, лежащим в основе квантитативных предложений, относятся *числиться, равняться, составлять, насчитывать, увеличить, умножить, разделить, прибавить* и др.

- 1) *Если микроба, недавно открытого учеными, **увеличить в 20 миллионов раз**, его можно будет заметить невооруженным глазом, потому что длина его хваталок **станет равна 1 см**, а ширина кусалок – 2 см. **Чему будет равна** длина хваталок и ширина кусалок, если этого микроба **увеличить еще в 74 раза**, и что **станет с невооруженными учеными, встретившими этого микроба на узкой дорожке?***
- 2) *Сколько вишневых деревьев смогут вырастить опытные садоводы из 3 ведер этих вишен, если в первом ведре **насчитывают 675 вишен**, во втором – **732 вишни**, а в третьем – **591 вишню**.*
- 3) *Хор, состоящий из **280 мальчиков и 105 девочек**, исполняет задушевную песню.*

В данных текстовых задачах для формирования квантитативных предложений используются следующие синтаксические словосочетания: *увеличить* во взаимодействии с синтаксемой *в + Вин.*, *насчитывать* с синтаксемой *Вин. беспредложный* со значением меры,

состоять с синтаксемой *из + Род.*, а также предикат *равный* с синтаксемой *Дат. беспредложный*. Неотъемлемой частью любой текстовой задачи является вопрос, который также представляет собой количественное предложение, но именную синтаксему может заполнять вопросительное местоимение в соответствующей предложно-падежной форме или количественное наречие *сколько*, а предикат – сравнительная форма прилагательных, например, *меньше*, *больше* и под.: *насколько/ во сколько раз больше/меньше; чему равна площадь*.

Аппроксимативное значение не характерно для математических задач, поскольку ни в условии задачи, ни в вопросе не может задаваться неопределенное количество. Дистрибутивное тем не менее встречается:

- 1) *Апельсин, состоящий из некоторого количества равных долек, можно честно разделить на 5 частей и съесть всем вместе. Тогда каждому достанется по 3 дольки.*
- 2) *Кощей сказал, что у него 27360 сундуков полных, и каждый год прибавляется еще по 33 сундука.*

В качестве предиката в дистрибутивных конструкциях могут использоваться глагольные предикаты местоположения в форме ср.р., ед.ч. («дефолтное согласование»): *За ними стояло 7 рядов учительниц по русскому языку, по 27 учительниц в каждом ряду; На отставших мотоциклах сидело по две бабушки.*

Как было сказано во Второй главе, количественно-бытийные глагольные предикаты часто коррелируют с безглагольным обозначением количества, поскольку основное квантификационное значение заключается именно в синтаксеме:

В каждом пусике лежат три фарика, в каждом фарике – пять бляк, в каждой бляке – по два хрунечка. Сколько хрунечков в семи пусиках? Сколько бляк в двенадцати фариках? Сколько фариков в трех пусиках? Сколько хрунечков в девяти бляках? Сколько бляк в двух пусиках? Сколько хрунечков в семи бляках?

В данной задаче лишь один предикат *лежат* (при этом с бытийной семантикой), в остальных случаях – безглагольное обозначение количества. В этом примере представлены окказиональные, пустые с точки зрения лексического значения, существительные, что еще больше выделяет количественные слова (числительные и местоимения), поэтому жанр представлен в чистом виде.

Как правило, в вопросе текстовых задач используются глаголы в форме ср. р. пр. вр. или ед. ч. наст. вр. («дефолтное согласование»), однако у Г. Остера возможно как «дефолтное», так и семантическое согласование с количественно-именным словосочетанием:

- 1) *Сколько нервных бабушек застряло между этажами? Сколько бабушек поехали «зайцами»?*

2) Сколько бабушек высунулось в третье окно?	Сколько бабушек вцепились в третьего поросенка?
3) Сколько переодетых милиционеров пришло на день рождения к атаману преступников?	Сколько лыгов остались нераздавленными , если всего на полянке сидели и тихо пели задумчивую песню 39 лыгов?
4) Сколько теперь мальчиков и девочек в младшей группе детского сада ковыряется в носу?	Сколько мальчиков уже выпачкались ?

Как уже было сказано выше, выбор «дефолтного» или семантического согласования связан с фокусом внимания – МЕСТО или ДЛ соответственно. При выборе семантического согласования субъект действия становится более «личным», активно действующим.

В предписывающей литературе, посвященной норме литературного языка, сказано, что количественные слова *сколько, немного, несколько* и др. являются дополнительным фактором выбора «дефолтного» согласования. Тем не менее для создания юмористического эффекта Г. Остер выбирает согласование по мн.ч. для неличных субъектов:

1. *На веревке висели и спокойно сохли 8 выстиранных наволочек. 6 наволочек стащила с веревки и съезжала коза Люська. **Сколько наволочек спокойно высохли на веревке?***
2. *К пятидесяти годам у печального дяди Бори на голове оставалось 5512 волос, а к пятидесяти пяти их стало в 689 раз меньше. **Сколько волос покинуло голову дяди Бори и сколько волос остались ей верны?***

Во втором примере в первом случае выбирается «дефолтное» согласование, поскольку в фокусе внимания МЕСТО, и важен результат, а во втором – выбор семантического согласования и фокус внимания на ДЛ, чтобы создать эффект, будто бы каждый волос «принимал самостоятельное решение».

Все это нарушает, с одной стороны, жанр текстовой задачи, а с другой – приближает к художественному тексту.

Еще большую «деформацию» претерпевает жанр математической задачи у А. П. Чехова в «Задачах сумасшедшего математика». Внешние характеристики жанра сохраняются: сначала вводится условие, а затем формулируется количественный вопрос. Здесь присутствуют количественные предложения с бытийно-количественными предикатами и количественно-именными словосочетаниями:

- 1) *Куплено было 20 цибиков чая. В каждом цибике было по 5 пудов, каждый пуд имел 40 фунтов.*
- 2) *Английский язык имеет 137 856 738 слов, французский в 0,7 раз больше.*

В первом примере на количественную конструкцию накладывается дистрибутивное значение, выраженное синтаксемой *по + Вин.*, а также местоимением *каждый*.

В каждой задаче есть вопрос (чаще с требованием дать количественную характеристику компонентам или установить разницу). У А. П. Чехова он может начинаться с вводного *спрашивается*, задаваться количественным местоимением *сколько*. В качестве предиката в таких предложениях может быть глагол с количественной семантикой (*стоит*), бытийные глаголы в форме ср. р. пр. вр. (*было, понадобилось*) или ед. ч. наст. вр. (*получается*). Тем не менее вопрос задачи у А. П. Чехова (в отличие от Г. Остера) никак логически не связан с задаваемой количественной характеристикой в условии, отсюда возникает комический эффект:

- 1) *За мной гнались 30 собак, из которых 7 были белые, 8 серые, а остальные черные. **Спрашивается**, за какую ногу укусили меня собаки, за правую или левую?*
- 2) *Под Новый год из маскарада Большого театра было выведено 200 человек за драку. Если дравшихся было двести, то **сколько было** бранившихся, пьяных, слегка пьяных и желавших, но не находивших случая подраться?*
- 3) *Что **получается** по сложении сих чисел?*

В последнем примере задачи ничего, кроме собственно вопроса, нет. Таким образом, можно заключить, что в жанровом отношении количественный вопрос является более ярким фактором, чем само условие текстовой задачи.

Итак, квантитативное предложение может служить стилистическим маркером определенного жанра – математической задачи, поскольку в ней задается определенное количество и требуется найти или охарактеризовать определенные количественные отношения. При транспозиции жанра на первый план выходят собственно жанровые особенности, контрастирующие с остальными языковыми средствами, за счет чего и достигается юмористический эффект.

Выводы по третьей главе

1) В условиях информативного регистра категория вида глагола взаимодействует с референциальным статусом именной группы и через него с категорией числа, точнее, с непрямыми значениями единственного и множественного числа. Эти средства служат для создания типичного, будь то описание определенного типа личности, созданного революционным временем (как в разделе «Личины» М. Волошина или в стихотворении «Читатели газет» М. Цветаевой) или характеристика определенного пространства, где циркулирует множество народа («Феодосия» и «На вокзале» М. Волошина, описание сцен крупных баталий в «Полтаве» А. С. Пушкина и «Бородине» М. Ю. Лермонтова).

2) В условиях генеритивного регистра предпочтение отдается единственному числу, у которого степень абстрагирования еще больше, чем у множественного, поэтому в обобщение включается и сам автор, в отличие от информативных текстов, где дистанцированность не только исключает говорящего, но и противопоставляет его, отсюда возникает оценочность.

3) Выбор определенных морфологических средств или синтаксических конструкций может обуславливаться дальнейшей авторской стратегией текста. Так, история выбора первой фразы романа М. А. Булгакова показывает логику писателя и выявляет скрытые категории в предложениях с количественно-именным словосочетанием в качестве субъекта предложения, таких как бытийность, агентивность / неагентивность, личность / обезличивание. В поэтическом тексте предмет, действие или состояние не столько описываются как единичные, случайные, сколько становятся объектами размышления, сравнения, оценивания, символами. Отсюда возможность прочитывания одного и того же текста с разных точек зрения. Кроме того, на взаимодействие именных и глагольных категорий в поэзии часто накладывается противопоставление я — не-я. И выбор той или иной морфологической формы, синтаксической конструкции сам по себе становится знаковым, символичным. Так, у М. Цветаевой определенная количественная приставка, благодаря повтору и графическому выделению, вырастает до символа.

4) Взаимодействие категории числа с видовым значением глагола или глаголами с количественными приставками на фоне субъектной перспективы текста привносит дополнительное оценочное значение. При совпадении субъекта говорящего с субъектом мнения намеренное заполнение валентности на множественный субъект существительным в единственном числе создает комический эффект (как в стихотворении «Бюрократида» В. Маяковского или песне «Милицейский протокол» В. Высоцкого). Также намеренное использование множественного числа вместо единственного, соединение категории количества с категорией определенности/неопределенности, выражаемой за счет местоимений,

множественного числа и, как правило, глаголов в НСВ, приобретают оценочное значение в высказывании, часто негативное. Подобные примеры характерны для диалогической речи как реакция говорящего на ситуацию.

5) Отдельный предмет исследования представляют собой тексты, в которых писатель использует технику экспликации литературного приема, когда в художественном тексте читателю демонстрируется механизм действия языковых средств. Так, А. Белый сознательно использует те же языковые средства в романе «Петербург», что и Н. В. Гоголь в «Невском проспекте», и обнажает механизм действия этих языковых средств. Техника экспликации литературного приема является яркой чертой литературы XX века (В. Хлебников, Д. Хармс, В. В. Набоков).

5) Исследование также показало, что на выбор видо-временной формы глагола и числа существительного могут оказывать влияние коммуникативные характеристики функционального стиля. Так, в научном и официально-деловом стилях тексты подчинены жанровым стандартам, которые, в свою очередь, связаны с определенным тема-рематическим членением и логическим развертыванием. Для них характерны взаимодействие множественного числа класса и единственного родового с неактуализованными предикатами (экзистенциальными, таксономическими и качественными). Кроме того, количественное предложение может быть жанрообразующим фактором. При транспозиции жанра («Ненаглядное пособие по математике» Г. Остера и «Задачи сумасшедшего математика» А. П. Чехова) на первый план выходят собственно жанровые особенности, контрастирующие с остальными языковыми средствами, за счет чего и достигается юмористический эффект.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало семантико-синтаксическую сущность категории количества. Этот системный статус был обнаружен в результате комплексного анализа, соединившего единицы разных языковых уровней, а также системно-грамматическое описание с текстовым. Семантическое взаимодействие единиц разного уровня становится очевидным на уровне синтаксической конструкции, поэтому основное внимание в работе уделялось семантическому вкладу именных и глагольных компонентов в типовое значение синтаксической конструкции.

Лексикализованная количественность, выражаемая в именной системе (числительные, количественные существительные), обладает самостоятельной синтаксической функцией; грамматикализованное количество требует семантико-синтаксического подкрепления на уровне синтаксической конструкции, тем самым категория количества становится результатом семантического взаимодействия субстантивных синтаксем с глагольными – как по линии лексической семантики, так и по линии семантики грамматических категорий.

В рамках именной системы средств выражения количества, кроме морфологизованной количественности (категория числа), количество выражается падежной формой и падежной формой во взаимодействии с предлогом, образующими субстантивные количественные синтаксемы: собственно квантитативные, аппроксимативные, дистрибутивные, дименсивные, партитивные и генеративные. Указанные количественные синтаксемы являются результатом взаимодействия лексической семантики существительного, грамматической семантики категории числа и семантики падежной или предложно-падежной формы.

Принятие в качестве основного объекта исследования синтаксемы позволило увидеть особую роль предлогов в выражении количественных значений. Без предлогов не выражаются дистрибутивные, дименсивные и генеративные значения, аппроксимативные и партитивные также выражаются в значительной степени с участием предлога.

Развивая идеи «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой, автор настоящего исследования соединил в одной работе «номиноцентрический» (субстантивно-центрический) и вербоцентрический подходы к изучению глагольно-именной сочетаемости в связи с категорией количественности. Взгляд «от имен к глаголам» применялся для тех количественных субстантивных синтаксем, которые определяются в словаре как свободные и обусловленные (по Е. Куриловичу – семантические, или наречные падежи). При взгляде на количественную конструкцию от субстантивных количественных синтаксем в результате корпусного анализа были выявлены семантические группы глаголов, регулярно сочетающиеся с количественными синтаксемами. Этот взгляд позволил различить глаголы семантически недостаточные и

семантически достаточные, т.е. различить конструктивно-обусловленные и свободные значения глагольных предикатов.

Функционально-грамматический анализ глагольно-субстантивных сочетаний с количественным значением позволил обнаружить следующую закономерность. Степень самостоятельности глаголов зависит, во-первых, от обязательности/необязательности выбора количественной синтаксемы в определенной падежной форме, а во-вторых, от актуальной/неактуальной временной локализованности предиката: наименьшей степенью самостоятельности обладают глаголы, выражающие значение, неактуально локализованное во времени, и допускающие свободный выбор субстантивных синтаксем с количественным значением (вне зависимости от их падежной формы).

При взгляде от глагола выявлялись семантические группы глаголов с множественным субъектом и количественным объектом, т.е. рассматривались те синтаксические конструкции, в которых количественность входит в семантику обусловленных (субъектных) и связанных (объектных) синтаксем (по Е. Куриловичу – синтаксические падежи). В глагольных конструкциях с полнозначными глаголами (со свободным номинативным значением) количественное значение является добавочным, деривационным и выражается прежде всего во взаимодействии глагольных приставок с категорией числа существительного.

Условием взаимодействия бесприставочных глаголов с количественной синтаксемой становится изменение семантики глагола – переход акциональных глаголов в класс узуальных предикатов деятельности или качества.

Для семантико-синтаксической интерпретации предложений с количественным значением была использована идея модели семантического взаимодействия Г. А. Золотовой. Эта модель соотносит функциональный тип субстантивной синтаксемы с семантическим типом глагольной лексемы. В результате исследования были обнаружены семантические группы глаголов, соответствующие каждому из четырех вариантов семантического взаимодействия по Г. А. Золотовой, и обоснована конструктивная факультативность этих глаголов на уровне предикативной синтаксической конструкции.

В результате рассмотрения шести типов количественных субстантивных синтаксем были уточнены их системно-синтаксические характеристики. Было показано, что одни субстантивные количественные синтаксем свободно функционируют на уровне предикативной количественной конструкции, другие – имеют ограничение и предполагают обязательное наличие глагола. В безглагольных количественных конструкциях возможны аппроксимативные, дистрибутивные, дименсивные синтаксем, при этом наибольшей свободой характеризуются аппроксимативные. Функциональные возможности аппроксимативных

синтаксисом объясняются наличием в семантике этих синтаксисов субъективной составляющей, т.е. связью с субъектом мысли и речи (в другой терминологии – прагматикой).

Большую степень зависимости обнаруживают дистрибутивные синтаксисы, которые требуют поддержки еще одной количественной субстантивной синтаксисом. Если вторая количественная синтаксема отсутствует, то дистрибутивная синтаксема трансформируется в партитивную.

Были показаны функционально-семантические различия между шестью типами количественных субстантивных синтаксисов. Одни количественные синтаксисы несут основное значение количественного компонента (собственно квантитативное, дименсивное, партитивное и генеративное), другие выражают количественное значение как деривационное (аппроксимативное и дистрибутивное).

Генеративные синтаксисы (не только включительный, или превратительный, падеж – по А. А. Зализняку) выражают собирательную множественность, поэтому количественная семантика в них выражается не только падежом, но и числом существительного. Семантика множественности в этих синтаксисах обеспечивает признаковое значение предикатов, образованных генеративными синтаксисами.

Анализ материала из «Национального корпуса русского языка» подтвердил тот факт, что лексикализованная количественность (выраженная глаголом) влияет на выбор падежа при отрицании.

Семантико-синтаксический анализ был подкреплён анализом текста, в результате которого было показано, что конструкции с количественным значением характеризуются определенными коммуникативно-регистровыми, стилистическими и прагматическими особенностями.

Появление лексических средств категории количественности обусловлено жанрово и/или стилистически. В научном стиле, в тексте математических задач (собственно математических или их художественных трансформациях) лексикализованная количественность является текстовой доминантой, определяющей выбор других (морфологических и синтаксических) средств выражения количественности.

В результате коммуникативно-регистрового анализа текста был продемонстрирован семантический потенциал категории количества: конкретная счетность в условиях репродуктивного регистра в информативном сменяется нечленимой множественностью, несчетностью, а на уровне генеритивного наблюдается нейтрализация грамматического противопоставления единичности и множественности.

В художественном тексте идея множественности может быть мотивирована образной системой, быть средством характеристики и взаимодействовать с предикатами качества в

условиях информативного регистра речи, а также быть средством характеристики пространства (описания места).

Исследование предложений с количественным значением на фоне субъектной перспективы позволило интерпретировать предложения с формами множественного числа в позиции субъекта как средства дистанцированности говорящего от субъекта действия или качества, о котором идет речь в тексте.

Формы, противопоставленные по числу, рассматривались в рамках текстов, описывающих пространственные объекты, в которых существует человек. Сравнительный анализ текстов Н. В. Гоголя и А. Белого продемонстрировал разные предпочтения двух авторов в использовании форм числа существительного.

Отличительной особенностью синтаксиса А. Белого являются случаи особого использования форм единственного числа для обозначения множественных одушевленных субъектов. Были обнаружены и интерпретированы примеры семантического «рассогласования» (глагол с количественной семантикой, предполагающий множественный субъект, употребляется с единственным числом субъекта), которое преодолевается при помощи семантического сдвига в субстантивном компоненте.

Сравнение романа А. Белого с текстами первой трети XX века показало, что в языке революционной эпохи оказывается востребованным множественное число, а использование единственного связано с определенным эффектом – иронией и оценкой, а также с выражением социального расслоения общества с точки зрения представителя одного слоя на представителя другого.

В процессе текстового анализа были рассмотрены условия, при которых категория количественности взаимодействует с семантическими категориями бытийности, акциональности предиката или личности/неличности субъекта.

Проведенное исследование свидетельствует о перспективности семантико-синтаксического подхода к тем семантическим категориям, показатели которых распределены, во-первых, между разными уровнями, а во-вторых, между разными частями морфологической системы. При таком подходе признается паритет между глагольными и именными средствами, выражающими данное категориальное значение, что в современной науке характерно для лингвистики конструкций. Категория количества в ее маркированном варианте значения множественности, будучи результатом взаимодействия субстантивных и глагольных компонентов, входит в общую типовую семантику предложения, т.е. в общий смысл предикативной количественной конструкции, и тем самым соединяет семантику компонента, семантику конструкции с функционально-коммуникативными характеристиками текста.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азимов, Щукин 2009 – Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Акимова 2015 – Акимова И. И. Субстантивное число и детерминация в русском и китайском языках: лингво-культурологический аспект: Монография. – М.: Знак, 2015. 144 с.
3. Алексеева 1982 – Алексеева Э. В. Имена собирательные в современном русском языке // Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1982 №3. С. 37-39.
4. Алисова 1971 – Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1971. 293 с.
5. Алпатов 1993 – Алпатов В. М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1993. №3. С. 15-26.
6. Апресян 1967 – Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М.: Наука, 1967. 251 с.
7. Апресян 1972 – Апресян Ю. Д., Об одном правиле сложения значений // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 439-458.
8. Апресян 1985 — Апресян Ю. Д. Принципы описания значений граммем // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 61-65.
9. Апресян 1995 I – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
10. Апресян 1995 II – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
11. Апресян 2005 – Апресян Ю. Д. Предлоги-кванторы в русском языке // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 350-371.
12. Апресян 2009 – Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика, М.: Языки славянских культур, 2009, 568 с.
13. Арбатский 1972 – Арбатский Д. И. Множественное число гиперболическое // Русский язык в школе, М.: «Просвещение», 1972. №5. С. 91-96.
14. Аристотель 2015 – Аристотель, Метафизика, М.: Эксмо, 2015, 236 с.
15. Арнольд 1978 – Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностраный язык в школе, М.: Высш. шк., 1978. – №4. С. 24-27.
16. Арутюнова (1976а) 2003 – Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл, 5-е изд., М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2003. 383 с.
17. Арутюнова 1976б – Арутюнова Н. Д. Референция имени и структура предложения // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1976, №2. С. 24-35.
18. Арутюнова 1977 — Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. с. 304-357.
19. Арутюнова 1982 – Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике, М.: «Радуга», 1982. Вып. XIII. С. 5-40.
20. Арутюнова 1988 – Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт –

- М.: Наука, 1988. 341 с.
21. Арутюнова 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2 изд., испр. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
 22. Арутюнова 2005 – Арутюнова Н. Д. Проблема числа // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 5-21.
 23. Арутюнова, Ширяев 1983 — Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение, Бытийный тип: структура и значение, М.: Русский язык, 1983, 198 с.
 24. Ахапкин 2005 — Ахапкин Д. Еще раз о "чеховском лиризме» у Бродского. TSQ №13 — summer 2005 — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/13/ahapkin13.shtml>
 25. Бабайцева 1968 – Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке, М.: Просвещение, 1968, 160 с.
 26. Бабайцев 2005 – Бабайцева В.В. Предложения типа *Пароходов было два* // Избранное. 1955 – 2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. проф. К. Э. Штайн, М.–Ставрополь: Издательство СГУ, 2005. С. 359-369.
 27. Барулин 1980 – Барулин А. Н. Категория числа в местоимениях // Исследования в области грамматики и типологии языков. М.: Изд-во Московского университета, 1980. С. 145-163.
 28. Барулин 2002а – Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 1 / Послесловие Ю. С. Степанова. – М.: Издательство «Спорт и культура – 2000», 2002, 340 с.
 29. Барулин 2002б – Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 2. Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). М.: Издательство «Спорт и культура – 2000», 2002, 281 с.
 30. Бахтин (1976) 2004 – Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа –[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Baht_PrT.php.
 31. Беляева 2005 – Беляева И. В. Прагматическое содержание количественной оценки. Дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005, 152 с.
 32. Бенвенист 1998 – Бенвенист Э. Общая лингвистика // Под ред. Ю. С. Степанова. Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный колледж им. И. И. Бодуэна де Куртене, 1998, 362 с.
 33. Берков 1996 – Берков В. П. Семантика сравнения и типы ее выражения // ТФГ. Качественность. Количественность, СПб: Наука, 1996. С. 107-129.
 34. Бирюлин 2001 – Бирюлин Л. А. Дистрибутивные конструкции в русском языке // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой, М.: Индрик, 2001. С. 198-210.
 35. Блумфилд (1933) 1968 – Блумфилд Л. Язык. – М: Прогресс, 1968. 606 с.
 36. Богородицкий 1935 – Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. - М.-Л., 1935, 356 с.
 37. Богуславская 2005 – Богуславская О. Ю. Кванторные прилагательные типа всеобщий. // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 127-138.
 38. Богуславский 1996 – Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996, 464 с.

39. Богуславский 2005 – Богуславский И. М. Валентности кванторных слов. // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 139-165.
40. Богуславский, Иомдин 2010 – Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. О валентностных свойствах одного широкого класса существительных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 47-54.
41. Бодуэн де Куртенэ (1927) 1963 – Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языке и мышлении // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по языкознанию. Т.2, М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 311-324.
42. Болдырев, Кубрякова, Петрухина 2004 – Болдырев Н. Н., Кубрякова Е. С., Петрухина Е. В. Рецензия на: Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка) // Вопросы языкознания, М.: Наука, 2004. №3. С. 108-114.
43. Бондарко 1971 – Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971, 239 с.
44. Бондарко 1976 – Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976, 255 с.
45. Бондарко 1992 – Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/Неопределенность, СПб.: Наука, 1992. С. 29-71.
46. Бондарко 1994 – Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1994. № 2. С. 29-42.
47. Бондарко 1995 – Бондарко А. В. Семантика глагольного вида в русском языке. Frankfurt-a-Main, 1995 (Beitrage zur Slavistik; 24), 103 с.
48. Бондарко 1999 – Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999, 260 с.
49. Борзенко, Добрушина 2017 – Борзенко Е. О., Добрушина Е. Р. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (люблю люблее) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, М.: Изд-во РУДН, 2017 Vol. 15 №1. С. 26-39.
50. Борщев, Парти 2002 – Борщев И. Б., Парти Б. Х. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика, вып. 37. М.: ВИНТИ РАН, 2002. С. 59-78.
51. Боэций 2001 – Аниций Манлий Торкват Северин Боэций. Комментарий к «Категориям» Аристотеля. / Пер. А. В. Аполлонова. // Антология средневековой мысли. Т. 1. СПб: РХГИ, 2001, 539с. С. 113—160.
52. Братчикова 1995 – Братчикова Н. С. Видо-временные формы индикатива, их типология и специфика в финском и русском языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд.филол.наук, – М., 1995, 20 с.
53. Булыгина 1980 – Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований/ А. А. Уфимцева [и др.]; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1980. С. 320-355.
54. Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке //

- Селиверстова О.Н. (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7- 85.
55. Булыгина, Шмелев 1988 – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Несколько замечаний о словах типа несколько (к описанию квантификации в русском языке) // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 44-53.
56. Булыгина, Шмелев 1989 – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1989. № 3. С. 51-61.
57. Булыгина, Шмелев 1997 – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997, 576 с.
58. Валгина 2000 – Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. – М.: Агар, 2000, 416 с.
59. Валгина 2003 – Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003, 304 с.
60. Ван Валин 1982 – Ван Валин Р. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике, М.: Прогресс, 1982. Вып.11. С. 376-410.
61. Васильев 1981 — Васильев Л. М. Семантика русского глагола. Учебное пособие для слушателей фак. повышения квалификации. М.: Высш. шк., 1981, 183 с.
62. Васильева 1976а – Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М.: Русский язык, 1976, 189 с.
63. Васильева 1976 – Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. М.: Русский язык, 1976, 192 с.
64. Величко 2016 – Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2016, 507 с.
65. Виноградов (1936) 1980 – Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 176-239.
66. Виноградов 1947 – Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) – М.-Л.: УЧПЕДГИЗ, 1947, 784 с.
67. Виноградов 1975 – Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975, 560 с.
68. Винокур 1959 – Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959, 492 с.
69. Винокур 1991 – Винокур Г.О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т. Г. Винокур; Предисл. В. П. Григорьева., М.: Высш. шк., 1991, 448 с.
70. Вопросы... 1962 – Вопросы глагольного вида: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Маслова. М.: Иностранная литература. 1962. 439 с.
71. Вороновская 1984 – Вороновская И. Ф. Функционально-семантическая категория неопределенности в современном русском языке: Автореф.дис.к.ф.н., Л., 1984. 16 с.
72. Воротников 1999 – Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке, М.: Азбуковник, 1999. 278 с.
73. Ворт 1998 – Ворт Дин С. Второй винительный в современном русском литературном языке // «Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской». М.: Наследие, 1998. С. 7-13.
74. Всеволодова 1979 – Всеволодова М. В. О семантическом согласовании глаголов и

- именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1979, №1. С. 103-113.
75. Выражение категории количества глагольными формами в русском языке [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.dissland.com/catalog/virazhenie_kategorii_kolichestva_glagolnimi_formami_v_ruskom_yazike.html
76. Гак 1977 – Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. (Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева), М.: Наука, 1977. С. 230-294.
77. Гак 1990 – Гак В. Г. Валентность. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 79-80.
78. Гак 2004 – Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004, 832 с.
79. Галкина-Федорук 1958 – Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во Московского ун-та. 1958. – 332 с.
80. Галкина-Федорук 1963 – Галкина-Федорук Е.М. Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1963. 45 с.
81. Гаспаров 1979 – Гаспаров Б. М. О некоторых особенностях функционирования видовых форм в повествовательном тексте // Вопросы русской аспектологии. Вып. 4, Тарту, 1979. С. 112-126.
82. Гвоздев 1952 – Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка, М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952, 336 с.
83. Гвоздев 1973 – Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч.1. Фонетика и морфология. М.: Просвещение, 1973, 432 с.
84. Гегель 1998 – Гегель Г. В. Ф. Наука логики, М.: Мысль, 1998, 330 с.
85. Гин 1996 – Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы, СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996, 224 с.
86. Гловинская 1982 — Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений в русском глаголе. М.: Наука. 1982, 155 с.
87. Гловинская 1986 — Гловинская М.Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола. Автореф. дис. ... д-ра фил.наук, М, 1986, 35 с.
88. Головачева – Головачева А. Н. Категория количественности в русской лингвокультуре и место квантитативов в системе лексико-грамматических разрядов существительных [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/10_golovacheva%20a.n..doc.htm
89. Горбачевич 1981 – Горбачевич К.С. Изменение норм современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1981, 208 с.
90. Граудина 1980 – Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты, М.: Наука, 1981, 288 с.
91. Граудина, Ицкович, Катлинская 2001 – Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2001, 557 с.
92. Греймас (1966) 2004 – Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода, М.: Академический Проект, 2004, 368 с.
93. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // // Новое в

- лингвистике. Вып. III, М., 1963. С. 60-94 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/150.new-in-linguistics-3/source/worddocuments/_4.htm
94. Григорьев 1979 – Григорьев В. П. Поэтика слова. / На материале русской советской поэзии. / Отв. ред. А.Д. Григорьева. М.: Наука, 1979, 343 с.
 95. Гулыга, Шендельс 1969 — Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке, М.: Просвещение, 1969, 184 с.
 96. Дегтярев 1982 – Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках. Историко-семантическое исследование. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1982, 319 с.
 97. Декарт 1994 – Декарт Р. Сочинения в двух томах, Том 2, М.: Мысль, 1994, 633 с.
 98. Добровольский 2005 – Добровольский Д. О. Кванторные слова в сопоставительном аспекте (несколько и его немецкие эквиваленты) // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 166-185.
 99. Долинина 1990 – Долинина И. Б. Глагольная множественность: содержательные типы. // Бирюлин Л. А., Вардоль И. Ф., Храковский В. С. Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 141-151.
 100. Долинина 1996 – Долинина И. Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности»). // Бондарко, А.В. и др. (ред.). Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб: Наука, 1996. С. 141-151.
 101. Доронина 2008 – Доронина С. В. Конструкции с количественно-именным сочетанием как тестовое задание ЕГЭ // Русская словесность. - 2008. - N 5. С. 67-73.
 102. Драгилина-Черная 2005 – Драгилина-Черная Е. Г. Логика и онтология обобщенной квантификации. // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 36-43.
 103. Дубинина 2005 – Дубинина Н. В. Глаголы арабского языка. Правильные и неправильные корни. – М.: Восток-Запад, 2005, 161 с.
 104. Дубровина 2008 – Дубровина Е. В. Выражение категории количества глагольными формами в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук – Тамбов, 2008. 25 с.
 105. Дунев 2004 – Дунев А. И. Интенциональность грамматических значений в аспекте речевого воздействия. // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. М. П. Котюрова. Перм. ун-т. – Пермь, 2004. С. 129-136.
 106. Дурново 1929 – Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. II: Синтаксис. Ч. 1. Москва-Ленинград: Госиздат, 1929, 123 с.
 107. Ермакова 2005 – Ермакова О. П. Переход количества в качество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 272-279.
 108. Есперсен 1958 – Есперсен О. Философия грамматики. /Пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой. Под ред. и с пред. проф. Б. А. Ильиша. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958, 400 с.
 109. Еськова 2005 – Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы: ударение: ок. 12000 слов. Современный русский язык / Н. А. Еськова. – 6-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2005, 605 с.
 110. Жуковская 2005 – Жуковская Г. А. Генитивные конструкции в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 СПб., 2005, 27 с.
 111. Зализняк (1967) 2002 – Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с

- приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М.: Языки славянской культуры, 2002, 760 с.
112. Зализняк 1980 – Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1980, 880 с.
113. Зализняк, Падучева 1974 – Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. №4. М., 1974. [Перепечатано в сб.: Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: Языки русской культуры: Русские словари, 1997. С. 7-14]
114. Зализняк, Шмелев 2000 – Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000, 226 с.
115. Захарова 1984 – Захарова Е. П. Род и число в разговорной речи («значимость служебных морфем»). Автореф. канд. дис. Саратов, 1984, 19 с.
116. Зверев 2007 – Зверев А. Д. Еще о конструкции *идти в солдаты* // Европейские языки: историография, теория, история, методика. Межвузовский сборник научных работ. Выпуск 6. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. С. 67-71.
117. Земская 1979 – Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979, 240 с.
118. Земская 2005 – Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005, 224 с.
119. Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981, 276 с.
120. Золотова (1973) 2005 – Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка, Изд.2, испр., М.: КомКнига, 2005, 352 с.
121. Золотова 1980 — Золотова Г. А. О синтаксическом словаре русского языка // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1980, №4. С.71-83.
122. Золотова 1982 – Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса, М.: Наука, 1982, 368 с.
123. Золотова 1985 – Золотова Г. А. Еще раз о конструкции *идти в солдаты* (ее синтагматика и парадигматика) // Сборник Матице српске. XXVII — XXVIII. Нови Сад, 1985. С. 255–261.
124. Золотова (1988) 2001 – Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 2-е, исправленное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001, 440 с.
125. Иванова 1973 – Иванова В. Ф. Модели количественных предложений (К вопросу о типологии простого предложения) // Русский язык в школе, М.: «Просвещение», 1973, №3. С. 96-101.
126. Ингарден 1962 – Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962, 552 с.
127. Исаченко (1954 – 1965) 2003 – Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология/Предисловие Т. Ройтера и Л. Дюровича – 2-е изд., М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2003, 880 с.
128. Ицкович 1982 – Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы// Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 43-106.

129. Калашник 1996 – Калашник Д. М. Превосходная степень и семантика оценки // ТФГ. Качество. Количественность, СПб: Наука, 1996. С. 145-160.
130. Калькова 2003 – Калькова Т. М. Противительное отношение и языковая картина мира // Доклады международной конференции Диалог, М.: Наука, 2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/2639/kalkova.pdf>
131. Кант 1964 – Кант И. Сочинения в шести томах. Том 3, М.: Мысль, 1964, 799 с.
132. Камынина 1961 – Камынина А. А. К вопросу о предложениях с количественными словами в составе главных членов // Русский язык в школе, М.: «Просвещение», 1961, №2. С. 20-25.
133. Камынина 1999 – Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999, 240 с.
134. Карташкова 1990 – Карташкова Ф. И. Контекстуальные свойства конструкций с вспомогательным существительным // Семантика лингвистических единиц в языке и речи (тексте), Курск: Изд-во КГПИ, 1990. С. 65-71.
135. Карцевский 1928 – Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка. М.: Госиздат, 1928. 112 с
136. Касевич 1992 – Касевич В. Б. Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/Неопределенность, СПб.: Наука, 1992. С. 5-29.
137. Категория количества 1990 – Категория количества в современных европейских языках / Отв. ред. В. В. Акуленко, Киев: Наукова думка, 1990, 284 с.
138. Кацнельсон 1948 – Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник Ленинградского университета. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1948. № 2. С. 114-134.
139. Кашина 1973 – Кашина Д. А. Функционально-семантическое поле количества (на материале современного немецкого языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук – М., 1973. 20 с.
140. КГРЯ (1998) 2004 – Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004, 544 с.
141. Князев 1979 – Князев Ю. П. Нейтрализация морфологических противопоставлений в ряду смежных явлений грамматики // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1979. С. 268-288.
142. Князев 1996а – Князев Ю. П. Степени сравнения и точки отсчета // ТФГ. Качество. Количественность, СПб: Наука, 1996. С. 129-145.
143. Князев 1996б – Князев Ю.П. Неопределенность и ее оценочные коннотации // Проблемы лингвистической семантики. Череповец: Изд-во Череповецкого Ун-та, 1996. С. 22-27.
144. Князев 2005 – Князев Ю. П. Степени сравнения: способы квантификации и типы референции // Логический анализ языка. Квантификационный аспект языка/ Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М.: Индрик, 2005. С. 400-413.
145. Князев 2007 – Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. – М.: Языки славянских культур, 2007, 699 с.
146. Кобозева 2000 – Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000, 352 с.

147. Ковтунова 1986 – Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986, 205 с.
148. Кожина 1972 – Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими, Пермь: Перм. Ун-т., 1972, 395 с.
149. Кожина 1983 – Кожина М. Н. Стилистика русского языка, М.: Просвещение, 1983, 223 с.
150. Козинцева 1991 – Козинцева Н. А. Число имени как аспектуально релевантный фактор // Синтагматические и парадигматические связи языковых единиц и категорий (на материале разносистемных языков). Таллинн, 1991. С.20-21.
151. Колесникова 2010 – Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: Уч. пособие. М.: Высшая школа, 2010, 279 с.
152. Комарова 1988 – Комарова Н. Ю. Стилистически направленное изучение категории числа существительного в курсе современного русского языка // Русский язык в школе, М.: «Просвещение», 1988 №6. С. 69-72.
153. Кондаков 1975 – Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1975, 720 с.
154. Копыленко 1993 – Копыленко М. М. Средства выражения количества в русском языке / М. М. Копыленко; отв. ред.: К. Ш. Хусаинов; НАН Республики Казахстан, Ин-т языкознания – Алма-Ата: Евразия, 1993, 183 с.
155. Костинский 1969 – Костинский Ю.М. Подлежащее в родительном падеже? // Русская речь, М.: Наука, 1969, №6. С. 50-56.
156. Кошелев 1996 – Кошелев А. Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: Спорное в лингвистике: Семантика Лексикография. Референциальный анализ. Метаязык лингвистики, М.: Языки русской культуры, 1996. С. 82-194.
157. Красильникова 1989 – Красильникова Е. В. Семантика и функции форм числа имен существительных в разных типах речи // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика, М.: Наука, 1989. С. 232–274.
158. Красильникова 1990 – Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект., М.: Наука, 1990, 128 с.
159. Красильникова 1999 – Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. Научный доклад на соиск. уч. ст. д.ф.н, М., 1999.
160. Кржижкова 1966 — Кржижкова Е. Темпорально-квантитивная детерминация глагола // Československá rusistika, 1966. Roč. 11, N 2. p. 86-93.
161. Кронгауз 2001 – Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001, 399 с.
162. Крылов 1984 – Крылов С. А. Категория детерминации в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика, М.: ВИНТИ, 1984. Вып.23. С. 124-154.
163. Крылов 2005 – Крылов С. А. Количество как понятийная категория. // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 44-65.
164. Крылов 2014 – Крылов С. А. О трактовках количественно-именных групп с рематической постпозицией квантификатора // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва,

- МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 298-299.
165. Крысин 1988 – Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984 / Отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1988. С. 95 -111.
166. Крысько (1997) 2006 – Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006, 486 с.
167. Кувшинская 2019 – Кувшинская Ю. М. Предикативное согласование со словами «ряд», «половина», «часть», «множество» в современном русском языке // Сибирский филологический журнал, 2019 №2. С. 189-215 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/305318117.pdf>
168. Кузнецова 1963 – Кузнецова А. М. Родительный прямого объекта в современных восточнославянских языках: Автореф.дис. ... канд.фил.наук, М., 1963, 23 с.
169. Кузнецова 2010 – Кузнецов Ю. Л. Русская конструкция с предлогом по и проблема неаккузативности // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина, М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 184-218.
170. Курилович 1962 – Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей, М.: Изд-во иностранной литературы, 1962, 456 с.
171. Куссе 2005 – Куссе Х. Аргументативные компоненты кванторных значений: кванторные слова и ментальные глаголы. // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 414-424.
172. Лазуткина 2014 – Лазуткина Е. М. Концепт «множество» и категория числа имени существительного в русском языке // «Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах». М.: Ленанд, 2014. С. 140-149.
173. Лакшин 1975 – Лакшин В. Я. Толстой и Чехов, М.: Сов. писатель, 1975, 570 с.
174. Лаптева 1976 – Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976, 397 с.
175. ЛАЯ 2005 – Логический анализ языка. Квантификационный аспект языка/ Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М.: Индрик, 2005. 672 с.
176. Лебедева 1984 – Лебедева Л.Б. Пространственные и временные указания в общереферентных высказываниях // Изв. АН СССР. Сер.лит. и яз., 1984. –Т. 43. –Вып.4. – С.304-314.
177. Лекант 2004 – Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке, М.: Высшая школа, 2004, 247 с.
178. Леонтьева 1998 – Леонтьева Н. Н. О статусе валентностей в информационном анализе текста // Семиотика и информатика, вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 41-50.
179. Линский 1982 – Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике, М.: Прогресс, 1982. Вып.13. С. 161-178.
180. Литвин 2005 – Литвин Ф. А. Кванторы и слова. // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 201-206.
181. Ломов 1974 – Ломов А. М. Вид и длительность // Материалы по русско-славянскому языкознанию, Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. С. 89-99.
182. Ломов 1994 – Ломов А. М. Типология русского предложения, Воронеж: ВГУ, 1994,

280 с.

183. Ломтев 1956 – Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка, М.: Изд-во МГУ, 1956. 596 с.
184. Ломтев 1971 – Ломтев Т. П. Квантитативы современного русского языка // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 106-116.
185. Лопатин 1994 – Лопатин В. В. Собираемость в русском языке (фрагмент функциональной грамматики) // Русистика сегодня, М.: РАН ИРЯ им. В. В. Виноградова, 1994, №3. С. 34-49.
186. Лотман 1969 – Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/48671>
187. Лотман 1983 – Лотман Ю.М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя, Л.: Просвещение, 1983, 416 с.
188. Лотман 1994 – Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тарусско-московская семиотическая школа. — М.: Гнозис, 1994. С. 17—245.
189. Лотман 1998 – Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. — СПб.: «Искусство – СПб», 1998. С. 14—285.
190. Лукин 2005 – Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум – М.: Издательство «Ось—89», 2005, 559 с.
191. Лутин 2008 – Лутин С. А. Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке. Дисс. на соискание степени д. ф. н. — М., 2008, 496 с.
192. Лутин, Алексеева 2011 – Лутин С. А., Алексеева И. К. Родительный приглагольный: борьба за выживание // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, М.: Изд-во РУДН, 2011 №1. С. 18-23.
193. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь/ под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР, М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
194. Лютикова 2016 – Лютикова Е. А. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филол.наук, – М., 2016. 741 с.
195. Ляпон 2010 – Ляпон М. В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора, М.: Языки славянских культур, 2010, 528 с.
196. Ляшевская 2000 – Ляшевская О. Н. Фигура наблюдателя в семантике форм множественного числа. // Труды международного семинара Диалог, 2000 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6332&y=2000&vol=6077>
197. Ляшевская 2004 – Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004, 390 с.
198. Ляшевская О. Н., Падучева Е. В. Онтологические категории имен эмоций [Электронный ресурс] — http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/emotions_teor_NTI_final3.pdf
199. Мазон 1914 – Mazon A., Emplois des aspects du verbe russe, P., 1914. В русском переводе: Мазон А. Употребление видов в русском языке // Вопросы глагольного вида: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Маслова. М.: Иностранная литература. 1962. С. 93-104.
200. Малышева 2004 – Малышева А. В. Родительный падеж прямого объекта при глаголах несовершенного вида в русских летописях и современных архангельских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII), М.: Наука,

2004. С. 170-184.
201. Маркова 1989 – Маркова Н. В. Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежских говорах и их история. Диссерт. на соискание степени канд.филол.наук, М., 1989, 199 с.
202. Маркс, Энгельс 1961 – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т. 20, М.: Государственное издательство политической литературы, 1961, 828 с.
203. МАС (1957-1960) 1981-1984 – Словарь русского языка в 4-х томах, Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева, М., 1957—1960 (АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com>
204. Маслов 1948 — Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., М.: Наука, 1948.Т. VII. Вып. 4, 364 с. С. 303—316.
205. Маслов 1978 — Маслов Ю.С. К основам сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: ЛГУ, 1978. С. 4-44.
206. Маслов 1983 — Маслов Ю.С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, ЛО, 1983. С. 41-54.
207. Маслов 1984 – Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984, 263 с.
208. Матвеева 2008 – Матвеева Е.Н. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина), дис. канд. филол. наук., Благовещенск, 2008, 237 с.
209. Матвеева 2016 – Матвеева О. К. Семантика и функционирование русских нумеративных предложений. Дисс. на соискание степени к. ф. н. — Воронеж, 2016, 171 с.
210. Маяковский 1959 – Маяковский В. В. Как делать стихи? // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, М.: Худож. Лит., 1955—1961. Т. 12. Статьи, заметки и выступления: (Ноябрь 1917 — 1930). — 1959. С. 81 – 117.
211. Маштакова 2005 – Маштакова М. В. Определенность-неопределенность в русском и французском языках: значения, функции и способы выражения. Дисс. на соискание степени к. ф. н. — М., 2005. 192 с.
212. Мелиг 2008 — Мелиг Х. Р Совместимость несовершенного вида в процессуальной функции с дополнением, обозначающим ограниченное количество // Humanogia: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008. С. 147-165.
213. Мельчук (1974) 1999 – Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <=> Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999, I–XXII, 346 с.
214. Мельчук 1974 — Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л.: Наука, 1974. С. 343-360.
215. Мельчук (1980) 1995 – Мельчук И. А. О падеже существительного в конструкции типа пойти в солдаты: проблема управления // Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл-Текст», Москва-Вена: Языки русской культуры, 1995, 682 с. С. 537-563.
216. Мельчук 1985 – Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. Wien, 1985, 514 с.
217. Мельчук 1997 – Мельчук И. А. Курс общей морфологии. том I: Пер. с фр. /

- Предисл. А. Е. Кибрика. Общ. редакция Н. В. Перцова. – Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, издательская группа «Прогресс», 1997, 416 с.
218. Мельчук, Жолковский 1984 – Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена: Wiener Slavistischer Almanach, 1984, 992 с.
219. Мель 2011 – Мель А. Аппроксимативные конструкции русского языка, материалы доклада на конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», СПб, 2011. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://iling.spb.ru/confs/rusconstr2011/materials/Moehl_slide.pdf
220. Меновщиков 1970 – Меновщиков Г. А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1970. №1. С. 82-88.
221. Метлякова 2011 – Метлякова Е.В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой. Автореф. диссертации на соискание степени канд.филол.наук, Ижевск: 2011 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/leksicheskii-povtor-kak-semantiko-stilisticheskaya-kategoriya-organizatsii-liricheskogo-tekst#ixzz4MPKqfwbv>
222. Мещанинов 1945 – Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Тр. Военного института иностранных языков, М., 1945 №1. С. 5-17.
223. Мещанинов 1967 – Мещанинов И. И. Соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. С. 7-16.
224. Милославский 1980 – Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза, М.: Наука, 1980, 295 с.
225. Мишурова 1969 – Мишурова Г. И. Существительные с количественным значением в современном русском языке (семантическая характеристика). Автореф. дис. канд. филол. наук, Л., 1969, 20 с.
226. Мразек 1973 – Мразек Р. Количественный предикат и его связь с двухбазисными структурами // Československa rusistica, 1973. – №3. С. 117-122.
227. МСГ 1996 – Межкатегориальные связи в грамматике, СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996, 231 с.
228. МССРЛЯ 1968 – Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968, 368 с.
229. Мусинова 2005 – Мусинова Т. В. Семантическое описание русской глагольной приставки пере-: традиции и современный подход // Материалы международная конференция «Диалог-2005». М., 2005 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Musinova%20TV/MusinovaTV.pdf>
230. Муравенко 1998 – Муравенко Е. В. О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей глагола. // Семиотика и информатика, вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 71-81.
231. Недялков 1991 – Недялков В. П. Типология взаимных конструкций // ТФГ: Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 276-312.
232. Нефедьев 1994 – Нефедьев М. В. Семантическая эволюция глагольных приставок на- и об- в истории русского языка XI – XVIII вв. // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1994, №4. С. 73-83.

233. НЗЛ 1985 – Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: Пер. с разн. яз. / Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. Общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985, 504 с.
234. Никитина 2014 – Никитина Е. Н. О типах взаимодействия категорий в синтаксической конструкции // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): труды и материалы / составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 302–303.
235. Новицкая 1983 – Новицкая В. В. Структурно-семантическая категория количества // Общие вопросы семантики. Исследования по семантике. Вып. 9. Уфа: Башк. ун-т, 1983. С. 63-71.
236. Новицкая 1996 – Новицкая В. В. Семантическая категория количества // Семантика и функционирование единиц языка и речи, Уфа: Башк. гос. пед. ин-т, 1996. С. 26-36.
237. Новоженова 2016 – Новоженова З.Л. Русское глагольное предложение: Структура и семантика / Вступ. ст. Т.В. Шмелевой, Изд. 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2016, 256 с.
238. Ожегов, Шведова 1999 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.
239. ОИЯРП 1993 – Очерки истории языка русской поэзии XX в.: грамматические категории; синтаксис текста / под ред. Е. В. Красильниковой. М.: Наука, 1993, 238 с.
240. Падучева (1974) 2007 – Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2007, 296 с.
241. Падучева 1984 – Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв.АН СССР Сер.лит. и яз. – 1984. – Т.43 – Вып.4 – с. 291-303.
242. Падучева (1985) 2008 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв.ред. В. А. Успенский. Изд. 5-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008, 296 с.
243. Падучева 1989 – Падучева Е. В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1989. № 2. С. 15-25.
244. Падучева (1996) 2010 — Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп., – М.: Языки славянской культуры, 2010, 480 с.
245. Падучева 1997 – Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1997. №2. С. 101-116.
246. Падучева 2005 – Падучева Е. В. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // Вопросы языкознания, М.: Наука, 2005, №5. С. 84-99.
247. Падучева 2009 – Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/Maslov_Vendler_final.pdf
248. Падучева 2017 – Падучева Е. В. Референциальный статус именной группы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

http://rusgram.ru/%D0%A0%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%81_%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D1%8B#22

249. Панов 1966 — Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 55-122.
250. Панов 1999 – Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999, 276 с.
251. Панфилов 1977 – Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. – М.: Наука, 1977, 287 с.
252. ПГ 2005 – Поэтическая грамматика. Том I / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. В. Красильникова (отв. ред.). – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005, 429 с.
253. Пеньковский 1989 – Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики./ Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1989. С. 54-82.
254. Перцов 2001 – Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении, Москва: Языки русской культуры, 2001. 282 с.
255. Пешковский (1935) 2001 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, М.: Языки славянской культуры, 2001, 544 с.
256. Пирс 2000 – Пирс Ч.С. Избранные философские произведения, М.: Логос, 2000, 448 с.
257. Плунгян 2000 – Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику, М.: Эдиториал УРСС, 2000, 383 с.
258. Плунгян 2011 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
259. Плунгян, Рахилина 1998 – Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Парадоксы валентностей. // Семиотика и информатика, вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 108-119.
260. Полянский 1984 – Полянский А. Н. План содержания категории количества в русском языке // Филологические науки. М.: Высшая школа, 1984. №1. С. 32-39.
261. Попов 1963 – Попов Р. Н. О конструкции типа *выйти в люди* в современном русском литературном языке // Филологические науки, М.:, 1963 – №2. С. 151-155.
262. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах "Звезда" и "Ленинград" 14 августа 1946 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm>
263. Потенба 1888 – Потенба А. А. Значение множественного числа в русском языке / [Соч.] А.Аф. Потенба. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1888, 78 с.
264. Потенба 1968 – Потенба А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2 (1958). Т. 3.– М.: Учпедгиз, 1968.
265. Потенба 1990 – Потенба А. А. Из записок по теории словесности // Потенба А. А. Теоретическая поэтика, М.: Высшая школа, 1990. С. 132-314.
266. Пристинская 1996 – Пристинская Т. М. Функции аналитических номинаций со значением приблизительности в высказывании // Единство системного и

- функционального анализа языковых единиц : сб. науч. тр. / БГПУ ; отв. ред. Н.И. Дзенс. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1996. - Вып.2. С. 128-134.
267. Пристинская 2002 – Пристинская Т. М. Когнитивный подход к аппроксимативным номинациям с ядерным глагольным компонентом // Источники гуманитарного поиска: новое в традиционном. Лингвистика. История : сб. ст. / под ред. В.К. Харченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. С. 78-83.
268. Пристинская 2012 – Пристинская Т.М. Прагматический потенциал конструкций с аппроксимативной семантикой в художественном тексте // Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики : сб. науч. тр., Белгород, 2012 г. / отв. ред.: О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2012. С. 195-199.
269. Прокопович 1969 – Прокопович Е. Н. О некоторых образованиях множественного числа в русском литературном языке // Мысли о современном русском языке: сборник статей, М.: Просвещение, 1969, 216 с. С. 192-198.
270. Прокопович 1982 – Прокопович Е. Н. Глагол в предложении: семантика и стилистика видо-временных форм, М.: Наука, 1982, 288 с.
271. Пупынин 1991 – Пупынин Ю. А. Активность / пассивность во взаимосвязях с другими функционально-семантическими полями // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 211 – 238.
272. Пупынин 1996 — Пупынин Ю. А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб. Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. С. 144 – 152.
273. Пчелинцева 2012 – Пчелинцева Е. Э. Семантический признак кратности в русских отглагольных именах действия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, СПб., 2012. - №146. С. 63-70. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/146/pchelintseva_146_63_70.pdf
274. Пчелинцева 2016 – Пчелинцева Е. Э. Аспектуальные признаки в отглагольных именах действия в русском, украинском и польском языках. Дис. на соискание ученой степени доктора филол. наук, СПб, 2016. 441 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iling.spb.ru/dissovet/theses/pchelinceva/thesis.pdf>
275. Пяльль, Тотсель, Тукумцев 1962 – Пяльль Э., Тотсель Э., Тукумцев Г. Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка. – Tallin: eesti riiklik kirjastus, 1962, 436 с.
276. Распопов 1970 – Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке, М.: Просвещение, 1970, 191 с.
277. Распопов 1971 – Распопов И. П. К интерпретации синтаксических конструкций типа «ребят у неё было четверо» // Русский язык в школе, М.: Просвещение, 1971, №5. С. 87-90.
278. Рахманин 1982 – Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. – М.: Высшая школа, 1982, 256 с.
279. РГ 1954 – Грамматика русского языка. Ред. коллегия: В. В. Виноградов [и др.]. Т. 1-2. М.: Изд-во АН СССР, 1952-1954.
280. РГ 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой, М.: Наука, 1970, 768 с.
281. РГ 1980 – Русская грамматика. Т. 1. – М.: Наука, 1980.
282. Ревзин 1969а – Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное множественное

- число» в русском языке // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1969. №3. С. 102-109.
283. Ревзин 1969б — Ревзин И. И. Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного) // Советское славяноведение. М.: Наука, 1969, №3. С. 74-76.
284. Ревзина 1979 — Ревзина О. Г. Функциональный подход к языку и категории определенности – неопределенности // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1979. С. 64-90.
285. Ревзина 1981 — Ревзина О. Г. К построению лингвистической теории языка художественной литературы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики / Под ред. В. М. Андрищенко. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 107-132.
286. Ревзина 1988 — Ревзина О. Г. Категория числа в поэтическом языке // Актуальные проблемы русской морфологии. М.: Издательство Московского университета, 1988. С. 66-79.
287. Ревзина 2006 — Ревзина О. Г. Некоторые вопросы и некоторые ответы к экзамену по стилистике, 2006 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/questiones.pdf>
288. Реформатский 1987 — Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987, 262 с.
289. Розенталь 1984 — Современный русский язык /Под ред. Розенталя Д. Э. — М.: Высшая школа, 1984, 736 с.
290. Розенталь 1997 — Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://boofereference.pochta.ru/contents.html>
291. Розенталь, Голуб 1996 — Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. Правила хорошей речи, М.: Рольф, 1996, 207 с.
292. РРР 1973 — Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973, 483 с.
293. РРР 1983 — Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983, 238 с.
294. Русакова 2009 — Русакова М.В. Речевая реализация грамматических элементов русского языка. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук, СПб, 2009, 51 с.
295. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой.
296. Том II: Имена существительные с конкретным значением. Все, создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. — М.: Азбуковник, 2000, 748 с.
297. Том III: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. — М.: Азбуковник, 2003, 629 с.
298. Том IV: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. М.: РАН ИРЯ им. В. В. Виноградова, 2007, 922 с.
299. Савельева 2008 — Савельева И. П. Логико-семантическая категория

- квантитативности в аспекте морфотемного анализа // Вестник Челябинского государственного университета [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/logiko-semanticheskaya-kategoriya-kvantitativnosti-v-aspekte-morfotemnogo-analiza>
300. Санников 2002 – Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002, 552 с.
 301. Сахно 1982 – Сахно С. Л. О приблизительных номинациях // Иностр. языки в высшей школе, М.: Высшая школа, 1982. Вып. 17. С. 72-80.
 302. Сахно 1983 – Сахно С. Л. Приблизительное именование в естественном языке // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1983. Вып. №6. С. 29-36.
 303. Светлик 1966 – Светлик Я. Русский синтаксис в сопоставлении со словацким, Братислава: Словацкое педагогическое изд-во, 1966, 266 с.
 304. Селиверстова 1982 — Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86-157.
 305. Семенова 2004 – Семенова Н. В. Категория таксиса в современном русском языке. Дисс. на соискание степени д. ф. н., Великий Новгород, 2004. 393 с.
 306. Сиротинина 1974 – Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Знание, 1974, 260 с.
 307. Скобликова 1971 – Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
 308. Славкова 2018 – Славкова С. Семантика русского второго винительного падежа в сопоставительном плане (на материале русского и итальянского языков) // Съюставително езикознание/Сопоставительное языкознание/Contrastive Linguistics, XLIII, 2018, №2. С. 17-32 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.slav.unisofia.bg/images/stories/documents/Sv_Slavkova_2_2018.pdf
 309. Словарь арго 2002 – Елистратов В. С. Словарь русского арго. М., 2000, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovari.gramota.ru/slovari/argo/?page=3&alpha=%DD>
 310. Смирнова 1996 – Смирнова И. А. Категория числа и определенность/неопределенность в современных иранских языках. // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. С. 107-143.
 311. Смирнова 2005 – Смирнова Е. Д. Анализ кванторных выражений в теории семантических категорий. // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. С. 93-103.
 312. Скляревская 1993 – Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка: монография/ Отв. ред. Д. Н. Шмелев. Ин-т лингвист. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 1993, 150 с.
 313. Современный русский язык // Под ред. В.А.Белошапковой. М.: Высш. шк., 1981, 800 с.
 314. Сорокина 2003 – Сорокина Т. С. Функциональные основы теории грамматической синонимии // Вопросы языкознания, М.: Наука, 2003 №3. С. 92-112.
 315. Сорокина 2009 – Сорокина Е. Н. Функционирование предложений с глаголами кумулятивного и сативного способов действия в художественной, публицистической и устной речи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, Новосибирск: Изд-во ННИГУ, 2009. Том 7, выпуск 1. С. 93-100.

316. SGK 1990 — Сопряженность глагольных категорий. Калинин: КГУ, 1990, 129 с.
317. Стросон 1982 – Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике, М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 55-86.
318. Степанов 2004 – Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Под ред. д-ра филол. наук Ю. Н. Караулова. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004, 359 с.
319. Степанов 2004 – Степанов А. Бродский о Чехове: отвращение, соревнование, сходство, «Звезда», 2004 №1. С.209-215 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/1/step17.html>
320. Стойнова 2012 – Стойнова Н. М. Рефактив и смежные глагольные значения // Труды Института лингвистических исследований (Acta linguistica Petropolitana), Т. 8, часть 2. СПб.: Наука, 2012. С. 867-949.
321. Стойнова 2013 – Стойнова Н. М. Показатели рефактива, М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013, 368 с.
322. Стрельцова 1984 – Стрельцова Т. А. О взаимодействии семантического и прагматического аспектов в предложениях с приблизительными и оценочными номинациями // Системные свойства единиц языка и организации текста, Минск: МГПИИЯ, 1984. С. 182-191.
323. Супрун 1962 – Супрун А. Е. Обозначение неточных (приблизительных) количеств при помощи определенно-количественных числительных. // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Ученые записки филолог. ф-та Киргизского ГУ, вып. 8, Фрунзе: КирГУ, 1962. С. 5-14.
324. Супрун 1965 – Супрун А. Е. Славянские числительные. (Становление числительных как особой части речи): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1965. 30 с.
325. Супрун 1996 – Супрун А. Е. Общая характеристика семантики количественности // ТФГ. Качественность. Количественность, СПб: Наука, 1996. С. 162-170.
326. Сэпир (1944) 1985 – Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика М.: Прогресс, 1985. С. 43-78.
327. Татевосов 2010 – Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. на соискание степени д. ф. н. — М., 2010, 539 с.
328. ТИК 1989 – Типология итеративных конструкций / [А. Салим, Т. Г. Акимова, Л. А. Бирюлин и др.]; Отв. ред. В. С. Храковский; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. — Л.: Наука: Ленингр. Отд-ние, 1989, 310 с.
329. Теньер (1959) 1988 – Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц. Редкол.: Г.В.Степанов (пред.) и др.; Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. — М.: Прогресс, 1988 (в оригинале в 1959), 653 с.
330. Тестелец 2001 – Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001, 800 с.
331. Толдова 2000 – Толдова С. Ю. О когнитивном подходе к некоторым проблемам референции. // А.С.Нариньяни (ред.). Труды международного семинара Диалог-2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2000. С. 282-289.
332. Толдова, Сердобольская 2002 – Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. Намерения говорящего и референциальные свойства именных групп // А.С. Нариньяни (ред.) Труды международного семинара Диалог'2002. Т.1. Теоретические проблемы, М., 2002. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://iling-ran.ru/serdobolskaya/Toldova_Serdobolskaya_Dialog_02_namerenija_govoraschego_DOM.pdf

f

333. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко, М.: АСТ-ПРЕСС, 1999, 698 с.
334. Томсон (1908) 2006 – Томсон А. И. К вопросу возникновения родительно-винительного падежа в славянских языках: прилагольный родительный в праславянском языке // Избранные работы по морфологии славянских языков. Развитие категории одушевленности. М.: КомКнига, 2006. С. 78–102.
335. Томсон 1902 – Томсон А. И. Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке. Отд. оттиск из «Русского Филологического Вестника». Варшава, 1902. 44 с.
336. Топоров 1983 – Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. – М.: Наука, 1983. С. 227—284.
337. Тошович 2005 – Тошович Б. Квантитативная категоризация и категориальная квантификация // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М.: Индрик, 2005. С. 104-127.
338. ТПРС 2010 – Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Ю. Д. Апресян, М.: Языки славянских культур, 2010, 408 с.
339. Тураева, Биренбаум 1988 – Тураева З. Я., Биренбаум Я. Г. Еще раз о функционально-семантическом поле количества // Коммуникативно и структурно обусловленные модификации, единиц языка. Л.: Изд. Ленингр. гос. пед.ин-та, 1988. С. 110- 121.
340. ТФГ (1987) 2006 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006, 352 с.
341. ТФГ 1996 – Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб: Наука, 1996, 264 с.
342. Тынянов 1965 – Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: Советский писатель, 1965, 176 с.
343. Углева 2006 – Углева И.В. О способах выражения категории определенности/неопределенности в современном русском языке // Вестник Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск: Изд-во ЮГУ, 2006. Выпуск 5. С. 125-127.
344. Усова, Зайцева 2011 — Усова С. В., Зайцева В. С. Денотативный статус высказывания как важнейший фактор определения соотношенности времен в сложных предложениях // Вопросы филологических наук, М.: Спутник+, 2011. №6. С. 31-34.
345. Успенский 1995 – Успенский Б. А. Семиотика искусства. – М.: Языки русской культуры, 1995, 360 с.
346. Успенский 2004 – Успенский Б. А. Часть и целое в русской грамматике. М.: Языки славянской культуры, 2004, 128 с.
347. ФС 1996 – Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In memoria E.M. Вольф. М.: Институт языкознания РАН, 1996, 168 с.
348. ФЭС 1998 – Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра, 1998, 574 с.
349. ФЯ 1986 – Функционирование языка в разных видах речи: межвуз. науч. сб. / отв. ред.: О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1986, 148 с.

350. Химик 1977 – Химик В. В. Количественность как функционально-семантическая категория и понятие квантитатива // Проблемы лексикологии и семасиологии. Вып. 9. М.: МОПИ, 1977. С. 125-130.
351. Химик 1978 – Химик В.В. О выражении количественности в простом предложении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1978. 17 с.
352. Холодович 1946 – Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1946. № 69. Вып. 10. С.15-36
353. Храковский 1985 — Храковский В. С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985. С. 65-77.
354. Храковский 1990 — Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа) // Вопросы языкознания, М.: Наука, 1990, №5. С. 18-36.
355. Храковский 1996 – Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике, СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. С. 22-43.
356. Цейтлин 1975 — Цейтлин С.Н. Категория предикативности в ее отношении к высказыванию и предложению // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. С. 168-170.
357. Чейф 1975 – Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975, 432 с.
358. Челнокова 2007 – Челнокова А. А. Выражение различных видов количества в языке (на материале немецкого языка) // Вестник СамГУ. 2007. №5/2(55). С. 229-234 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/2007web52/yaz/2007520805.pdf>
359. Червенкова 1975 – Червенкова И. В. Общие адвербиальные показатели меры признака (в современном русском литературном языке). Автореферат дис. ... канд. филол. наук., М., 1975, 26 с.
360. Чернов 1995 – Чернов П. В. Справочник по грамматике арабского литературного языка. – М.: Восточная литература, 1995, 472 с.
361. Чеснокова 1980 – Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке. М.: Просвещение, 1980, 110 с.
362. Чеснокова 1992 – Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос.пед. Института, 1992, 177 с.
363. Чеховская энциклопедия, серия «Большая энциклопедия,» – М.: ИДДК, 2009 (диск, 4.21 GB).
364. Чудаков 1971 – Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971, 292 с.
365. Чуйкова 2021 – Чуйкова О. Ю. Употребление родительного партитивного при русских глаголах с префиксом *no-*: корпусные наблюдения // Русский язык в научном освещении. №1. 2021. С. 105–136. [Электронный ресурс] – Режим доступа: file:///C:/Users/%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9%20%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2/Downloads/2021-1_105-136.pdf
366. Шанский, Тихонов 1987 – Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. В 3ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987, 256 с.
367. Шахматов (1925-1927) 2001 – Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Вступ.

- статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова; редакция и комментарии проф. Е. С. Истриной. 3-е изд. - М.: Эдиториал УРСС, 2001, 624 с.
368. Швачко 1981 — Швачко С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском, украинском языках, Киев: Вища шк., 1981, 144 с.
369. Шелякин 1983 – Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола, Таллин: Валгус, 1983, 216 с.
370. Шелякин 1985 – Шелякин М. А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики, М.: Наука, 1985. С. 37-49
371. Шелякин 1990 – Шелякин М. А. Опыт семантического описания родительного падежа // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, Тарту, 1990. Вып. 896. Труды по рус. и слав. филологии. С. 31-46.
372. Шелякин 2008 – Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: УРСС, 2008, 271 с.
373. Шлуинский 2005 – Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дис. канд. филол. наук. М., 2005, 372 с.
374. Шмелев 1998 – Шмелев А. Д. Типы «невывраженных валентностей». // Семиотика и информатика, вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 167-176.
375. Щеглов 1996 – Щеглов Ю. К. Из поэтики Чехова («Анна на шее») // Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтики выразительности. М.: Прогресс, 1996. С. 157-188.
376. Щерба 1957 — Щерба Л. В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 11-20.
377. Щерба 2007 – Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Аспект Пресс, 2007, 186 с.
378. Щербаков 1968 – Щербаков Ю. И. Об одной разновидности безличных предложений в современном русском языке // Уч. зап. Ульяновского ГПИ, т. XXI, вып. 3, 1968. С. 172-179.
379. Эдельман 1996 — Эдельман Д. И. Поле количественности и категория единичного/общего // ТФГ Качество, количество. СПб: Наука, 1996. С. 170-180.
380. Энциклопедия «История философии» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/hystory_of_philosophy
381. Юшманов (1928) 1999 – Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. – М.: Юридический центр Пресс, 1999, 160 с.
382. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000, 709 с.
383. Якобсон (1936) 1985 – Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985, 460 с. (в оригинале в 1936)
384. Якобсон 1975 – Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сборник статей. — М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
385. Яковенко 2000 – Яковенко Э. В. Неправильные глаголы арабского языка. – М.: Восточная литература, 2000, 728 с.
386. Янко 2002 – Янко Т. Е. Русские числительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении, М.: Языки славянской культуры,

- 2002 – №1 (3). С. 168-181.
387. Янко-Триницкая 1962 – Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Наука, 1962, 247 с.
388. Ярцева 1975 — Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. М.: Наука, 1975. С. 5-23.
389. Яцкевич 1999 – Яцкевич Л. Г. Структура поэтического текста, Вологда: Русь, 1999, 240 с.
390. Babby 1980 – Babby L. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor, Michigan: Karoma Publishers, 1980, 180 p.
391. Babyonyshev 1996 – Babyonyshev M. Structural Connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese. Ph.D. Dissertation, MIT, 1996.
392. Billings & Yadroff 1999 – Billings L., Yadroff M. Prosodic correspondence in syntax: Russian approximative inversion // René Kager & Wim Zonneveld (eds.): Phrasal phonology. Nijmegen: Nijmegen University Press, 1999. P. 45-71.
393. Birkenmaier 1979 – Birkenmaier W. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache // Forum Slavicum, Bd 34, München: W. Fink, 1979. S. 191-195.
394. Chvany 1975 – Chvany Cath. V. On the syntax of be-sentences in Russian. Slavica Publishers, Cambridge, 1975, 311 p.
395. Cetnarowska 2002 – Cetnarowska B. Unaccusativity Mismatches and Unaccusativity Diagnostics from Derivational Morphology // P. Boucher (ed.) Many Morphologies. Smerville, MA: Cascadilla Press. P. 48-81.
396. Corbett 1979 – Corbett G. G. Predicate Agreement in Russian. Birmingham: Dept. of Russian Language & Literature, Univ. of Birmingham, 1979. 113 pp.
397. Corbett 1988 – Corbett G. Agreement in Slavic. Position paper for the workshop Comparative Slavic Morphosyntax: Bloomington, Indiana, 1988. — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://epubs.surrey.ac.uk/1061/1/fulltext.pdf>
398. Corbett 1993 – Corbett G. G. The head of Russian numeral expressions // Corbett G. G., Fraser N. M., McGlashan S. (ed.). Heads in grammatical theory. New York, 1993. P. 11–35.
399. Cusic 1981 – Cusic, D. Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. Stanford: Stanford University, 1981.
400. Dahl 2000 – Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages. // Dahl Ö. (ed.), Empirical Approaches to Language Typology, Euro-Typ, Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/414726846/Empirical-Approaches-to-Language-Typology-20-6-Osten-Dahl-Eurotyp-Typology-of-Languages-in-Europe-Volume-6-Tense-and-Aspect-in-the-Languages-of>
401. Dressler 1968 – Dressler, W. Studien zur verbalen Pluralität. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.
402. Flier 1985 – Flier M. S. Syntagmatic constraints on the Russian prefix *pere-* // M. S. Flier, R. D. Brecht (eds.). Issues in Russian morphosyntax. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. p. 138-154.
403. NRG 1997 – Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. I. Norsk referansegrammatikk. – Oslo: Universitetsforlaget, 1997.
404. Givón 1978 – Givón T. Definiteness and referentiality // Greenberg J.H. (ed.), Universals of human Language. Vol. 4. Stanford, 1978.

405. Gladrow 1979 – Gladrow W. Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen eine konfrontative Studie, Leipzig: Linguistische Studien, 1979, 281 s.
406. Greenberg 1972 – Greenberg, Joseph H. Numeral Classifiers and Substantival Number: Problems in the Genesis of a Linguistic Type. Working Papers on Language Universals, No. 9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED117944.pdf>
407. Guiraud-Weber 2003 – Guiraud-Weber M. Еще раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны. Yet again on the Russian genitive of negation. Another Perspective // Russian Linguistics, 2003, Vol. 27. P. 363-384
408. Hagen 2012 – Hagen J. E. Norsk grammatikk for andrespråklærere. – Oslo: Gyldendal Akademisk, 2012.
409. Harves 2002 – Harves S. Unaccusative Syntax in Russian. Ph.D. Dissertation, Princeton University, 2002.
410. Hopper 1979 – Hopper J. Aspect and foregrounding in discourse // Givón T. (ed.). Discourse and syntax. (SaS. Vol. 12). New York; San Francisco; London: Academic Press, 1979. P. 213-241.
411. Høgberg 2006 – Høgberg E. Håndbok i grammatikk og språkbruk. – Oslo: Fag og Kultur, 2006.
412. Janda 1986 – Janda, L. A. A semantic analysis of the Russian verbal prefixes za-, pere-, do- and ot-. Slavistische Beiträge, Band 192, München. 1986.
413. Jensen 1990 – Jensen P. A. Narrative description or descriptive narration: problems of aspectuality in Èechov // Thelin N. B. (ed.). Verbal aspect in discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990. P. 383-409.
414. Keil 1971 – Keil R.-D. Zur Wahl des Objektkasus bei verneinten Verben im modernen Russisch // Zeitschrift für Slavistische Philologie, XXXV, 1971. s. 109-133.
415. Kout 1960 – Kout J. Konstrukce typu «postupit' v letčiki». Rusko-české studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Raze, Jazyk a litaretura, II, 1960. p. 103-112.
416. Krifka 1992 – Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // Sag I., Szabolsci A. (eds.) Lexical matters. Stanford: CSLI, 1992. p. 29-53.
417. Krifka 1998 – Krifka M. The origins of telicity // Rothstein S. (ed.) Events and Grammar. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. p. 197-235.
418. Kustova et al. 2009 – Kustova G., Lashevskaja O., Paducheva E., Rakhilina E. Verb taxonomy: From theoretical lexical semantics to practice of corpus tagging // Lewandowska-Tomaszczyk B., Dziwirek K. (eds.). Studies in Cognitive Corpus Linguistics. Frankfurt, 2009. P. 41-56.
419. Langacker 1987 — Langacker R. W. Foundation of cognitive grammar. – Vol. 1: Theoretical prerequisites. – Stanford, 1987, 505 p.
420. Lewis 1975 – Lewis D. Adverbs og Quantification // Keenan E.L. (ed.). Formal Semantics of Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 3–15.
421. Link 1983 – Link G. The Logical Analysis of Plurals and Mass Terms // Bauerle R., Schwarze C., von Stechow A. (eds.) Meaning, Use, and Interpretation og Language. Berlin: Mouton de Gruyter, 1983 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://people.umass.edu/scable/LING720-FA13/Handouts/Mendia-Presentation.pdf>
422. Pelletier 1975 – Pelletier F. J. Non-singular Reference: Some Preliminaries // Philosophia, 1975. Vol.5 (4). P. 451–465.
423. Pete 1981 – Pete I. Семантические типы количественных отношений // Die Welt der

- Slawen. München, 1981. Jg. XXVI. Hefy 2. p. 338-345.
424. Pesetsky 1982 – Pesetsky D. Paths and Categories. Ph.D. Dissertation, MIT, 1982.
425. Ružička 1957 – Ružička Y. Podmet v genitive / Y. Ružička // Slovensca reč. – XXII. – č. 1. – Bratislava. – 1957. – Str. 5-20.
426. Sekaninová 1963 – Sekaninová E. Verbalná prefixácia (Sémantický rozbor slovíes s predponou pere- v ruštine). Cand. Diss. Bratislava, 1963.
427. Wierzbicka 1967 – Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. The Hague – Paris: Mouton, 1967, p. 2231-2249.
428. Worth 1959 – Worth D. S. Grammatical and Lexical Quantification in the Syntax of the Russian Numeral // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. I / II. P. 117–132.
429. Yadroff & Billings 1998 – Yadroff M., Billings L. The syntax of approximative inversion in Russian (and the general architecture of nominal expressions) // Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. The Connecticut meeting 1997. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 319-338.
430. Zaroukian 2012 – Zaroukian E. Approximative Inversion Revisited // Proceedings of the 19th annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics, ed. J. F. Bailyn, E. Dunbar, Y. Kronrod, and C. LaTerza, 146-160. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ezaroukian.github.io/CVmaterials/FASLproceedings-DRAFT.pdf>
431. CoCoCo1 – Daria Kormacheva, Lidia Pivovarova and Mikhail Kopotev, Automatic Collocation Extraction and Classification of Automatically Obtained Bigrams // Workshop on Computational, Cognitive, and Linguistic Approaches to the Analysis of Complex Words and Collocations (CCLCC 2014, Tübingen, Germany). Tübingen, 2014, pp. 27-33.
432. CoCoCo2 – Mikhail Kopotev, Lidia Pivovarova, Natalia Kochetkova, Roman Yangarber, Automatic detection of stable grammatical features in n-grams // Papers from the 9th Workshop on Multiword Expressions (MWE 2013). Workshop at NAACL 2013 (Atlanta, Georgia, USA), June 13/14, 2013, Atlanta, 2013, pp. 73-81.